

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

На правах рукописи

ГАВРИКОВА Анна Сергеевна

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИЙСКАЯ ОЦЕНКА
АНГЛИЙСКОГО ОПЫТА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
ЦАРСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ (XIX–НАЧАЛА XX В.)

Специальность 07.00.03 –
Всеобщая история (Новая и новейшая история)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

А. И. Минаев

Рязань - 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Генезис и развитие британской партийно-политической системы до начала XX века.....	23
1.1 Возникновение и деятельность британских политических партий виги и тори в условиях парламентской монархии.....	23
1.2 Избирательные реформы и политические партии Великобритании..	41
1.3 Организационное оформление консервативной и либеральной партий во второй половине XIX века.....	69
Глава II. Партийно-политическая система Великобритании в восприятии общественно-политической мысли России XIX – начала XX в.....	88
2.1 Британский опыт государственного строительства в оценках российских либералов: апология и заимствование.....	88
2.2 Восприятие британской партийно-политической системы российскими консерваторами.....	117
2.3 Критика и неприятие британского государственного «образца» российскими радикалами.....	141
Заключение.....	166
Список источников и литературы.....	174

Введение

Актуальность темы исследования. Партийно-политическая система Великобритании на протяжении веков демонстрировала прочность и возможность адаптироваться к изменяющимся условиям среды, не переставая привлекать к себе внимание исследователей из различных стран мира. В течение XIX столетия она качественно модернизировалась, совершила эволюционный переход от аристократии к буржуазной демократии. Осуществление необходимого реформирования английской избирательной системы способствовало выходу на авансцену партий и сумело обеспечить мирное развитие страны. Обе партии, сталкиваясь по различным политическим, экономическим, социальным вопросам, постепенно превратились в мощнейшие идеологические силы, стали полноправными представителями нации в парламенте, внося элемент состязательности, умело создавая цивилизованный политический рынок.

На рубеже XIX - начала XX в. в нашей стране отчетливо назрела потребность в модернизации государственного строя, сопровождавшаяся обращением передовой общественной мысли к западным политическим образцам, и полемикой вокруг приемлемости иностранного опыта для России. Выход на арену политической борьбы в начале XX века новых радикальных группировок усилил практический интерес российской общественности к английским механизмам революционного сдерживания.

Следует отметить, что обращение к опыту Великобритании актуально и для современной России, совершившей, за короткий исторический период, скачок от тоталитаризма и авторитаризма к демократии. За последние десятилетия в нашей стране наметился переход от стихийной многопартийности к более четко структурированному партийному механизму. В настоящее время, как и век назад, Россия продолжает сталкиваться с необходимостью дальнейшей консолидации интересов, гражданском взрослении масс, действенном участии партий в политической жизни и конкуренции их за власть в рамках существующего конституционного строя. Перед нашей страной стоят все те же задачи:

превращение партий в неотъемлемый институт представления и выражения интересов граждан, на основе широкой общественной поддержки и консенсуса политических сил. Английский опыт работы либералов и консерваторов по привлечению электората, использование ими таких предвыборных технологий как агитация, печать, поездки по стране, митинги и обращения лидеров к электорату, создание организационных клубов и ассоциаций в поддержку представляется, несомненно, актуальным и для современной российской избирательной практики. Очевидно, что процесс становления развитой устойчивой демократической партийно-политической системы в нашей стране продолжается, и от успехов в этом направлении во многом будет зависеть избежание ее возможных потрясений в будущем.

Об актуальном научно-исследовательском значении диссертационной темы свидетельствует также выход монографий и статей, успешные защиты кандидатских и докторских диссертаций, освещающие отдельные стороны рассматриваемой проблематики.

Объект исследования - исторический опыт становления и развития британской партийно-политической системы и российская общественно-политическая мысль XIX – начала XX в.

Предмет исследования - значение для России многогранного британского опыта в оценках либеральной, консервативной и радикальной общественно-политической мысли XIX- начала XX в.

Хронологические рамки исследования охватывают период XIX-начала XX в. Именно в течение этого времени проходила организационная и идейная трансформация английских партий, постепенно адаптирующихся к меняющимся социально-экономическим и политическим условиям. Их становление и развитие сопровождалось соперничеством либералов и консерваторов друг с другом на основе взаимных уступок в рамках сформировавшейся двухпартийной системы. В течение XIX столетия либеральная и консервативная партии из узкоклассовых превратились в массовые, ориентируясь на широкий социально неоднородный электорат, оказывая влияние на формирование общественного мнения в стране.

Постепенная демократизация двухпартийной системы, в указанный хронологический период, обеспечила необходимую преемственность и стабильность политической жизни Великобритании и учла социальные запросы общества. В условиях назревшей потребности модернизации России во второй половине XIX века и проводимых в стране либерально-буржуазных реформ происходит обращение либеральных, консервативных и радикальных кругов отечественной общественно-политической мысли к английскому опыту реформирования страны под руководством партий. Интерес к эволюции британской партийно-политической системы отчетливо прослеживался в нашей стране, оказывая влияние на мировоззренческое понимание необходимости трансформации российского самодержавия.

Территориальные рамки исследования охватывают главным образом Великобританию, где происходила эволюция партийно-политической системы, изменения в организационном и функциональном существовании партий, и Россию, в которой формировались оценки английского опыта в общественно-политической мысли.

Степень изученности темы. Предваряя историографический обзор, следует подчеркнуть, что в российской историографии специальные, комплексные монографические исследования на тему: «Эволюция партийно-политической системы Великобритании и российская оценка английского опыта в контексте трансформации царского самодержавия (XIX–начала XX в.)» отсутствуют. Однако имеется значительное количество научных трудов, которые обращаются к отдельным сторонам и явлениям заявленной проблематики.

Процесс складывания партийно-политической системы Великобритании, проведение избирательных реформ 1832 г., 1867 г., 1884-1885 гг., способствующих модернизации британского внутривластного процесса, в интересующий нас период, мы находим в трудах: Т. Маколея, Х. Кокса, Т. Э. Мэя, Г. Мардоча, Т. Р. Тасвел-Лангмеда, У. Беджгота, Ф. Б. Смита, А. Балмер-Томаса, О. Пифферуна, С. Лоу, А.Ф. Полларда, Дж. Р. М. Батлера, Р. Уолкотта, Л. Нэмира, Ч. Сеймура, Дж. Х. Парка, Дж. М. Тревельяна, Н. Гэша, У. Спекса, Дж. Пламба, М.

Брока, Б. Коварда, А. Джонса, Г. Дискинсона, А. Бриггса, М. Пью, А. Боллана, Дж. Кларка и др.¹

По истории либеральной партии следует выделить работы Д. Винсета, Д. Хаммера.² Особое место в трудах английских ученых отводилось таким выдающимся государственным и политическим деятелям либерализма как А.Ф. П. Розбери,³ У. Гладстона.⁴ История консервативной партии отражена в трудах Дж. Р. М. Батлера, Р. Блэйка, Р. Стюарта и др.⁵

Интерес к партогенезу, партиям, их структуре, функциям и условиям в которых они взаимодействуют в рамках политических систем прослеживается

¹ Macaulay T. B. The History of England from the Accession of James the Second. Vol. 2. L., 1849; Cox H. History of the Reform Bills of 1866 and 1867. L., 1868; May T.E. The Constitutional History of England since the Accession of George the Third. 1760-1860. L., 1871; Murdoch J. A History of constitutional reform in Great Britain and Ireland with a full account of the three measures of 1832, 1867 and 1884. L., 1885; Taswell-Langmead T.R. English Constitutional History from the Teutonic conquest to the present Time. L., 1905; Пифферун О. Европейские избирательные системы. СПб., 1905; Лоу С. Государственный строй Англии. Перевод под редакцией проф. А.С.Ященко. С вступительным замечанием и статьей проф. П.Г.Виноградова. М., 1910; Pollard A. F. The History of England A study in political evolution. L., 1911; Butler J.R.M. The passing of the Great Reform bill. L., 1914; Seymour C. Electoral reform in England and Wales 1832 - 1885. New Haven, 1915; Veitch G. S. The Genesis of Parliamentary Reform. London, 1915; Park J.H. The English Reform Bill of 1867. New-York, 1920; Trevelyan G.M. Lord Grey of the Reform bill: Being the life of Charles, second Earl Grey. L., 1920; Idem. The two-party system in English political history / George Macaulay Trevelyan. – Oxford: Clarendon Press, 1926; Butler J.R.M. A history of England 1815 – 1918. L., 1928; Bulmer-Thomas I. The Party system in Great Britain. L., 1953; Gash N. Politics in the age of Peel: A study in the technique of Parliamentary representation. 1830 - 1850. L., 1953; Walcott R. English Politics in the Early Eighteenth Century. Cambridge, 1956; Namier L. The Structure of Politics at the Accession of George III. Vol. 1—2. L., 1957; Bagehot И. The English constitution. L. 1964; Idem. The Growth of the British Party System 1640-1923. Vol. I. London, 1965.; Gash N. Reaction and reconstruction in English politics, 1832 - 1852. Oxford, 1965; Smith F.B. The Making of the Second Reform Bill. Cambridge, 1966; Speck W. Tory and Whig: the struggle in the constituencies. 1701-1715. L.: Macmillan, 1970; Jones A. The politics of reform 1884. Cambridge, 1972; Plumb J. H. The growth of political stability in England, 1675-1725. L.: Macmillan, 1967; Brock M. The Great Reform Act. London, 1973; Coward B. The Stuart Age: England 1603–1714. N. Y.: Longman, 1974; Speck W. Stability and Strife. England 1714–1760. Harvard University Press, 1977; Pugh M. Electoral reform in war and peace. 1906 – 1918. L., 1978; Dickinson H. T. Liberty and property. Political ideology in eighteenth-century Britain. N.Y.: Holmes, 1979; Briggs A. The Age of Improvement 1783-1867. L., 1979; Gash N. Aristocracy and people: Britain, 1815 - 1865. Cambridge, 1981; Pugh M. The making of modern British politics (1867-1939). Oxford, 1982; Ball A.R. British political parties, the emergence of a modern party system. L., 1987; Cox H. The efficient secret. The Cabinet and The development of political parties. Cambridge, 1987; Clark J. Revolution and rebellion: State and social in England in the seventeenth and eighteenth centuries. Cambridge: CUP, 1987

² Vinsent D. The formation of the British Liberal party 1857-1868. N.Y., 1972; Hammer D.A. Liberal politics in the age of Gladstone and Rosebery. Oxford. 1972.

³ Raymond E.T. The Life of Lord Rosebeiy. N.Y., 1923.

⁴ O'Connor T.P. Gladstone's House of Commons. L., 1885; Smith G. B. The Life and Times of the Right Honourable William Ewart Gladstone. 6 Vols. Glasgow. 1888; MacDonald E.A. Mr. Gladstone: A Popular Biography. Edinburgh, L., 1891; Gunsaulus F.W. William Ewart Gladstone a Biographical Study. L., 1893; Hobkins J.C. Life and Work of Mr. Gladstone. Toronto, 1895; Handford T.W. William Ewart Gladstone: Life and Public Services. Chicago, 1898; Kelsey D.M. Life and Public Services of William E. Gladstone. Halifax, 1898; Morley J. The Life of W. E. Gladstone. Vol. 2. L., 1906; Jenkins T.A. Gladstone, whiggery and liberal party 1874-1886. Oxford, 1988.

⁵ Butler, J. R. M. A history of England 1815 – 1918. L., 1928; Blake R. The conservatives: history from their origins to 1965. L., 1965; Idem. Disraeli. L., 1978; Stewart R. The formation of the conservative party 1830-1867. L., 1978.

также в работах немецких и французских ученых XIX - начала XX в.: Э. Фишеля, Л. Фоше, Р. Гнейста Э. Бутми.⁶

На рубеже XIX - начала XX в. появляются труды российской научной мысли, анализирующие место парламента и партий в политической системе, борьбу за избирательные права, становление демократических институтов. Среди них следует выделить работы: Ю. С. Гамбарова, П. П. Муратова, В. А. Педькова, В. Ф. Дерюжинского, А. В. Мижужева, П. А. Берлина, С. Ф. Фортунатова.⁷

Крупнейшим российским ученым и государственным деятелям, англоведам, интеллектуалам-западникам М. М. Ковалевскому⁸ и М. Я. Острогорскому⁹ принадлежит более глубокое и подробное исследование эволюционной трансформации партийно-политической системы Великобритании в соответствии с меняющимися запросами общества и перехода к демократии и капитализму. Во многом, по мнению ученых, такой переход стал возможен благодаря работе английских партий, которые сумели свести состязательность за власть и влияние в обществе к легитимной борьбе за расширение избирательного права. Опасаясь бездумного засилья большинства и превращения традиционных английских политических партий в массовые, закрытые структуры в конце XIX- начале XX в., М. М. Ковалевский и М. Я. Острогорский все же находили в конституционной

⁶ Фишель Э. Государственный строй Англии. Пер. с нем. СПб., 1862; Фоше Л. Очерки Англии. СПб., 1862; Гнейст Р. История государственных учреждений Англии. Пер. с нем. М., 1885; Бутми, Э. Развитие конституции и политического общества в Англии. М.: 1897; Его же. Развитие государственного и общественного строя Англии. Пер. с франц. М., 1904.

⁷ Гамбаров Ю.С. Политические партии в их прошлом и настоящем. 2-е изд, Спб, 1905; Муратов П.П. Борьба за избирательные права Англии. М. 1906; Педьков В.А. Парламентский строй в Англии. Развитие английских политических учреждений до конца XIX века / Политическая библиотека «Биржевых ведомостей». Вып. 22. СПб., 1906.; Дерюжинский В.Ф. Из истории политической свободы Англии и Франции. 1906; Мижувев А.В. Парламентаризм и представительная форма правления. Спб, 1907; Берлин П.А. Политические партии в Западной Европе, Спб, 1907; Фортунатов С.Ф. История Англии и Германии в XIX в. – М., 1915.

⁸ Ковалевский М. М. Кризис в западных конституциях // Вестник Европы. 1886. № 5; Его же. Русская конституция. Очерк IV. Будет ли Дума законодательным или совещательным органом. СПб., 1906; Его же. Что такое парламент? СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1906; Его же. Новейшие преобразования русского государственного строя. СПб., 1906; Его же. Великобритания (История) / Энциклопедический словарь товарищества «Бр.А.и И. Грант и Ко». Т. 9. Спб. 1911.; Его же. Начало русско-английского сближения // Вестник Европы. 1912. № 3; Его же. Моя жизнь. Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2005; Его же. Избранные труды. Ч.1. М. РОССПЭН, 2010.

⁹ Острогорский М. Я. Наказ Государственной думы // Дума. 1906. 3(16) мая; Его же. Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека // Вестник Европы, 1913. № 9; Его же. Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека. III. Упадок палаты общин и возвышение кабинета // Вестник Европы. 1913. №11; Его же. Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека.- IV. Апофеоз монархии и торжество демократии // Вестник Европы. 1913. № 12; Его же. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997.

Великобритании необходимые свободы, сочетавшиеся с многовековой историей представительства, и не исключали возможности практического применения английского опыта в своей стране.

В 50-х гг. XX века в рамках классового подхода появляется перевод книг английских историков: А. Л. Мортон «История Англии», А. Л. Мортон и Дж. Тэйта «История английского рабочего движения 1770-1920» и Дж. Голлана «Политическая система Великобритании»¹⁰. Авторы, придерживаясь марксистских позиций, исследовали внутривнутриполитические процессы в Великобритании, исходя из особой, движущей роли в них рабочего класса. Отечественная историография данного периода пополняется также работами советских ученых - С. Г. Федорова, А. М. Некрича и Л. В. Поздеевой¹¹, обращающихся к исследованию английского государственного строя и политических партий. Наиболее полный анализ партийно-политической системы и деятельности партий Великобритании в этот период прослеживается в монографии С. Г. Федорова – «Двухпартийная система в государственном механизме Великобритании».

В 1858-1859 гг. советская историография пополнилась трудами К. Н. Татариновой, А. И. Косарева, Г. Р. Левина, Н. А. Ерофеева.¹² А. И. Косарев анализировал парламентские реформы 1832 и 1867 гг. в Великобритании, отмечал их положительное влияние на общественно-политическую жизнь страны. В книге К. Н. Татариновой «Очерки по истории Англии 1640-1815 гг.» мы находим широкое освещение важного для нас периода в истории Великобритании XVIII-начала XIX в. В одноименном труде «Очерки по истории Англии», под редакцией

¹⁰ Мортон А. Л. История Англии. М.: Издательство иностранной литературы, 1950; Голлан Дж. Политическая система Великобритании / перевод с англ. Грузиновой О. и Переваловой Т. под ред. Поленц О., М.: Изд. иностр. лит-ры. 1955. Мортон А. Л., Тэйт Дж. История английского рабочего движения 1770-1920. / перевод с англ. Н.И. Чернявской, под ред. Ф. Д. Волкова. М.: Изд-во Иностранная литература, 1959.

¹¹ Федоров С.Г. Двухпартийная система в государственном механизме современной Великобритании. И. 1957; Некрич А.М., Поздеева Л.В. Государственный строй и политические партии Великобритании. М., 1958.

¹² Татаринова К. Н. Очерки по истории Англии 1640 – 1815 гг. М., 1958; Косарев А. И. Избирательная реформа 1867 г. в Англии // Вестник МГУ. 1958. № 2.; Косарев А. И. Социально-политическое значение избирательного закона 1832 г. в Англии // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. М., 1959. № 2; Очерки по истории Англии / под ред. Левина Г. Р. – М. 1959; Ерофеев Н. А. Очерки по истории Англии 1815 - 1917 гг. М.: Издательство ИМО, 1959; Ерофеев Н. А. Чартистское движение. М., 1961; Ерофеев Н. А. «Дряхлый Альбион» (Англия в русской публицистике 30-х - 40-х гг. XIX в.) // Проблемы британской истории. М., 1980; Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских 1825-1853 гг. М.: Издательство «Наука», 1982.

Г. Р. Левина, во второй главе «Новое время» уделяется внимание важнейшим вехам внутривластного развития Великобритании XIX - XX в.

В работе советского англоведа Н. А. Ерофеева «Очерки по истории Англии 1815 - 1917 гг.» он охватывает значительный период социально-политической и экономической модернизации Великобритании, проводит анализ осуществляемых парламентских реформ (глава I), освещает работу партий (главы III, IV, V). В 80-х гг. выходят его фундаментальные труды - «Дряхлый Альбион» (Англия в русской публицистике 30-х - 40-х гг. XIX в.) и Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских 1825-1853 гг., в которых ученый, опираясь на классовый подход к исследованию, продолжал анализировать социально-экономические, политические и культурные процессы в контексте их восприятия российской общественной мыслью. Н. А. Ерофеев указывал на исторически сложившийся большой интерес соотечественников к Великобритании, который он объяснял противоречивостью русско-английских отношений.

Настоящий всплеск интереса к партийно-политической истории Великобритании наметился в нашей стране в 80-2000-х годах XX века. Научный интерес вызвали монографии и публикации О. А. Науменкова, В. В. Согрина, В. Г. Трухановского, А. Б. Соколова, И. М. Узнародова, О. В. Дмитриевой, М. П. Айзенштат, А. А. Орлова.¹³

¹³ Науменков О. А. Борьба партий и вторая парламентская реформа 1867 г. в Англии. Уфа: БГУ, 1988; Согрин В. В. История партийно-политической системы в Великобритании, анализ немарксистских концепций // Новая и новейшая история. – 1988. – № 5; Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли и королева Виктория // Новая и новейшая история. 1990. № 4, 5; Соколов А. Б. Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI – XVII вв. Ярославль, 1992; Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли или история одной невероятной карьеры. М., 1993.; Узнародов И. М. Политические партии Великобритании и рабочие избиратели (50-нач. 80-х гг. XIX в.). Ростов н/Д, 1992; Дмитриева О.В. У истоков английского парламентаризма // Британия и Россия. М.: Наука, 1997; Айзенштат М. П. Британский парламент и общество в 30-40 гг. XIX в. Монография. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1997; Айзенштат М. П., Гелла Т. Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке (1815 - середина 1870-х гг.). М.: Институт всеобщей истории РАН, 1999; Айзенштат М. П. Великобритания нового времени: политическая история. Монография. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2002; Ее же. Британия Нового времени. Политическая история. М.: Книжный дом Университет, 2007; Ее же. Власть и общество Британии. 1750-1850 гг. М.: ИВИ РАН, 2009; Ее же. Н. Г. Чернышевский об Англии и англичанах // История РФ. Федеральный портал. URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/book>; Орлов А. А. Россия и Великобритания в 1805-1815 гг.: борьба за новый европейский порядок // Российская история. 2013. № 6.; Его же. Иностранцы – это вред или польза? Рецензия на книгу: Тихонова А. В. «Надлежаще смотреть...». Надзор за иностранцами в Российской империи (1801-1861) // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2014. № 2 (14).

Обстоятельному изучению и анализу либеральной партии Великобритании посвящены труды: С. А. Колмакова, Т. Н. Геллы, М. В. Жолудова, С. Ю. Тороповой.¹⁴

Подробное исследование консервативной партии Великобритании мы находим в работах О. А. Науменкова, В. В. Клочкова.¹⁵

Следует констатировать, что в отечественной историографии встречаются монографии и публикации, освещающие отдельные стороны внутривнутриполитической жизни Великобритании, а также работы обобщающего характера, затрагивающие либеральное, консервативное и радикальное направления в целом. Данные труды определили необходимые теоретические и методологические ориентиры на пути к всестороннему исследованию темы диссертации.

Либеральное направление общественно-политической мысли России освещено в работах: В. А. Китаева, В. Д. Зорькина, Н. Я. Куприц, Н. А. Балашовой, С. А. Дудзинской, В. Молчанова, В. В. Шелохаева, С. С. Секиринского, А. Н. Медушевского, В. Е. Юровского, А. Н. Верещагина, Е. А.

¹⁴ Колмаков С.А. Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 80-е годы XIX века. М., 1985; Гелла Т. Н. Либеральная партия Великобритании и империализм в конце XIX – начале XX века. Орел, 1992; Жолудов М. В. К вопросу о времени образования либеральной партии Великобритании // Актуальные проблемы преподавания новой и новейшей истории в школе и вузе: Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. Рязань, 26-27 мая 1995; Его же. Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 30-е гг. XIX в. Монография. Рязань: Изд-во РГПУ, 1997; Его же. У истоков либеральной партии Великобритании // Вопросы всеобщей истории: сборник научных трудов.- Рязань: Изд-во РГПУ, 1997; Торопова С. Ю. Становление и эволюция двухпартийной системы Викторианской Англии. Ярославль, 1998; Ее же. Британские либералы в конце 1880-х — начале 1900-х годов: кризис и путь к возрождению партии. Ярославль, 2002; Жолудов М. В. Развитие двухпартийной системы Великобритании в первой половине XIX века // Очерки истории Великобритании XVII – XX вв. Монография. М., 2002; Его же. Политические партии Великобритании накануне проведения парламентской реформы 1832 г. // Отечественная и всеобщая история в XIX- XX вв.: Сборник научных трудов. Рязань, 2003; Его же. К вопросу о социально-экономических предпосылках образования либеральной партии Великобритании в середине XIX в // Новая и новейшая история Запада и Востока: новые подходы в исследовании: межвузовский сборник научных трудов. – Рязань, 2008; Гелла Т. Н. У Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети XIX века: монография. Орел: Орловский гос. ун-т, 2008; Ее же. Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX – начале XX в. Монография. Орел: Орловский гос. ун-т, 2009; Ее же. Либералы и консерваторы: социальный состав и представительство в парламенте в конце XIX века // Вестник Орловского государственного ун-та. Серия: новые гуманитарные исследования. 2009. № 2.; Ее же. Британская монархия и империя в 70-80-х годах XIX века // Вестник Орловского государственного ун-та. Серия: новые гуманитарные исследования. 2011. № 6; Ее же. Королева Виктория и Британская империя в 70-80-х годах XIX века // Общество и человек. 2013.

¹⁵ Науменков О. А. Консервативная партия и парламентская реформа 1867 года. Уфа, 1980; Его же. Консервативная партия и парламентские выборы 1874 г. в Англии. Уфа, 1983; Его же. Консервативная партия и парламентские выборы 1880 г. в Англии. Уфа, 1985; Его же. Консервативная партия и парламентские выборы 1868 г. в Англии. Уфа, 1985; Его же. Из истории внутренней политики консервативной партии Великобритании в 70-е годы XIX века. Саратов, 1989; Клочков В. В. Кризис партии тори и формирование политической стратегии британского консерватизма 1828-1835. Ростов н/Д, 1999; Его же. Партии в политической системе Великобритании в XVIII в. // Тамбов: Грамота. 2012. № 9 (23); Его же. Эволюция системы политического представительства в Великобритании конца XVII – начала XIX в. // Тамбов: Грамота. 2015. № 6 (56).

Кривоноговой, Р. А. Насибуллина.¹⁶ Научный интерес представляет также монография «Российский либерализм: идеи и люди», под редакцией А. Карамурзы¹⁷. В ней изложены биографии и взгляды видных российских либералов XIX – начала XX в.

Консервативное направление представлено работами: П. А. Зайончковского, Н. Б. Сокольской, Д. В. Ермашова, А. А. Ширинянца, Н. Ф. Гриценко, Б. Н. Карипова А. Ю. Полунова, В. Я. Гросула.¹⁸

В обобщающем труде - коллективной монографии ИРИ РАН «Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика» под редакцией В. Я. Гросула¹⁹, вышедшей в 2000 г., раскрываются основные аспекты консервативной политики, отслеживается эволюция консерватизма в России с конца XVIII до начала XX в. (1905-1907 гг.).

Радикальной общественно - политической мысли XIX- начала XX в. посвящены работы: М. В. Нечкиной, А. М. Шапиро, А. Ф. Мартынова, Ю. С.

¹⁶ Китаев В. А. К вопросу о полемике между Катковым и Чичериным в 1862 году // Вопросы истории общественно-политической мысли и внутренней политики России в XIX веке. Горький, 1971; Зорькин В.Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX – начала XX в. (Б.Н. Чичерин) М.: Изд-во Московского университета, 1975; Куприц Н. Я. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России (XIX в.). М., 1980; Балашова Н.А. Российский либерализм начала XX века. М.: Изд-во Московского университета, 1981; Дудзинская Е. А. Славянофилы в общественной борьбе. М.: Мысль, 1983; Молчанов В. Борис Чичерин Наше настоящее положение / В. Молчанов // Родина. 1992. № 11-12.; Секиринский С. С., Шелохаев В. В. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX- начало XX века). М.: Памятники исторической мысли. 1995; Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Медушевский А. Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9; Его же. Реформы в России XIX –XX веков: западные модели и русский опыт // Отечественная история. 1996. № 2.; Юровский В. Е. Газета либеральной интеллигенции «Русские ведомости» / В. Е. Юровский // Вопросы истории. – 1997. - № 1; Верещагин А.Н. Земский вопрос в России: политико-правовые отношения / А. Н. Верещагин. М., Международные отношения, 2002; Китаев В. А. Либеральная мысль в России (1860-1880). Саратов, 2004; Кривоногова С. А. Восприятие опыта британского парламентаризма в русской либеральной публицистике конца XIX- начала XX века // Вестник ЮУрГУ, 2007. №8(80); Насибуллин Р. А. Б. Н. Чичерин о классификации политических партий в конституционном государстве // Вестник Удмурдского ун-та. Экономика и право. 2008. № 2.

¹⁷ Российский либерализм: идеи и люди / Сост. А. Кара-Мурза. М.: Новое изд-во, 2004.

¹⁸ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX века (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970; Сокольская Н. Б. Консерватизм: идея или метод // Полис. 1998. № 5.; Ермашов Д. В., Ширинянец А. А. У истоков российского консерватизма: Н. М. Карамзин. М., 1999; Гриценко Н. Ф. Консервативная стабилизация в России в 1881-1894 годах. М., 2000; Карипов Б. Н. Консерватизм: понятие, генезис, сущность и особенности // Вестник Моск. ун-та. Сер.12. Полит.науки. 2009. №1.; Полунов П. А. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010.

¹⁹ Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В.Я. Гросула. М., 2000.

Мелентьева, А. А. Рюта, В. Г. Графского, Ю. В. Костина, М. О. Шепеля, Т. В. Евтеевой.²⁰

Особый научный интерес, в рамках настоящего диссертационного исследования, представляет монография А. И. Минаева «Британский парламентаризм и общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVIII – начало XX в.», изданная в 2008 году.²¹ Она посвящена проблемам развития британского парламентаризма во второй половине XVIII до начала XX в. и оценке этих процессов в Российской империи.

Одна из последних монографий, затрагивающих исследуемую тему, стала книга В. Я. Гросула «Общественное мнение в России XIX века», изданная в 2013 году.²² В ней рассматривается эволюция и роль общественного мнения в России на всем протяжении XIX столетия, выявлены основные вопросы, по которым оно складывалось.

В 90-х- 2000-х гг. значительный интерес к партийно-политической системе Великобритании, английскому опыту государственного строительства, общественной мысли России XIX - начала XX в. подтверждается успешно защищенными кандидатскими и докторскими диссертациями: Т. Н. Геллы, А. А. Орлова, М. П. Айзенштат, В. Н. Украинского, А. А. Подсумковой, В. В. Клочкова, Е. П. Золотницкого, А. В. Новикова, О. В. Бодрова, И. А. Школьникова, Н. В. Онишко, С. И. Степанюк, Н. Р. Голубева, Е. З. Молчанова, И. В. Юдиной, Е. З. Зулъкарнаевой, Д. В. Аронова, В. В. Борискина, Д. В. Лафитского, А. И. Минаева, Е. О. Науменковой.²³

²⁰ Нечкина М. В. Движение декабристов. Т.1. М., 1955; Шапиро А. М. Некоторые вопросы политической борьбы в Англии в 50-60-е гг. XIX в. в оценке Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1958; Мартынов А. Ф. Н. Г. Чернышевский в 80-е годы. Политические воззрения и научная деятельность / под ред. Н.С. Травушкина. Саратов, 1983; Мелентьев Ю. С. Н. А. Добролюбов и Н. Г. Чернышевский. Страницы великой дружбы М.: «Советский писатель», 1989; Рюта А.А. Герцен и традиции Вольной русской прессы. Казань, 2001; Графский В. Г. Политические и правовые взгляды русских народников (история и эволюция). М., 2003; Костин Ю. В. Общественно-политическая и юридическая мысль в России второй половины XIX-начала XX века о государстве, праве и нравственности. Орел: Изд-во «Орлик», 2006; Шепель М. О. Историософия А. И. Герцена: у истоков критики парадигмы истории XIX столетия : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2009; Евтеева Т. В. Критика западной цивилизации в воззрениях А. И. Герцена // Аналитика культурологии. 2011. № 21.

²¹ Минаев А. И. Британский парламентаризм и общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVIII – начало XX веков: монография. Рязань-Москва, 2008.

²² Гросул В. Я. Общественное мнение в России XIX века. М.: «АИРО-XXI», 2013.

²³ Гелла Т. Н. Империалистическое течение в английской либеральной партии в конце XIX – начале XX в. (1895-1905 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; Орлов А. А. Англо-русские взаимоотношения в годы наполеоновских

Таким образом, в исторической науке представлен широкий обзор зарубежных и отечественных источников и литературы, который позволяет провести комплексное исследование по заявленной проблематике.

Цель и задачи исследования. Автор поставил цель изучить британскую партийно-политическую систему и опыт ее восприятия в России в контексте формирования представлений о трансформации самодержавия.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- исследовать генезис партийно-политической системы Великобритании;
- рассмотреть широкий спектр факторов, оказавших влияние на трансформацию английских партий и изменения в их организационном оформлении, функциях, деятельности на протяжении XIX века;
- проследить и сравнить специфику оценок английской партийно-политической системы российскими либералами, консерваторами и радикалами XIX - начала XX в.;
- выяснить особенности восприятия феномена британского государственного образца в контексте трансформации самодержавия в России.

Источниковая база исследования разделена на четыре группы.

войн, 1805-1814 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; Айзенштат М. П. Британский парламент и общество 1815-1849 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999; Украинский В. Н. Политические партии в двухпартийной системе Великобритании 70-80-х годов XIX века : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1994; Подсумкова А. А. Государственная дума и периодическая печать России в начале XX века (взаимоотношение и взаимовлияние) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.; Клочков В. В. Кризис партии тори и формирование политической стратегии британского консерватизма, 1828-1835 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1999.; Золотницкий Е. П. Политический либерализм (историко и теоретико-правовые аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000; Новиков А. В. Российские консерваторы М. Н. Катков, Д. А. Толстой, К. П. Победоносцев и самодержавие, середина XIX - начало XX в.в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; Бодров О. В. М. М. Ковалевский - историк английской общественной и политической мысли нового времени : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002; Школьников И. А. Суфражизм и политические партии Великобритании : 1867-1918 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2002.; Онишко Н. В. Идеи и институты парламентаризма в политико-правовой мысли дореволюционной России : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003; Степанюк С. И. Концепция политической партии в теоретическом наследии М. Я. Острогорского : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2003; Голубев Н. Р. Общественно-политическая мысль о переустройстве России (Конец XIX- начало XX вв.) : дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 2004; Молчанов Д. В. Российский либерализм на рубеже XX- XXI вв. (традиции и современность) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004; Юдиной И. В. Духовная атмосфера Великобритании 1898-1914 гг. в освещении русских общественно-политических журналов : дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004; Е. З. Зилькарнаева Второй кабинет Солсбери и проблемы внутренней политики британских консерваторов: 1886-1892гг. : дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2005; Аронов Д. В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной Думе: 1906-1917 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Орел, 2005; Борискин В. В. Викторианская Англия в оценках российских либералов и демократов 50-60-х годов XIX века : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2006; Лафитский Д. В. Избирательное право Великобритании: институты и тенденции развития : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Минаев А. И. Британский парламентаризм и его влияние на развитие государственно-правовых институтов России. Конец XVIII – начало XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009; Науменкова Е. О. Партийно-политическая борьба вокруг третьей парламентской реформы в Великобритании (1883-1886 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010.

К первой группе относятся официальные документы, статуты и конституционные акты²⁴, парламентские дебаты²⁵, материалы, посвященные политической и избирательной системам Великобритании, исследованию эволюции и деятельности партий, их избирательным баталиям. Необходимая информация для исследования содержится в издании «Конституция XIX века 1815-1914» под редакцией Х. Хэнхама,²⁶ которое включает тексты и выдержки из биллей, а также в сборнике «Английские исторические документы»²⁷, где представлены законодательные акты, тексты речей Гладстона,²⁸ газетные статьи, освещающие партийную борьбу на выборах.

Детальное отражение межпартийной и внутрипартийной борьбы мы находим в парламентских дебатах. Они освещают процесс выработки законопроектов, в них четко прослеживается стратегия и тактика партий, а также пути поиска ими политического диалога для принятия компромиссных решений. Парламентские дебаты содержат результаты выборов необходимые для исследования рассматриваемого периода.

Научный интерес вызывают также печатные издания²⁹ английских партий, которые отражают эволюцию их идеологических взглядов и дают критическую оценку действиям и предложениям своих оппонентов.

²⁴ Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. L., 1842; Speeches of the Marquis of Salisbury: With a Sketch of His Life / Ed. By H. W. Lucy. - L., 1885; Great Britain. Royal commission appointed to inquire into the depression of trade and industry. Final report. - L., 1886; Documents of English history. 1832 – 1850. L., 1954; English Historical Documents / Ed. by A. Aspinall & E. Smith. - Vol. XII (1) (1833 - 1874). L. Eyre & Spottiswood, 1956; English historical documents / Ed. by D. C. Douglas. V. 10 – 12. L., 1957 – 1959; English Historical Documents / Ed. by A. Aspinall & E. Smith. Vol. XI (1783 - 1832). New York: Oxford University Press, 1959; The Eighteenth-Century Constitution 1688-1815. Documents and commentary / Ed. by E. Neville Williams. , XVI. Cambridge, 1960; Documents of English history. 1688 – 1832 / Ed. by W. A. Barker. L., 1964; The Nineteenth-Century Constitution 1815-1914. Documents and Commentary / Ed. by H. J. Hanhman. - Cambridge, 1969; English Party Politics / Ed. by A. Beattie. - Vol. I. 1600-1906. L., 1970; Documents on British political history / Ed. by J. Wroughton V. 1 – 3. Basingstoke L., 1971 – 1973; Great Britain. The Lion at Home. A Documentary History of Domestic Policy. 1689-1973 / Ed. by J. H. Wiener. Vol. 111. N.Y., 1974; British parliamentary election results 1885 – 1918 / Compiled and ed. by F.W.S. XVIII Craig. London, Basingstoke, 1974; English Historical Documents. Vol. 12 (2). 1874-1914 / Ed. by W. D. Handcock. L., 1977; British parliamentary election results 1832 – 1885. XV. London, Basingstoke, 1977.

²⁵ Hansard's parliamentary debates. House of Commons, House of Lords. 3d series. - Vol. 8. L. 1831-1891; Hansard's parliamentary debates. Ser. 1-st. Vol. 1 – 41. L., 1804 – 1820. Ser. 2-d. Vol. 1 – 25. L., 1820 – 1830. Ser. 3-d. Vol. 1 – 356. Vol. 2 L., 1831 – 1891, 1883-1886. Ser. 4-th. Vol. 1 – 185. L., 1892 – 1908.

²⁶ The nineteenth century constitution 1815-1914. Documents and commentary. Ed. by H.J. Hanham. Cambridge, 1969.

²⁷ English historical documents 1833-1874. Vol. XII(1). L., 1956.

²⁸ Gladstone W. E. The Gladstone diaries. Oxford, 1968 - 1990. Vol. 1 – 2; 9 – 11.

²⁹ The Edinburgh Review. 1830-1870; The Quarterly Review. 1831-1870.

В процессе исследования автор обращался к трудам английских мыслителей, которые оказали влияние на идейное становление первых парламентских группировок - тори и вигов: Д. Толанда, Генри Сент-Джон Болингброка, Э. Берка, графа Шефтсбери, Дж. Локка, Э. Берка, Р. Фильмера.³⁰

Вторую группу источников составили архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). В процессе изучения внутривластных процессов в России и ее общественной мысли XIX - начала XX в. автор обращался к архивным фондам: М. Н. Каткова (ГАРФ. Ф. 1718); Б. Н. Чичерина (ГАРФ. Ф. 1154), Н. П. Игнатъева (ГАРФ. Ф. 730), В. В. Водовозова (ГАРФ. Ф. 539)³¹, а также к материалам архивного фонда Романовых: Александра I (ГАРФ. Ф.679.), Николая I (ГАРФ Ф. 672), Александра II (ГАРФ. Ф. 678), Александра III (ГАРФ. Ф. 677), Николая II (ГАРФ. Ф. 601).³² Особый научный интерес вызывает неопубликованная черновая рукопись статьи публициста В. В. Водовозова «Уроки английских выборов», хранящаяся в ГАРФ.³³ В ней подчеркивается, что начало двухпартийности в Великобритании есть устой английской (неписанной) конституции, которым дорожат все англичане без различия партий, и это обеспечивает устойчивость политической системы, с одной стороны, и состоятельность, конструктивную критику оппозицией, необходимую для принятия выверенного политического решения правительством, - с другой. В. В. Водовозов отмечал высокий уровень политического участия граждан, активность, идущую «снизу». В Англии, по мнению публициста, лучше, чем в какой-либо другой стране, люди умеют согласовывать свои мысли для выбора общей линии политического поведения и объединяются в партии.

³⁰ Toland J. The Art of Governing by Parties L., 1701; Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978; Burke E. Selected writings and speeches. Garden City (N.-Y.), Doubleday, 1963; Шефтсбери Эстетические опыты. М.: Искусство, 1975; Локк Дж. Два трактата о правлении. Соч. в 3 томах. – Т. 3. – М., 1988; Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. Пер. с англ. М., 1993; Его же. Правление, политика и общество. Пер. с англ. М., 2001; Burke E. Reflections on the Revolution in France and on the proceedings in Great Britain in London relative to that event. V. 1. N. Y., 2004; Filmer R. Patriarcha. Cambridge, 2004.

³¹ ГАРФ. Ф. 1718. Д. 4, 6, 8; Ф. 1154. Оп. 1. Д. 45, 52, 53, 57.; Ф. 601. Оп. 1; Ф. 730. Оп. 1. Д. 121; Ф. 569. Оп.1. Д. 40, 52, 105, 135, 143, 144, 158; Ф. 539. Оп. 1. Д. 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 122, 124, 134, 139, 142, 156, 399, 400, 402, 404, 405, 406, 419, 472, 473, 474, 476, 477, 495, 496, 517, 528, 529, 547, 549, 550, 844, 892, 902.

³² ГАРФ. Ф. 679. Д. 43, 102, 104; Ф. 672. Д. 27, 191, 206, 288; Ф. 678. Оп.1. Д. 34, 36, 40, 45, 49, 50, 68, 70, 242; Ф. 677. Д. 64, 67, 107, 241; Ф. 601. Оп.1. Д. 21, 45, 75, 87, 124, 164, 208, 214.

³³ ГАРФ. Ф. 5907. Оп. 1 Д. 27.

Черновая рукопись статьи В. В. Водовозова была введена автором в научный оборот впервые.

К третьей группе источников относятся российские периодические издания XIX - начала XX в., на страницах которых прослеживается обращение к общественно-политическому строю Великобритании, ее партийной жизни. Настоящим событием для российской образованной общественности первой половины XIX века стало издание Н. М. Карамзиным в 1802 году журнала «Вестник Европы»³⁴, который призван был знакомить российскую общественность с европейскими государственными институтами, началами конституционализма, способствовать распространению прогрессивных политических идей среди россиян.

В 60-70-е гг. XIX века в российской либеральной публицистике возрос интерес к историческому пути и политической жизни Великобритании как образцу конституционного строя и преемственности, подчеркивался дух свободы, пронизывающий всю английскую политическую систему с ее особыми устойчивыми учреждениями, к которым «Вестник Европы»³⁵ относил парламент и партии. Консервативная газета «Московские ведомости»,³⁶ издаваемая М. Н. Катковым, напротив, особый акцент делала на незыблемости абсолютизма в России, убеждая читателя в невозможности принятия английской политической практики в отечественных условиях. Обобщенные представления издателей и корреспондентов об английской политической, экономической и общественной жизни встречаются на страницах радикальной бесцензурной газеты «Колокол»³⁷, издаваемой А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Великобритания представлялась российским радикалам как развитая европейская страна с социально-экономическими контрастами и, чуждыми России, политическими свободами.

³⁴ Вестник Европы. 1802. № 7; № 13, № 14; № 16; Там же. 1803. № 5.

³⁵ Очерки английского общества // Вестник Европы. 1870; Англия в книге Тэна // Вестник Европы. Т. VI. 1872; Хроника. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1872. Хроника. Иностранное обозрение. // Вестник Европы. Т. VI. 1873.

³⁶ Катков М. Н. На Руси не может быть иных партий, кроме той, которая заодно с русским народом // Московские ведомости. 1881. № 72; Его же. Свобода и власть // Московские ведомости. 1881. № 126; Его же. О самодержавии и конституции. М., 1905

³⁷ Колокол. 1857. № 1, № 2, № 4, № 6; Там же. 1858. № 8, 10, 17; Там же. 1862. № 127.

В четвертую группу источников вошли труды российских современников рассматриваемого периода. Среди представителей либеральной направленности следует выделить: А. Д. Градовского, К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, М. М. Ковалевского, М. Я. Острогорского, В. И. Герье, П. Н. Милюкова, В. В. Водовозова, Н. И. Кареева³⁸. Исследователь обращался к трудам российских консерваторов: М. Н. Каткова, Л. А. Тихомирова, К. Н. Леонтьева, К. П. Победоносцева, П. А. Столыпина.³⁹ Радикальная общественно-политическая мысль представлена работами: А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. Г. Чернышевского, В. И. Ленина, В. М. Чернова.⁴⁰

Таким образом, широкая источниковая база позволяет провести комплексное исследование и в полной мере решить поставленные цели и задачи.

Методологическая основа диссертации. При написании диссертационного исследования автор руководствовался принципами историзма и научной

³⁸ Градовский А. Д. Государственное право важнейших европейских держав. Лекции, читанные в 1885 г. СПб., 1895; Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч.1-3. М., 1896; Кавелин К. Д. Мысли о выборном начале// Собр. соч. Т. 2. СПб., 1898; Его же. Политические призраки // Собр. соч. Т. 2. СПб., 1904; Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899; Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства. Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века. СПб., 1908; Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия // Философия права. СПб., 1998; Герье В. И. О конституции и парламентаризме в России / Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX-XX вв. М., 2003; Милуков П.Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Там же. М., 2003; Водовозов В.В. Всеобщее избирательное право и применение его в России. Там же. М., 2003.

³⁹ Катков М. Н. Выборное начало // Современная летопись. 1860. № 6; Его же. К какой мы принадлежим партии? // Русский вестник. 1862. № 2; Его же. На Руси не может быть иных партий, кроме той, которая заодно с русским народом.// Московские ведомости. 1881. №72; Его же. Свобода и власть // Московские ведомости. 1881. № 126; Его же. О самоуправлении и конституции. М., 1905; Столыпин П. А. Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906-1911. М., 1991; Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М., 1993; Тихомиров Л. А. Единоличная власть как принцип государственного строения. М. 1993; Его же. Социальные миражи современности // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX-XX вв. М., 2003; Леонтьев К. Н. О либерализме вообще. Там же. М., 2003; Его же. Византизм и славянство. Философия. Психология (АСТ). 2006; Победоносцев К.П. Московский сборник. СПб., 2009.

⁴⁰ Чернов В.М. Типы капиталистической и аграрной эволюции // Русское богатство. 1900. №4; Его же. К характеристике общественных движений отсталых стран // Русское богатство. 1905. №10; Огарев Н. П. Русские вопросы. Статья первая. / Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952. Т. 1.; Его же. Русские вопросы. Статья третья Крестыанская община. Там же. Т. 1. М. 1952; Его же. Второе письмо к инок. Там же. Т. 2. М., 1952; Его же. Ответ на письмо малороссийского помещика. Т. 1. М., 1952.; Его же. Письма к соотечественнику. Там же. Т. 1. М., 1952; Его же. Расчистка некоторых вопросов. Конституция и Земский собор. Там же. Т. 1. М., 1952.; Чернышевский Н.Г. Экономическая деятельность и законодательство. Собрание сочинений. Т.IV. М., 1974; Его же. Нынешние английские виги. Там же. Т.V. М., 1974; Герцен А. И. 1812-1825. Собр. соч. в восьми томах. Т. 3. М., 1975; Его же. Россия и Европа. Там же. Т. 3. М., 1975; Его же. Письма из Франции и Италии. Там же. Т. 3. М., 1975; Его же. А. И. Джон-Стюарт миль и его книга «ON LIBERTY». Собр. соч. в двух томах. Т.2. М., 1986, Его же. Былое и думы. Избр. соч. в четырех томах. М., 1987; Ленин В. И. В Англии (печальные результаты оппортунизма) // Правда № 85. 12 апреля 1913; Его же. Съезд британской социалистической партии. Полн. собр. соч. Т.23. М., 1979; Его же. Марксизм и реформизм. Там же. Т. 23. М., 1979; Его же. Учитесь у врагов. Там же. Т. 12. М., 1979; Его же. Под чужим флагом. Там же. Т. 26. М., 1979.

объективности, анализируя источники и фактический материал, стремился восстановить на документальной основе историческую истину. В работе были использованы общенаучные и специальные методы исторического познания: классификации, систематизации, обобщения, сравнения; сравнительно - исторический и историко-хронологический, периодизации, статистический, системно-структурный и др.

Данная методологическая база исследования проблемы позволила комплексно рассмотреть эволюцию партийно-политической системы Великобритании в оценке общественной мысли России XIX – начала XX в., дать объективно-исторический анализ конкретных факторов, определивших характер и специфику изучаемой проблемы, сделать собственные выводы и предложения по объекту исследования.

Научной достоверности исследования автор стремился достичь также за счет изучения и системной обработки значительного количества источников и литературы.

Научная новизна диссертации заключается в том что, впервые представлено целостное рассмотрение британского партийно-политического механизма как явления с момента его зарождения в конце XVII столетия и вплоть до начала XX века. Раскрыт процесс формирования, организационного и структурного оформления партий Великобритании и, последовавшего вслед за ним, усиления их влияния в парламенте и за его пределами. Анализируется причастность консерваторов и либералов к изменению избирательного законодательства XIX века, которое способствовало постепенному переходу английской партийно-политической системы от аристократизма к буржуазной демократии без радикальной ломки существующего строя.

Впервые было изучено восприятие британских практик партийной деятельности и их внепарламентской работы российскими общественно-политическими кругами. Проведенный анализ широкого круга источников и литературы позволил сравнить и выделить отличия в оценках английского опыта российской либеральной, консервативной и радикальной мыслью XIX - начала

XX в. В исследовании даны также авторские суждения о заимствовании отечественными либералами из британской партийно-политической практики представлений о возможности и необходимости дальнейшего движения России по пути модернизации самодержавия.

Кроме того, в процессе работы над диссертационным исследованием, была обнаружена имеющая важную научную ценность архивная неопубликованная черновая рукопись статьи В. В. Водовозова и введена в научный оборот впервые.

Положения, выносимые на защиту:

1. Появившиеся в конце XVII века в Великобритании парламентские группировки виги и тори не отличались организационным единством и партийной дисциплиной, не имели массового электората, выборных органов и структур вне парламента. Вплоть до начала XIX века в палате общин господствовала аристократия, а парламентская деятельность вигов и тори сводилась к отстаиванию собственнических наследственных интересов и удовлетворению личных амбиций представителей британской политической элиты.

2. В борьбе за проведение избирательных реформ в Великобритании в XIX столетии произошла структурная и идейная трансформация партий, усиление их влияния в политической и общественной жизни страны. С увеличением электората и ростом конкуренции на выборах у либералов и консерваторов появилась потребность совершенствовать методы и приемы избирательной борьбы, активизировать массы. Состязательность между партиями и проведение необходимых реформ сумело взять под контроль радикальные настроения граждан и обеспечить преемственность в политической жизни Великобритании.

3. Во второй половине XIX века британские партии превратились в массовые, а процесс принятия политических решений постепенно сместился за пределы парламента и стал сферой деятельности их внепарламентских институтов. Соперничество либералов и консерваторов, на основе взаимных уступок, способствовало ускорению развития партий и превращению их в неотъемлемый политический институт.

4. Обращение к британскому опыту государственного строительства и интерес, проявленный к партийно-политической системе Великобритании российской общественной мыслью в рассматриваемый период, свидетельствовал о поиске эффективной модели организации власти в условиях необходимости модернизации самодержавия.

5. Либеральное направление отечественной общественно-политической мысли XIX - начала XX в. высоко оценивало участие английских партий в управлении государством. Либералы считали необходимым дальнейшее реформирование России и видели завершение всех преобразований в нашей стране в учреждении ограниченной формы правления подобно английской конституционной монархии. Им импонировала либерализация партийной жизни Великобритании на основе компромисса, что способствовало ее мирному развитию без революций. Апология британских политико-правовых образцов прослеживалась также и в практической деятельности некоторых депутатов либеральной направленности в российском парламенте в начале XX столетия.

В тоже время, их не могла не настораживать усиленная волна демократизации в Великобритании во второй половине XIX - начала XX в., повлекшая за собой преобладание большинства над меньшинством, формализм массовых партий, преследовавших цели самосохранения и роста, снижение ответственности депутатов, приоритет корпоративных интересов над общественными. В этих негативных тенденциях отечественные либералы видели угрозу расшатывания прежде устойчивого британского государственного строя.

6. Консервативное направление общественно-политической мысли России XIX - начала XX в. исключало возможность заимствования и бездумного копирования элементов английской партийно-политической системы. Отечественным консерваторам импонировала существующая преемственность в политической жизни Великобритании, которая обеспечивалась общей партийной заинтересованностью не допустить усиления радикальных настроений, однако, главную мощь России они видели исключительно в монархической форме

правления и сильной государственной власти, отрицая возможные варианты использования британского опыта.

7. Радикальное направление общественно-политической мысли России XIX-начала XX в. относилось с критикой и неприятием британского государственного образца. Отечественные радикалы обличали пережитки феодализма, в существовании английских партий находили формализм и социально-классовую ограниченность, представительство не всего общества, а богатого меньшинства. Указывая на разность исторических, социальных, экономических и политических путей развития России и Великобритании, они отказывались от британского опыта и отстаивали революционный путь дальнейших преобразований.

Практическая значимость исследования. Полученные результаты и выводы исследования способствуют дальнейшей научно-теоретической разработке темы и носят прикладной характер. Отдельные выводы и положения диссертационного исследования могут быть привлечены для подготовки специальных лекционных курсов, написания учебных пособий и учебных программ, монографий по общественно-политической мысли России XIX - начала XX в., истории становления и развития английских партий викторианской Англии, генезиса партийно-политического механизма Великобритании на протяжении XIX столетия и в контексте общественной мысли России XIX - начала XX в. Теоретические результаты работы представляют интерес для научных докладов и выступлений.

Апробация диссертационного исследования. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина и рекомендована к защите. Результаты исследования были представлены в ходе участия автора в следующих научных конференциях: V Международная научно-практическая конференция «Будущее России: социально-экономический форсайт» (Владимир, 2011 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Современные тенденции изучения преподавания всеобщей истории» (Рязань, 2011 г.); Международная научно-практическая конференция «Модернизация

российской экономики – стратегические направления развития» (Рязань, 2011 г.); III Международная научно-практическая конференция «Россия и Европа: связь культуры и экономики» (Прага, Чешская республика, 2012 г.); VI Международная научно-практическая конференция «Глобальная трансформация: экономика, бизнес, социум» (Владимир, 2012 г.); II Международная научно-практическая конференция «Модернизация российской экономики – стратегические направления развития» (Рязань, 2012 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Личность в истории Нового и Новейшего времени» (Рязань, 2014 г.); 5-я Всероссийская научно-практическая конференция «Государство, власть, управление и право: история и современность» (Москва, 2014 г.); XVII Международная конференция «Россия и Запад: диалог культур» (Москва, 2014 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства» (Рязань, 2015 г.), Научно-практическая конференция преподавателей РГУ имени С. А. Есенина, посвященная 100-летию РГУ имени С. А. Есенина (Рязань, 2015 г.) III Международная научная конференция «Британия: история, культура, образование» (Ярославль, 2015 г.). На основе материалов диссертационного исследования было опубликовано 16 статей в различных сборниках, из них 4 публикации в изданиях, рецензируемых в журналах из Перечня ВАК, что определило их доступность научной общественности и читательским кругам (общий объем – 5,75 печ. л.).

Структура диссертации соответствует поставленной цели и задачам, состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, которое включает основополагающие выводы, перечня использованных источников и литературы.

Глава I. Генезис и развитие британской партийно-политической системы до начала XX века

1.1. Возникновение и деятельность британских политических партий виги и тори в условиях парламентской монархии

Вторая половина XVII века и период Славной революции являются уникальной страницей в истории Англии. События 1688-1689 гг. привели к установлению конституционной монархии, разделению законодательной и исполнительной власти между парламентом и монархом, формированию двухпартийной системы. Данный тезис подтверждали исследователи, представители вигско - либеральной концепции английской историографии. Они находили в политической системе Великобритании XVII- начала XVIII века качественно новый порядок, напрямую связывали его со «Славной революцией», осуществленной с единодушного согласия политически активных верхов собственности Англии в лице группировок вигов и тори. Либеральные историки XIX столетия Дж. М. Тревельян и Т. Маколей, в соответствии с классическим подходом в английской историографии, рассматривали события 1688-1689 гг.. как бескровный переход от абсолютной монархии к конституционной, сопровождавшийся значительным усилением парламента и ограничением власти короля.⁴¹ Дж. М. Тревельян видел в новой политической системе, сложившейся в конце XVII- начале XVIII в., равнозначный компромисс между королем и парламентом, буржуазией и аристократией, который получил закрепление в «Билле о правах» (1689), «Акте об устройении» (1701). «Билль о правах» фактически юридически оформил итоги Славной революции, приведшей на английский престол Вильгельма Оранского, закрепил конституционные гарантии правления парламента, установил некий баланс его мирного сосуществования с короной.⁴² Апогей «Славной революции» отмечал исследователь Ф. Гизо, это в первую очередь, провозглашение личных прав

⁴¹ Macaulay T. B. The History of England from the Accession of James the Second. L., 1849. Vol. 2. P. 457.

⁴² Trevelyan G. M. The English Revolution 1688-1689. Oxford University Press, 1965. P. 5.

граждан и обеспечение их участия в управлении.⁴³ Вслед за ним политик Дж. Рассел называл события 1688-1689 гг. «великими», которые без коренных потрясений сумели закрепить на практике английские старинные права и свободы, ограничить корону от произвола.⁴⁴ Либеральный историк Г.Т. Бокль, отмечал, что в стране в конце XVII века установилось «правильное конституционное управление», благодаря которому росло могущество Великобритании.⁴⁵ Очевидно, что исследователи традиционной либеральной направленности рассматривали новую британскую политическую систему, сложившуюся после «Славной революции», в контексте социально-политической стабильности, становления конституционного парламентского управления и ограничения власти короны.

Оспаривание данного подхода мы находим у авторов, которые придерживаются точки зрения, что после 1688-1689 гг. трансформации абсолютной монархии в конституционную не случилось. Противники традиционного либерального подхода указывали на то, что парламент в конце XVII - XVIII вв. не обладал исключительными полномочиями, а определяющая роль короны в принятии политических решений сохранялась. Сторонник данной концепции Б. Ковард отрицал быстрые изменения в английской политической системе в рассматриваемый период. Он полагал, что Реформация и «Славная революция» 1688-1689 гг. не способствовали резким переменам в конституционном строе, а корона оставалась политически независимой от парламента. Вильгельм III и королева Анна (как и Георг I) были самостоятельны в принятии правительственных решений и ведении войн. Б. Ковард указывал, что к восшествию на престол Ганноверов в 1714 г. в Великобритании конституционная система, отличная от прежнего государственного устройства, еще не сложилась. Поздние Стюарты правили в той же мере, что и царствовали. Правительство до

⁴³ Гизо Ф. История цивилизации в Англии. Под ред. О. К. Нотовича. СПб.: Рус. худож. тип. И. Гольдберга, 1876. С. 45.

⁴⁴ Russell J. The Life of William Lord Russell: with some account of the times, in which he lived. Vol. 1. London, 1820. P. 164.

⁴⁵ Бокль Т. Г. История цивилизации в Англии. 16-е изд. СПб: Кн. маг. «Новостей», 1899. С. 89.

1714 г. было преимущественно личным управлением монарха, а ядром политики все еще оставался королевский двор. Министры стремились заручиться поддержкой и симпатией короля, от него, в первую очередь, продолжала зависеть их судьба в политике. Существование кабинета министров, отмечал исследователь, не уничтожило власти короны.⁴⁶ Переоценка имеющихся либеральных представлений о политической системе, сложившихся после «Славной революции», наблюдается в трудах ревизиониста Дж. Кларка. Главным достижением исследователь называл утвержденный в 1689 г. «Билль о правах», который заставлял монарха считаться с парламентом, а также провозглашенные свободы выборов и парламентских дебатов. По его мнению, общество XVIII века по своей структуре и менталитету оставалось сплошь консервативным и тяготело скорее к XVII в., чем к XIX в. Дж. Кларк отмечал, что в Великобритании XVIII века процветала патриархальность с сильным влиянием религии, монархическая власть и главенствующее положение землевладельческой аристократии, а не буржуазии. По его мнению, вместе с возвышением парламента усиливалась и власть короны, а «старое общество» просуществовало, по замечанию исследователя, вплоть до реформы 1832 г.⁴⁷

В целом, представители либеральной концепции были более оптимистичны в понимании начавшихся изменений. Однако, несмотря на различие оценок, следует отметить, что процессы, происходившие в политической системе Великобритании в конце XVII-XVIII в., сопровождались усилением позиций парламента, в особенности его нижней палаты, что послужило отправной точкой партийного строительства. Ареной политической борьбы и накала страстей теперь становился законодательный орган, а его главными активными участниками - партии виги и тори. Либерально - вигская историография констатировала начало складывания в стране двухпартийной политической системы. Такие видные деятели эпохи Просвещения как Г. Болингброк, Д. Дефо, Дж. Свифт, Ф. Честерфилд, Д. Юм, Э. Бёрк также не ставили под сомнение

⁴⁶ Coward B. The Stuart Age: England 1603–1714. N. Y.: Longman, 1974. P. 496.

⁴⁷ Clark J. Revolution and rebellion: State and social in England in the seventeenth and eighteenth centuries. Cambridge: CUP, 1987. P. 27.

существование партий в XVII-XVIII в., однако, не находили в их идеологиях принципиальных различий и структурированности. Д. Юм писал: «Определить сегодня природу вигов и тори одна из сложнейших задач, с которой только можно столкнуться», поскольку «проживая в стране, где высочайший уровень свободы, каждый может открыто высказывать свое мнение, а значит можно утверждать, что главные принципы, из-за которых партии делились утеряны».⁴⁸ Э. Бёрк считал партии неотъемлемой частью свободной Англии.⁴⁹ Лидер тори Г. Болингброк в своем «Рассуждении о партиях» в 1733 году отмечал, что разница в принципах, на которых основывались партии исчезли вместе с уходом эпохи Стюартов, а деление на «вигов» и «тори», «конституционалистов» и антиконституционалистов» номинально, смешно и нелепо.⁵⁰

Наиболее распространенное представление о складывающейся партийно-политической системе на рубеже конца XVII- начала XVIII в. дал Дж. М. Тревельян. При анализе партий либеральный историк использовал социальный подход. К тори преимущественно относились сторонники короля - королевская бюрократия, консервативные слои крупной земельной аристократии (старое феодальное дворянство), джентри, юристы, влиятельные чины армии и верхушка англиканского духовенства. Ядро же партии составляли высшие слои правящих классов – родовитая аристократия. Существовавший в стране реставрационный режим, монархия и сильная королевская власть, соответственно, представляли собой главную гарантию их интересов. Тори были значительно консервативнее, нежели их оппоненты. Виги – опирались на новое дворянство и буржуазию, а также на наиболее влиятельных сельских аристократов, которые не искали покровительства у короля. Они выступали за сохранение конституционной монархии при сильной власти парламента, а также активно выражали

⁴⁸ Hume D. Of the Parties of Great Britain // Essays. London, 1923. P. 90, 96.

⁴⁹ Бёрк Э. Правление, политика и общество. Пер. с англ. Л. Полякова. М., 2001. С. 76-77.

⁵⁰ Болингброк Г. Рассуждение о партиях. Письма об изучении и пользе истории под ред. М. А. Барга. М.: Наука, 1978. С. 165.

буржуазную направленность внутренней и внешней политики Англии, по праву, являясь «аристократическими представителями буржуазии».⁵¹

Таким образом, в либеральной историографии сходились во мнении, что после «Славной революции» произошло усиление парламента и ограничение власти монарха, который более не мог посягать на личные и политические права граждан, их свободу. Последнюю должны были гарантировать виги и тори, которые в конце XVII века еще не были похожи на партии современного образца, а представляли собой скорее аристократические парламентские группировки, но в тоже время, выражали определенные политические интересы британской правящей элиты той эпохи. Эволюция партийно-политической системы сопровождалась также передачей ряда важных полномочий от короны парламента, прекращением права вето монарха, превращением кабинета министров в относительно самостоятельный орган принятия государственных решений. Теперь, партия, добившаяся на выборах большинства мест в парламенте, получала возможность формировать однопартийный кабинет министров (первый «вигский» кабинет был сформирован в 1694 году, спустя четыре года его уже сменил «торийский»)⁵² Неолиберал историк Дж. Пламб считал, что в XVIII веке, в связи с развитием системы партий, существовало «однопартийное правительство, законодательный орган, контролируемый исполнительной властью, и ощущение общности интересов у тех, кто обладал экономическим, социальным и политическим влиянием».⁵³

Принципиально иной подход к исследованию существования английских партий, рассматриваемого периода, мы находим в трудах консервативного историка Л. Нэмира. Он полагал, что британская партийно-политическая система XVIII века представляла собой соревнование между аморфными аристократическими фракциями, которые придерживались не идейных установок, а руководствовались в своей работе узкими корпоративными интересами.

⁵¹ Тревельян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Пер. с англ. А. А. Крушинской и К. Н. Татариновой. Смоленск: Русич, 2001. С. 227.

⁵² Лабутина Т. Л. Политические партии Англии в эпоху раннего просвещения (1688-1714 гг.) // Вопросы всеобщей истории: Сборник науч. трудов, отв. ред. Г. К. Селезнев. Рязань: РГПУ, 1997. С.8.

⁵³ Plumb J. H. The growth of political stability in England, 1675-1725. L.: Macmillan, 1967. P. 15-18.

Возглавляли такие группировки влиятельные лидеры, в стране процветали подкуп и патронаж.⁵⁴ Профессор Р. Уолкотт, исследуя политическую жизнь XVIII столетия в Великобритании, вообще не находил партий. Ученый останавливался на тезисе о том, что вместо них существовали парламентские группировки, которые держались на родственных и профессиональных связях. Р. Уолкотт соглашался с Л. Нэмиром, по поводу отсутствия у тори и вигов разделяющих идеологий, и приходил к выводу, что ими управляли исключительно личные интересы.⁵⁵ Современный британский историк Дж. Блэк, писал о вигах: «Эту партию следует считать скорее группой, связанной неформальными узами, амбициями и идеологией, а не партийной дисциплиной и централизованным управлением».⁵⁶

Следует отметить, что постепенное сближение либеральных и консервативных оценок английской историографии в отношении партийно-политической системы Великобритании конца XVII- XVIII в. произошло только во второй половине XX столетия. Так или иначе, оба направления сходятся во мнении, что вплоть до начала XIX века главная роль в политике оставалась за монархом и парламентом. Партии же вышли на авансцену британской истории только вместе с проведением избирательной реформы 1832 года. До этого периода они не были инструментами политического участия, оставались слабо структурированными и не могли играть определяющей роли в парламенте в связи с отсутствием необходимых демократических условий. По мнению выдающегося российского исследователя начала XX века М.Я. Острогорского: «В течение долгого времени партии существовали собственно только в парламенте; в стране они едва ли существовали помимо лиц и фамилий, их воплощавших».⁵⁷

Обе политические группировки, в первую очередь, выражали интересы двух видов собственности «земельной»- тори и «денежной» - виги и, исходя из этого, строились их политические платформы. Тори самым активным образом

⁵⁴ Namier L. The Structure of Politics at the Accession of George III. Vol. 1—2. L., 1957. P. 245.

⁵⁵ Walcott R. English Politics in the Early Eighteenth Century. Cambridge, 1956. P. 58.

⁵⁶ Блэк Дж. История Британских островов. СПб.: Евразия, 2008. С. 228.

⁵⁷ Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. Т.1. М.: РОССПЭН, 1997. С. 81.

отстаивали сохранение аграрной Англии, соответственно, в то время как виги, имея тесную связь с коммерсантами, земельно-финансовыми верхами ратовали за развитие промышленности, опираясь преимущественно на денежный интерес. При этом обе группировки представляли в основном личные олигархические интересы, а не общественные, не отличались организационным единством, партийной дисциплиной и не имели выборных органов. Представительство в английском парламенте XVII-XVIII в., как правило, носило наследственный характер, а депутатские мандаты занимали фамильные кланы. Партии были фактически фамильные, «человек призванный к политической жизни, был торием или вигом по рождению, по связям, по положению. Разница между ториями и вигами заключалась не в разных убеждениях, а в разных программах по отношению к непосредственным вопросам».⁵⁸ Консервативные торы нередко принимали решения, идущие дальше требований прогрессивной партии вигов, в то время как, последняя, до реформы 1832 года, оставалась исключительно аристократической. В этом прослеживалась историческая общность двух главных политических сил. Очевидно, что на первых этапах становления, социальный состав парламента не отражал интересы разных слоев общества, так как в нем были представлены аристократия и крупные джентри.

Обращаясь к социальной структуре партий вигов и торы, английские ученые сходились во мнении, что в управлении государственными делами доминировали знатные землевладельцы. Однако они не переставали спорить о путях и возможностях доступа в правящую элиту. «В XVIII веке аристократия была закрытой и представляла собой замкнутое сообщество. После событий 1688-1689 гг. от 6 до 10 тыс. землевладельческих фамилий от герцогов до рядовых джентри оказывали решающее воздействие на все властные институты вплоть до 1850 г.», - отмечал У. Спек.⁵⁹ Напротив, на открытость английской элиты, для вхождения в нее финансовых кругов, указывали такие исследователи как К. Хилл, Г.

⁵⁸ Там же. С. 82.

⁵⁹ Speck W. Tory and Whig: the struggle in the constituencies. 1701-1715. L.: Macmillan, 1970. P. 6.

Дискинсон.⁶⁰ Следует отметить, что сами партии – виги и тори считали, что доступ в палату общин должен быть открыт только для наиболее состоятельных граждан. Мнения представителей тори и вигов сталкивались очередной раз в вопросах собственности. Тори, как им было свойственно, полагали, что члены парламента должны быть крупными аристократами, владеть земельной собственностью. Торийский журналист Дж. Свифт отмечал, что «выборщики должны быть непременно землевладельцами».⁶¹ В то время как, виги отдавали предпочтение «денежным людям». Однако и тори, и виги отстаивали необходимость высокого имущественного ценза, который не допустил бы в работу парламента низшие сословия.

Обращаясь к исследованию сущности политики партий и генезиса данного института, нельзя не остановиться на изучении их идеологии. В процессе становления тори и виги в конце XVII- начале XVIII в. опирались на единую идеологию эпохи Просвещения. Следует подчеркнуть, что английская общественно-политическая мысль отличалась своеобразием и уникальностью, была чрезвычайно емкой и насыщенной. Во-первых, она представляла собой целостное и самостоятельное движение интеллектуальной жизни, стала первопроходцем в мировом масштабе; во-вторых, начала активно развиваться и получила идейный импульс в результате буржуазной революции середины XVII века, в период движения английского государства к утверждению буржуазного строя; в третьих, идеологи английского просвещения, стремясь избежать прежних потрясений века, отличались умеренностью и сдержанностью взглядов. В целом, английская политическая мысль была преимущественно аристократической, что соответствовало интересам обеих партийных группировок. Непростые политические и экономические условия второй половины XVII века неизбежно поставили перед английским обществом необходимость решать новые и переосмысливать старые проблемы. Поиск преимуществ той или иной формы

⁶⁰ Hill B. W. Executive Monarchy and the Challenge of Parties, 1689-1832: Two Concepts of Government and Two Historiographical Interpretations // The Historical Journal. 1970. Vol. 13. №. 3. P. 379-401; Dickinson H. T. Liberty and property. Political ideology in eighteenth-century Britain. N.Y.: Holmes, 1979. P. 138.

⁶¹ Swift J. Political Tracts 1711-1713. Princeton University Press, 1951. P. 8.

правления и государственного устройства, исследование теории «разделения властей», «общественного договора», «естественного права», аргументация прав человека на исконную свободу и справедливость, обсуждение вопросов, касающихся отношений собственности, трансформация теории народного суверенитета – вот только несколько направлений, которые объединяла в себе общественно-политическая мысль Англии. Как отмечает, современный российский исследователь английских партий Т. Л. Лабутина: «Одним из узловых вопросов, ставших предметом оживленной политической дискуссии с 1660 года и до начала XVIII века, были проблема легитимности действующих институтов власти, а также сравнительный анализ различных форм государственного устройства».⁶²

Главной особенностью стратегий обеих партийных группировок было то, что они пользовались единой идеологией – Просвещением. Отсюда, прослеживалась и некоторая тождественность взглядов на ряд фундаментальных вопросов. А именно таких как: происхождение власти, устойчивость конституционного устройства, парламентские привилегии и королевские prerogatives, незыблемость собственности. Обе партийные группировки придерживались основных принципов конституционного строя, реалистично понимая пробуржуазную направленность политики и ее выгодное значение для страны в целом. Тори и виги в равной степени разделяли теории «разделения властей», «общественного договора», «естественного права», «равновесия властей», отстаивали гражданские свободы. Такое сходство во взглядах, объяснялось еще и тем, что обе партийные группировки хоть и были носителями двух видов -земельной и денежной, но одной – буржуазной собственности. Таким образом, общность экономических интересов партий способствовала их объединению по ряду вопросов. Выразителями же этих идей, главными идеологами, популяризаторами и генераторами мыслей партий стали просветители. Причем они не были кабинетными людьми. Это практики, бойкие

⁶² Лабутина Т. Л., Ильин Д. В. Английское просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012. С. 88-89.

писатели, поэты, журналисты (Дж. Свифт, Д. Дефо, Дж. Аддисон, Р. Стиль, А.Поп, Дж. Арбетнот и др.), политические деятели (Р. Стиль, Дж. Аддисон, лорд-канцлер Кларендон, лорды Болингброк, Сомерс), причастные к государственной службе, парламентским делам, а также представители науки (Дж. Локк, И. Ньютон, Дж. Толанд, граф Шефстбери и др.).

Следует отметить, что центральное место в идеологии обеих партийных группировок – тори и вигов - занимал вопрос о власти. Перед философами, политическими деятелями во второй половине XVII века остро стояла проблема легитимности института королевской власти и его целесообразности в целом. Английские ученые, партийные деятели все чаще задавались одним и тем же вопросом: «На каких началах монарх управляет людьми?», ведь до 1649 года не было прецедента казни высшего правителя по обвинению в государственной измене. Таким образом, впервые в XVII веке в истории Англии подверглась сомнению теологическая концепция возникновения королевской власти и ответственности монарха только перед Богом. Тори и виги становятся сторонниками «договорной» теории. Наиболее подробно и глубоко она была разработана просветителем, известным философом и политическим деятелем Дж. Локком. Мыслитель в своем труде «Два трактата о правлении» отмечал, что глава государства, наделенный народным доверием и ограниченной законом властью, из-за совершенных им государственных преступлений лишается и власти, и доверия. «Свобода людей в условиях существования системы правления, - подчеркивал Дж. Локк, - заключается в том, чтобы жить в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе и установленным законодательной властью, созданной в нем. Это свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека».⁶³ Концепция Дж. Локка исходила из теорий «общественного договора», «разделения властей», «смешанной формы правления», в которой «демократия, олигархия и монархия» соединены в

⁶³ Локк Дж. Два трактата о правлении. Соч. в 3 томах. Т. 3. М., 1988. С. 80.

государственном организме. Он отрицал абсолютистские принципы управления, осуждал неограниченную монархию. Либеральные исследователи считали, что «идея сбалансированной конституции и разделения властей Дж. Локка» объясняли изменения, сложившиеся в политической системе после «Славной революции».

В целом, теория «общественного договора» подходила для выражения интересов господствующих классов, от имени которых выступали партийные группировки, отвечала их интересам, а также идеологически обосновывала конституционную монархию и укрепившийся буржуазный порядок. Виги и тори, вслед за Дж. Локком и другими мыслителями Просвещения, видели в ограниченной законом монархии ряд преимуществ перед другими формами правления. В поддержке установившегося после «Славной революции» государственного строя вычленялось стремление буржуазии ограничить власть короны с помощью парламента, в котором она играла решающую роль. Конституционная монархия опиралась на два основных принципа: «разделение властей» и «равновесие сил». Виги и тори в цепочке разделения властей отдавали предпочтение власти законодательной, принадлежавшей парламенту. Обеим партийным группировкам было свойственно объединять усилия с целью ограничения власти короны. Так 20 марта 1689 г. был принят акт «О цивильном листе королю», согласно которому монарху представлялась сумма на содержание двора, флота и армии. Особенно отмечалось, что «цивильный лист» будет утверждаться парламентом ежегодно, что обеспечивало регулярность его созыва. Отстаивание парламентских привилегий тори и вигами наблюдалось и в принятии Трехгодичного акта в 1694 году, который устанавливал, а главное гарантировал, созыв парламента не реже одного раза в три года.⁶⁴

Принцип же «равновесия властей», на который также опиралась конституционная монархия, был положительно воспринят обеими партиями. Видный английский общественно-политический мыслитель Дж. Толанд, близкий

⁶⁴ Documents of English history. 1688 – 1832. Ed. by W. A. Barker. L, 1964. P. 65.

по своим воззрениям к вигам, восхвалял английскую конституцию и отмечал, что власть «разделена между палатой общин, палатой лордов и высшим магистратом».⁶⁵ Такое соотношение, по его мнению, должно пресечь все попытки монарха к неограниченному правлению. Представитель тори - видный политический деятель лорд Болингброк - также отмечал, что английской монархии нужен механизм взаимного сдерживания, который бы гарантировал равновесие между властями, а именно: независимость короля, палаты общин и лордов в реализации своих полномочий. Благодаря работе нижней палаты, отмечал Болингброк, законодательная власть контролирует и сдерживает исполнительную.⁶⁶ Вслед за Дж. Локком он полагал, что парламент в системе конституционной государственности, обязан контролировать исполнительную власть монарха. Таким образом, главенствующее положение законодательной власти поддерживали представители обеих партийных группировок, так как это в первую очередь соответствовало их личным интересам, а также реалиям буржуазного строя.

Однако в рядах тори и вигов существовали также идеологические расхождения и свои особенности восприятия институтов политической системы. К примеру, ранние тори, признавая установившийся тандем «корона-парламент», все же благоволили монаршей власти. В рядах тори находились и защитники абсолютизма как главной гарантии стабильности в стране. Р. Фильмер в работе «Патриарх» определял превосходство единоличного правления, подчеркивая, что монарх, являясь непосредственным источником закона, выше его. Безумная толпа, по мнению мыслителя, не вправе призывать к ответственности и тем более судить короля – ставленника Бога.⁶⁷ Таким образом, доктрина божественного происхождения власти короля еще присутствовала в идеологии партии тори. Из этой доктрины сторонники монарха выводили положение об обязанности всех подданных ему повиноваться и о невозможности оказания сопротивления, особенно с помощью оружия. Виги же в отличие от тори являлись более

⁶⁵ Toland J. The Art of Governing by Parties. London, 1701 . P. 33.

⁶⁶ Bolingbroke Remarks on the History of England. London: Gale Ecco, Print Editions, 2010. P. 332.

⁶⁷ Filmer R. Patriarcha. Cambridge, 2004. P. 10.

ревностными сторонниками закрепившейся конституционной монархии с сильной властью парламента. Они были яркими сторонниками смещения «баланса сил» в сторону законодательной власти, выражавшей интересы буржуазии. Любые же попытки правителя усилить свою власть расценивались вигами как превращение его в тирана с целью установления деспотического правления. «А когда короли превращаются в тиранов, - отмечал Д. Дефо, - то подданные должны разорвать оковы и освободиться от тирангии».⁶⁸

Кроме того, следует отметить, что одним из острых противоречий во взглядах тори и вигов стал религиозный вопрос – отношение к диссентерам. Тори являлись яркими сторонниками англиканской церкви, осуждая всяческое сопротивление как духовным, так и светским властям и стремились искоренить религиозное сектанство, были так называемыми представителями «высокой» церкви. Диссентеров они называли «вероотступниками», а в католицизме видели угрозу возвращения прежних абсолютистских тенденций дореставрационного периода. В. Спек писал: «В период конца XVII – XVIII в. существовало соперничество двух партий - тори и вигов. Они были разделены, в первую очередь, различными взглядами на проблемы природы правительства и религиозного урегулирования».⁶⁹ Следует отметить, что если отказ в терпимости католикам в целом совпадал с общественным мнением, то подвести идеологическую базу под политику преследования протестантских неконформистов было гораздо сложнее. Виги же проповедовали веротерпимость по отношению ко всем протестантам, считались представителями «низкой» церкви. Однако за этим казалось религиозным вопросом стояло вполне серьезное политическое содержание. Диссентеры в основном селились в городах и составляли опору вигов, которых всегда поддерживали финансисты, промышленники, купечество.⁷⁰ Их политическая власть проистекала из союза с пуританами промышленных и коммерческих районов, которые могли влиять на

⁶⁸ Defoe D. The History of the Union of Great Britain. Edinburgh, 1709. P. 40-41.

⁶⁹ Speck W. Stability and Strife. England 1714–1760. Harvard University Press, 1977. P. 63.

⁷⁰ Holmes G. Religion and Party in Late Stuart England. London, 1986. P. 14.

муниципальные и парламентские выборы во многих (парламентских) местечках.⁷¹ Тори же всячески хотели лишить своих оппонентов такой мощной поддержки. Кроме того, будучи ревностными англиканами, они выступали против, принятого в 1689 году акта «О веротерпимости», который предоставлял религиозным сектантам некоторые свободы. В 1703 году, как только тори пришли к власти, они тут же внесли на обсуждение в парламент билль «Против случайной конформации». Данный законопроект подвергал критике диссентеров, они изгонялись из муниципальных корпораций, лишались избирательных прав. Таким образом, тори планировали нанести удар по своим соперникам, однако, в результате развернутой в обществе и парламенте пропаганды неприемлемости данного закона вигами, пришлось его отложить. И только в 1711 году тори все же удалось провести этот закон в обеих палатах парламента. Также следует отметить, что если в отношении диссентеров у партийных группировок были принципиальные различия, то к деистам и атеистам они были настроены равно негативно. Атеисты у вигов и тори ассоциировались с народной борьбой в период революции, с крайним революционным сектантством и с наиболее радикальными общинами, которые стремились к имущественному и гражданскому неравенству. В «свободомыслии» - атеизме и деизме представители партий видели серьезную угрозу существующим догмам.

Разногласия между партиями также значительно усилились по вопросу наследования трона, поскольку у Вильгельма III Оранского и Марии не было наследника. Вопрос династии волновал в равной степени и тори и вигов. Ганноверский принц-наследник был известен своими вигскими симпатиями, чем отталкивал тори. В результате чего отдельные тори стали склоняться в пользу католика Якова Стюарта. Виги же, выступая в пользу короля-протестанта, стали использовать этот факт для обвинения своих политических соперников в якобитстве. Однако компромисс и здравый смысл вновь восторжествовали в английской политической системе. Обе партии, в 1701 году поддержали «Билль о престолонаследии», который вошел в историю как «Акт об устройении». Данный

⁷¹ Тревельян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. С. 276.

закон был призван недопустить реставрации Якова II и его потомков, а также закрепить протестантское престолонаследие, пресечь попытки поздних Стюартов восстановить абсолютизм и католицизм. Согласно «Акту об устройении» после смерти королевы Анны власть должна была перейти к протестантской династии Ганноверов, подчеркивалось также, что всякий обладатель короны должен был быть присоединен к англиканской церкви, а представители католической религии не могут претендовать на занятие престола. Кроме того, данный закон, в интересах партий, ограничивал королевскую прерогативу. В соответствии с «Актом об устройении», монарху запрещалось покидать страну без согласия парламента, вести войны, также вводился запрет на совмещение чиновной должности с депутатской и произвольное смещение судей королем без решения обеих палат парламента. Таким образом, благодаря принятию данного закона виги и тори не только решили вопрос с наследником, но и грамотно использовали сложившуюся политическую ситуацию в своих интересах и в пользу законодательного органа.

Необходимо отметить, что несмотря на формирующиеся идеологические предпочтения и позиции по тем или иным общественным вопросам, они не выражали интересы общества, были замкнутыми, представляли только узкие интересы. В 1699 году Шефтсбери весьма трезво оценивал подоплеку борьбы между приверженцами тори и вигов: «Те кто находятся у власти, боятся потерять ежедневные средства к существованию, а те кто в оппозиции, надеются, противодействуя двору и присоединяясь к популярным начинаниям против него, получить места, дающие прибыль и власть».⁷² Толанд считал, что взаимные претензии партий друг к другу проистекали в значительной степени из-за необходимости бороться за места в парламенте, когда каждая партия прибегала к нечестным средствам.⁷³ Кроме того, в XVII-XVIII в. совершенно отсутствовали партийные организации вне парламента. Выборы проходили не по партийным и не по идейным мотивам, а под влиянием местных лордов. Списки избирателей не

⁷² Шефтсбери Эстетические опыты. Пер., коммент., сост.: А. В. Михайлов. М.: Искусство, 1975. С. 129.

⁷³ Toland J. The Art of Governing by Parties. P. 34-35.

имели единых критериев составления, а выборы были формальны. Давление общественного мнения фактически отсутствовало. Как отмечал М.Я. Острогорский: «За пределами парламентского мира и примыкающих к нему салонов едва ли существовало общественное мнение. Ему не хватало проводников: платформы, митинги не существовали; сообщение было трудным; печать, подавленная тяжелыми налогами, имела незначительное распространение. Политика была спортом для аристократии. Широкая публика мало интересовалась политикой. Появлялись скудные и неверные сведения о том, что делалось в парламенте; отчеты о заседаниях были чрезвычайно краткими; результаты голосования никогда не публиковались, за исключением крупных событий. Избиратели даже при желании с трудом могли следить за избранными депутатами».⁷⁴ Кроме того, продолжали существовать гнилые местечки.

Гнилыми местечками называли малонаселенные или совсем обезлюдевшие, а иногда и вообще исчезнувшие к XVIII-XIX в. городки и деревушки, которые, тем не менее, обладали старинным правом представительства в парламент. Как правило, такого рода избирательный округ находился в собственности какого-либо аристократического семейства или одного лорда. Такие округа также называли «маленькими местечками» или «карманными», означавшие, что выборы находятся под полным контролем, т.е. в кармане одного лица или семейства. Среди подобных округов многие к началу XIX века потеряли былое значение, превратились в деревни, но, продолжали пользоваться своей привилегией посылать в парламент одного или двух депутатов.⁷⁵ От них избиралась почти половина депутатов палаты общин. Процветали патронаж, подкуп, продажа депутатских мест. «Нелепый восемнадцатый век, век карманных местечек... и людей, готовых на все ради покупки билетов в палату общин, - самый эксклюзивный клуб страны».⁷⁶

Таким образом, избирались, как правило, те кандидаты, которые заручались поддержкой лендлордов, влиятельных людей. Каждый крупный аристократ имел

⁷⁴ Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. С. 50.

⁷⁵ Барлова Ю. Е. «Гнилые» местечки в истории Англии // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 150-151.

⁷⁶ Veitch G. S. The Genesis of Parliamentary Reform. London, 1915. P. 9.

несколько мест в своем распоряжении. Под воздействием земельной аристократии находились также и городские избирательные коллегии. В графствах держатель всегда был за своего лендлорда. Тем или иным образом, в представительное учреждение избирались сами аристократы или те люди, на которых они могли положиться. В результате чего, депутаты в парламенте отстаивали не мнение избирателей и не интересы партий, а волю своих патронов. Виги и тори, в свою очередь, представляли собой группы влиятельных политиков, объединенных вокруг еще более влиятельных лидеров, а идеологические разногласия между ними к началу XIX века были совсем незначительными. Термины «тори» и «виги» обозначали скорее правительство и оппозицию, были партийными лейблами, переход из одной группировки в другую не составлял большого труда. К примеру, Уильям Питт-младший, считавший себя вигом, основал новую партию тори.⁷⁷ Представители партий в большей степени считали себя сторонниками какого-либо лидера и часто называли себя соответственно: каннингитами, питтитами и т.д. В 20-х гг. XIX века тори включала в себя пять группировок, и в 1827 году Каннинг и его единомышленники оказались ближе к вигам, чем к своей партийной группировке, создав совместный кабинет.⁷⁸

Следует отметить, что лидеры обеих партийных группировок всячески старались консолидировать своих членов. В связи с этим, появился институт кнутов (whip) для строгой организации, дисциплины, стройного голосования и контроля настроений партийных членов. Кнут, обладая, как правило, авторитетом среди парламентариев, сообщал им о намерениях и планах лидера, отчитываясь в тоже время перед последним о делах и настроениях в самой в партии. Как отмечал М.Я. Острогорский: «...он (кнут) каждый день проделывает чудеса любезности, терпения, стойкости с единственной целью осуществить мечту каждого кнута: сохранить партию единой, спаянной, в состоянии боевой готовности».⁷⁹ Рядом с кнутом был всегда главный агент партии, который следил за избирательным положением в округах, получал оттуда информацию и всегда

⁷⁷ Epstein L. Political Parties in Western Democracies. New York, 1967. P. 90.

⁷⁸ Veitch G. S. The Genesis of Parliamentary Reform. London. P. 20.

⁷⁹ Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. С. 82.

был готов помочь своими указаниями кнуту, а также лидерам партии. В связи с тем, что местная жизнь в то время была мало известна, главный агент партии разбирался в ней и следил за избирательной ситуацией в различных частях страны.

Таким образом, в конце XVII-XVIII в. в политической системе Великобритании наметилось усиление позиций института парламента, в особенности его нижней палаты – Палаты Общин, что стало отправной точкой партийного строительства, появления первых парламентских группировок – виги и тори. Они по своей структуре и уровню организации скорее напоминали политические клубы, возникнув в эпоху реставрации Стюартов (1689-1714), бескровной «Славной революции» 1688-1689 в конце 60-80-х гг. XVII века, прошли непростой путь становления и развития. К началу XVIII столетия в стране закрепилась форма правления – конституционная монархия, был провозглашен принцип парламентаризма, что способствовало дальнейшему буржуазно-капиталистическому развитию. Однако фактически вплоть до начала XIX века, в Великобритании существовал олигархический режим, где действовала старая избирательная система с земельным цензом для электората, «карманными» и «гнилыми» местечками, непропорциональным представительством, а народные массы и даже значительные круги буржуазии были отстранены от политических дел. Парламент не столько ориентировался на политические интересы, сколько отстаивал личные амбиции представителей британской политической элиты. Деление на тори и вигов носило не программный, а, в основном, клановый характер. И те и другие выражали, прежде всего, «земельный интерес», его различные уровни. Они апеллировали к интересам торгово-промышленных кругов, и время от времени – к общественному мнению. Велика была также власть палаты лордов, состоявшей из представителей титулованной знати и высшего духовенства. Дальнейшее развитие экономики, промышленный переворот второй половины XVIII века, и как следствие, социальные перемены требовали серьезных партийно-политических трансформаций, реформирования, в

первую очередь, избирательного законодательства. Изменения не заставили себя долго ждать и начались в Великобритании уже в начале XIX столетия.

1.2. Избирательные реформы и политические партии Великобритании

Вторая половина XVIII века в Великобритании стала временем неизбежного перехода от мануфактурной стадии развития капитализма к фабричному производству. В этот период мануфактура достигла апогея в своем развитии, переход от мануфактуры к фабричной индустрии, от ручного труда к машинному производству означал революцию в развитии производительных сил. Формирование крупных капиталов в руках торгово-ростовщических кругов, постоянное расширение внутреннего и внешнего рынка для сбыта британских товаров, интенсивный рост рынка рабочей силы, высокая степень развития мануфактуры ускорили промышленный переворот. В Великобритании он начался раньше чем в других странах уже в 1760-х. годах. Новые капиталистические реалии повлекли за собой серьезные социальные, экономические и политические изменения, которые в дальнейшем способствовали буржуазной модернизации государственно-правового механизма страны. Численный рост городов, активное использование машинного производства, расширение мелкого и среднего предпринимательства привели к усилению и обогащению промышленной буржуазии, изменению соотношения сил между ней и землевладельческой аристократией. Крупные промышленники, обладая солидным капиталом, имели возможность теперь покупать землю и титулы, вливаясь в ряды земельной аристократии. На рубеже XVIII и XIX в. аристократические ряды постоянно входили новые люди, назначавшиеся пэрами и получавшие от правительства и короля земли за успехи в развитии промышленности и торговли, а также за военные заслуги.⁸⁰ Одновременно из числа обезземеленных крестьян, разорившихся мелких ремесленников и мануфактурных рабочих складывался индустриальный пролетариат. В это время постепенно начал формироваться так

⁸⁰ Жолудов М. В. Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 30-е гг. XIX в. Монография. Рязань: Изд-во РГПУ, 1997. С. 6-7.

называемый «средний класс», в который стали входить новые широкие собственнические круги и городская интеллигенция. На смену английскому крестьянству пришли различные категории сельскохозяйственных рабочих и арендаторов. Старое землевладение, при котором доминировали лендлорды, активно начало сочетаться с новыми раннекапиталистическими формами аграрных отношений.⁸¹ В свою очередь, многие крупные землевладельцы начинали усиленно заниматься предпринимательством и превращались в капиталистов. В Великобритании происходило постепенное преобразование социально-экономического порядка, менялся прежний ход вещей.

Однако, несмотря на очевидные перемены в экономике и социальной сфере, носившие буржуазный характер, страна по-прежнему реально управлялась ограниченным числом аристократических семейств, а появившиеся новые классы буржуазия и пролетариат не были допущены к аппарату управления. Социальное и политическое единство в государстве определялось ведущей ролью аристократии. Именно она сосредотачивала в своих руках всю власть в стране. «Законодательная власть, местная администрация, вооруженная сила были исключительно предоставлены людям, располагающим досугом и средствами».⁸² Деление на виги и тори не только не нарушало веками сложившейся социальной и политической однородности, но и способствовало поддержанию прочных связей в их рядах на основе чувства социальной солидарности. Кроме того, население не было включено в политическую жизнь, в связи с чем, отсутствовало общественное мнение, способное контролировать и воздействовать на партийные группировки и принимаемые в стране решения и, как следствие, пресса и митинги не пользовались популярностью.⁸³

Следует также отметить, что избирательная система в Великобритании в течение всего XVIII века оставалась неизменной еще со времен «Славной революции». В такой традиционности были заинтересованы и виги, и тори,

⁸¹ Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских 1825-1853 гг. М.: Издательство «Наука», 1982. С. 292-293.

⁸² Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. С. 45.

⁸³ Pugh M. The making of modern British politics (1867-1939). Oxford, 1982. P. 234-235.

которые с помощью отжившей избирательной системы успешно осуществляли свою власть. Палата общин была ограждена от основной массы населения высоким имущественным избирательным цензом, процветали патронаж и подкуп депутатов, продажа депутатских мест, а система представительства была абсолютно устаревшей. Почти половина депутатов избирались из так называемых «гнилых местечек», которые были настолько распространены в Великобритании в XVIII- XIX в., что почти каждая семья аристократов имела в собственности свой карманный округ или держала «местечко» – визитные карточки в большую политику. В 1768 году журнал «The Political Register» писал: «...не возмутительно ли, что всего шесть представителей мы имеем от огромного населения столичных округов, включающих Лондон, Вестминстер и Саутворк..., и столько же от двух-трех обезлюдивших местечек, находящихся по соседству?». ⁸⁴ У. Бэкфорд, выступая перед избирателями в 1761 году, говорил о дефектах законов, дарующих «маленьким и жалким округам равное представительство с великими городами...» ⁸⁵

Как было отмечено выше, мощный промышленный подъем середины XVIII века неизбежно внес коррективы в прежний порядок вещей. Стремительное развитие экономики сопровождалось серьезными переменами в социальной структуре британского общества. Появление двух новых классов – промышленной буржуазии и пролетариата – стало неизбежным следствием развития капитализма во второй половине XVIII века. ⁸⁶ В сложившихся условиях финансово окрепшая буржуазия в начале XIX столетия стала уже претендовать не только на ведущую роль в экономической жизни, но и активно добиваться политической власти, требуя реформу избирательного права. Она считала необходимым реформирование парламента и увеличение ее прямого участия в обеих палатах для проведения более выгодной для себя политики. Буржуазия не хотела соглашаться с подчиненной, второстепенной ролью. Ее наиболее

⁸⁴ Цит по: Ерофеев Н. А. Очерки по истории Англии 1815 - 1917 гг. М.: Издательство ИМО, 1959. С. 15.

⁸⁵ Macaulay T. B. The History of England from the Accession of James the Second. L., 1849. Vol. 2. P.145.

⁸⁶ Briggs A. Middle Class Consciousness in English Politics. 1780—1846 // Past and Present. 1956. № 9. P. 66.

энергичные представители получили название буржуазных радикалов, которые не раз выступали с требованиями парламентской реформы, резко критиковали правительство и старались заставить пойти на уступки правящую олигархию, используя в своих целях, в том числе, и народные волнения, которые обострились в связи с бедственным положением рабочего класса в Великобритании. Радикально настроенный виг Г. Брум активно выступал в защиту средних слоев, интересы которых должны быть представлены в парламенте, видел в них богатство и ум Великобритании.⁸⁷ Однако, поддерживая реформы, буржуазия все же побаивалась массы, опасалась решительных действий рабочих и стремилась поставить движение в рамки законности. При этом она не стала создавать свою отдельную политическую силу и решила действовать и отстаивать свои права в рамках существующей политической обстановки.⁸⁸

Партийно-политическая система Великобритании не могла не ответить на вызов времени. Индустриализация, изменение социально-экономического облика страны требовали нового теоретико-концептуального обоснования, идейного поиска, пересмотра политических программ. Развитие новой науки политической экономии, провозглашение французской декларации «Прав человека и гражданина», установление республиканской формы правления в США, распространение утилитарной философии И. Бентама способствовало выдвижению на авансцену индивида, с его интересами и правами, трансформации общественного сознания и представлений об эффективности государственных институтов. Виги и тори пребывали в идеологическом поиске концепций, которые бы определяли их основную философию и направление деятельности.⁸⁹ В 20-30-е гг. XIX века начались перегруппировки внутри партийных сил. Наиболее гибкой и более чувствительной к социально-экономическим переменам оказалась партия вигов. Исходя из либерального подхода, предложенного в английской историографии Дж. М. Тревельяном, виги первыми оценили возрастающую роль

⁸⁷ Hansard's parliamentary debates. House of Commons, House of Lords. 3d series. Vol. 8. L. 1831-1891.

⁸⁸ Ball A. R. British political parties, the emergence of a modern party system. London, 1987. P. 145.

⁸⁹ Dicey A. V. Lectures on the relation between law and public opinion in England during the nineteenth century. London, 1905. P. 50.

буржуазии и необходимость включения ее в общественно-политическую жизнь страны. Именно эта партия сумела сохранить политическую волю и возглавила движение в английском парламенте за избирательные реформы.⁹⁰ По мнению историка, в 30-е гг. XIX века в Великобритании появились предпосылки создания либерального буржуазно - аристократического блока, что способствовало становлению либерального политического движения, позже оформившегося в либеральную партию. Землевладельцы и представители средних классов объединившись, подчеркивал Дж. М. Тревельян, сумели возглавить движение за реформу.⁹¹

Классический либерализм, подразумевавший умеренное реформирование, стал идеологической основой новой партии и политическим выражением стремления буржуазии к отстаиванию своих экономических интересов. Следует отметить, что он развивался по двум направлениям: как идеология, основанная на утилитаристских идеях И. Бентама, Дж. Милля, на «трех китах» - «невмешательство» государства, свобода торговли и демократическое избирательное право, и как политическое движение, выступающее за демократизацию парламентской системы Великобритании. Виги, адекватно оценивая внутривнутриполитическую ситуацию в стране, идя на компромисс с буржуазией, отмечали, что сохранение их собственности и политической стабильности напрямую связано с парламентским реформированием. Представитель либерально-радикального подхода Дж. Р. М. Батлер указывал на активизацию народного движения за реформу и стремительный рост радикальных политических союзов в Великобритании, которые, по его мнению, подталкивали ускорить решение вопроса о реформе. Необходимо было взять под контроль парламентскую реформу «сверху» и не дожидаться непредвиденных поступков «снизу».⁹² Кроме того, находясь в оппозиции, виги стремились использовать

⁹⁰ Trevelyan G. M. British history in the nineteenth century and after (1782 - 1919). London, 1946. P.46.

⁹¹ Тревельян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. С. 350.

⁹² Butler J. R. M. The passing of the Great Reform bill. London, 1914. P. 367.

сложившуюся ситуацию - борьбу за реформу - для решения своих узких партийных интересов – завоевать власть.

Реформирование избирательной системы в начале XIX века во многом зависело от расстановки сил в парламенте. В 1830 году большинство в палате общин принадлежало партии тори, которая не переставала выражать интересы земельной аристократии и была настроена против реформы. Проведение ее означало бы перераспределение избирательных округов в пользу новых индустриальных центров и предоставление промышленной буржуазии возможности быть допущенными до политических дел. Французская революция, «антиякобинский страх перед рабочими союзами»⁹³ и нежелание земельной и финансовой аристократии делиться своими привилегиями тормозило решение вопроса о реформировании избирательной системы. Английский либеральный журнал «Edinburgh Review» в октябре 1830 г., анализируя июльские события во Франции, призывал власть уступить общественному движению, провести необходимую реформу, вынести правильные уроки и не допустить революционных событий в стране.⁹⁴

Идеологическое оправдание господствующим классам дал мыслитель Э. Бёрк, который стал родоначальником идеологии консерватизма, ставшей в дальнейшем прочной теоретической основой консервативной партии. В книге «Размышления о революции во Франции» автор отмечал, что только конституционная монархия способна гарантировать собственность и разумную свободу, которой противостоит народный хаос. Причину же разрушительного влияния французской революции он находил в учении о естественном праве эпохи Просвещения.⁹⁵ Э. Бёрк утверждал, что люди не имеют права управлять самими собой и наделять подобным правом кого-либо. Ведь, право на управление, по мнению мыслителя, принадлежит внешней силе, а не исходит из человеческой природы. Общество может только тогда существовать, когда

⁹³ Тревельян Дж. М. Социальная история Англии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. С. 366.

⁹⁴ The Edinburgh Review. 1830. Vol. 52. № 103. P. 1.

⁹⁵ Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. Пер. с англ. Е. И. Гельфанд. М.: Рудомино, 1993. С. 48.

страсти людские находятся в узде, иначе народ впадает в бешенство и свергает монархию.⁹⁶ Следует отметить, что идеологическая концепция Э. Бёрка была абсолютно противоположна утилитаристским либеральным идеям И. Бентама и Дж. Милля и стала не только идеологическим подспорьем в подавлении народных масс, но и отражала политическую позицию правящей олигархии.

Однако, осознавая неизбежность перемен и стремясь перехватить инициативу у вигов и сохранить свою власть, в 1820 году за умеренную реформу парламента выступил влиятельный тори – Роберт Пиль. В целом он не поддерживал сторонников расширения избирательного права, опасаясь возможных государственных потрясений.⁹⁷ Дж. Каннинг, напротив, полагал, что правительство проводит сверх консервативную политику несоответствующую современным реалиям. В мае 1828 года его единомышленники (Пальмерстон, Мелбурн, Ланздаун и другие) – «либеральные тори» или «каннингиты» отделились от тори и примкнули к вигам. В 1829 году кризис в партии усилился в связи с принятием Акта об эмансипации католиков, который спровоцировал выход из нее еще одной группы лиц - консервативных ультратори, во главе с Ричардом Вивианом, напротив, считавших политику Веллингтона слишком либеральной.⁹⁸ Таким образом, следует сделать вывод, что партия тори, находившаяся у власти в течение почти всей первой трети XIX века, переживала не лучшие времена, пребывала в состоянии раскола и не могла в короткий срок перестроить свою политическую программу в соответствии с происходящими изменениями в стране.

Партия вигов, напротив, следуя компромиссным решениям и находясь в оппозиции, сумела сохранить свою целостность. В 30-е гг. XIX века в ее рядах началась трансформация. Прежний «вигизм» ушел в прошлое, в связи с утратой своего бывшего экономического могущества, и образовался так называемый либеральный блок, состоящий из «новых» (либеральных) вигов, умеренных

⁹⁶ Там же. С. 47.

⁹⁷ Hansard's parliamentary debates. Ser. 3-d. L. 1832. Vol. 2. Col. 1065.

⁹⁸ Жолудов М. В. Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 30-е гг. XIX в. С. 16-17.

«философских», испытывающих влияние И. Бентама и Дж. Милля, и левых радикалов. Фактически данная коалиция стала фундаментом либеральной партии. Также периодически по ряду вопросов к ней примыкали, вышедшие из партии тори, каннингиты. Следует отметить, что все выше перечисленные группировки объединяло борьба за реформирование устаревшей парламентской системы и принятие нового избирательного закона. Во главе либеральной коалиции стояла аристократическая группировка вигов, обладавшая опытом парламентской борьбы и государственного управления.⁹⁹

Заслугой либеральной оппозиции следует считать успешное привлечение к сотрудничеству различных политических союзов в борьбе за реформу (Бирмингемский политический союз, Столичный политический союз, Национальный союз рабочих классов и другие). В 1830-1832 гг. во многих населенных пунктах Великобритании по инициативе радикалов создавались неформальные организации, обеспечившие массовую народную поддержку в борьбе за пропаганду и проведение парламентской реформы. Однако отношение к ним было неоднозначно. С одной стороны, усиление влияния буржуазии не нравилось аристократам, с другой, отказ от поддержки союзов означало бы падение авторитета либералов. Как отмечал виг-либерал Т. Маколей: «Избирательная реформа станет выходом из возможного конфликта между землевладельческой аристократией и буржуазией. Если мы боимся политических союзов и ассоциаций, пусть палата общин будет главным политическим союзом».¹⁰⁰ Кроме того, огромную роль в борьбе за избирательную реформу оказала печать. В 30-е гг. XIX века развернулась настоящая газетная и журнальная атака, «война памфлетов». Главным печатным органом либеральной оппозиции стал журнал «Edinburgh Review», который, не переставая, сражался словом с консервативным журналом – «Quarterly Review». Острые публикации не только знакомили население с программными установками партий, но и оказывали серьезное воздействие на формирование общественного мнения,

⁹⁹ Gash N. Reaction and Reconstruction in English Politics, 1832 - 1852. Oxford, 1965. P. 103.

¹⁰⁰ Hansard's parliamentary debates. Ser. 3-d. Vol. 2. P. 1196.

прививали интерес к политической жизни. В июне 1831 года «Quarterly Review» оценивал движение за реформу, как комплекс манипуляций с населением со стороны партии, искусственное провоцирование одной фракцией масс, с целью удовлетворения корпоративных амбиций. Народные митинги в поддержку политических изменений в стране, назывались журналом, «следствием партийных маневров»¹⁰¹ Следует отметить, что в 30-е гг. XIX века общественное мнение превратилось в мощный инструмент, который виги и тори начинают использовать для укрепления своего политического влияния и привлечения голосов избирателей. Свободная пресса, свобода собраний, митингов, слова, право обращения к королю и парламенту с петициями способствовали пробуждению масс, активизировали торгово-промышленную буржуазию в отстаивании своих прав и критики правительства.

В июне 1830 года к власти пришли виги во главе с лордом Греем, обещавшие осуществить реформу. Состав кабинета Грея был аристократическим, в него вошли представители знатных фамилий, что гарантировало умеренный характер реформы. В результате проведения непростой тактической политической борьбы внутри парламента, массовых митингов и демонстраций, организованных радикалами, давления со стороны общественного мнения в рамках третьей попытки билль о реформе был принят обеими палатами и подписан королем 7 июня 1832 года. Закон представлял собой компромисс между буржуазией и аристократией, интересы же народных масс не были учтены. Дж. М. Тревельян отмечал, что продвижение к реформе осуществлялось на основе упорной борьбы, взаимных уступок партий, путем отказа от крайних требований. Их заслугой являлся и тот факт, что острые дискуссии по вопросу принятия Билля так и не вышли за рамки парламентской системы и традиций.¹⁰² Т. Маколей, выступая в палате общин, указывал на важную роль третьей силы – среднего класса, которая ликвидирует недостатки и не допустит революции.¹⁰³

¹⁰¹ The Quarterly Review. 1831. Vol. 44. № 88. P. 557.

¹⁰² Trevelyan G.M. Lord Grey of the Reform bill: Being the life of Charles, second Earl Grey. L. 1920. P. 91.

¹⁰³ Hansard's parliamentary debates. Ser. 3-d. Vol. 8. P. 398.

Умеренная избирательная реформа 1832 года оказала огромное влияние на трансформацию политической системы Великобритании и преобразование партий. Она разрушила прежнюю социальную замкнутость, обеспечила перераспределение мест в парламенте и расширение избирательного права в интересах буржуазии. Палата общин насчитывала 658 членов, до реформы представлявших 188 мест от 114 графств, 465 – от 262 местечек, 5 – от университетов.¹⁰⁴ Кроме того, было ликвидировано 56 «гнилых местечек», которые посылали по 2 депутата, а также 32 «карманных» городка с населением до 4 тыс. человек вместо 2 стали посылать по 1 депутату. Освободившиеся 144 места в парламенте были перераспределены между графствами и городами. 42 города (среди них крупные индустриальные центры - Бирмингем, Манчестер, Лидс, Шеффилд) получили право посылать депутатов в парламент, также было создано 22 новых избирательных округа, 14 из которых находились в промышленных районах на севере Англии.¹⁰⁵

Билль о реформе унифицировал критерии предоставления избирательных прав. По всей стране вводился единый имущественный ценз, основанный на размерах собственности и сумме ренты с нее. Избирательный ценз не был снижен, однако, количество избирателей увеличилось за счет арендаторов и фермеров. В графствах правом голоса теперь обладали все категории владельцев земли, уплачивающих налог на бедных, с годовым доходом не менее 10 ф.ст., и арендаторы – с годовой рентой не менее 50 ф.ст. В городах активное избирательное право получили владельцы на правах собственности или аренды недвижимым имуществом с годовым доходом в 10 ф.ст. Также были установлены поло - возрастной ценз – мужчины достигшие 21 года и ценз оседлости – 6 месяцев.¹⁰⁶

¹⁰⁴ Gash N. Politics in the age of Peel: A study in the technique of Parliamentary representation 1830 – 1850. London, 1953. P.13.

¹⁰⁵ English Constitutional Documents since 1832 / Ed. by E. M. Violette. XI. N.Y., 1936. P. 130.

¹⁰⁶ Романова М. И. Парламентская реформа 1832 г. в Англии и ее последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 4. С. 58.

Таким образом, к участию в политической жизни были допущены новые силы – «средний класс», со своими взглядами и позициями, аристократия лишилась монополии представительства в парламенте. Количество избирателей, благодаря реформе, возросло в 1,5 раза, но значительная часть служащих, предпринимателей, интеллигенции, а также пролетариат были лишены представительства в парламенте и возможности влиять на политику. Кроме того, не смотря на перераспределение избирательных округов, диспропорция между городскими и сельскими округами сохранялась. В 1833 году парламент состоял из 399 депутатов от городских избирателей, а 253 депутата были избраны от сельских округов, в то время как 56% населения Великобритании проживало в городах.¹⁰⁷

Следует отметить, что в английской историографии существуют различные оценки реформы 1832 года. В основном исследователи сходились на том, что она была ограничена и проведена в интересах крупной буржуазии. Так, либеральный историк А. Бриггс, вообще, ставил под сомнение демократический характер избирательной реформы 1832 г.,¹⁰⁸ А.Ф. Поллард видел в ней прерогативу средних классов,¹⁰⁹ в то время как консервативный исследователь Р. Блейк, вообще отрицал существенную уступку земельной аристократии буржуазии.¹¹⁰ Историк М. Брок указывал на то, что после принятия Билля 1832 года, власть в стране по-прежнему оставалась у землевладельческой аристократии. Однако реформа сумела обеспечить мирное развитие страны и способствовала созданию современной партийно-политической системы, политических принципов, парламентской стратегии и тактики партий.¹¹¹

Несмотря на различие взглядов, бесспорно, что одним из важнейших результатов проведенной реформы 1832 года стало преобразование партийных сил. Фактически в борьбе за принятие Билля в 30-е гг. XIX века началось

¹⁰⁷ Addy J. Parliamentary elections and reform (1807-1832). London, 1967. P. 45.

¹⁰⁸ Briggs A. The Age of Improvement 1783-1867. London, 1979. P. 286.

¹⁰⁹ Pollard A. F. The History of England A study in political evolution. London, 1911. P. 340.

¹¹⁰ Blake R. The conservative party from Peel to Thatcher. London, 1985. P. 16.

¹¹¹ Brock M. The Great Reform Act. London, 1973. P. 329 – 330.

становление, уточнение позиций и принципиальное программное разделение двух главных политических группировок Великобритании, у них появились более четкие идеологические принципы. Как отмечал Жолудов М.В.: «Палата общин раскололась на два лагеря, которые заняли по отношению друг к другу взаимоисключающие позиции».¹¹² Прежние их названия потеряли смысл - тандем «виги-тори» перестал существовать. Виги, переименовались в либеральную партию (виги и радикалы), а тори – в консервативную. По мнению английского консервативного историка, профессора Н. Гэша, смена названий партий не была случайной, а указывала на становление новой двухпартийной системы, которая отказалась от отживших политических представлений, присущих тори и вигам. В термины «консерваторы» и «либералы» историк вкладывал особый смысл. «Трансформация двухпартийной системы в «консерваторы – либералы», - подчеркивал Н. Гэш, - не что иное, как путь к либерально-демократической Великобритании».¹¹³ Историк считал, что английская партийно-политическая система способна к модернизации, эволюции, усовершенствованию с целью преодоления коренных потрясений и переворотов в государстве.

Уже в 20-е годы XIX века среди радикально настроенных членов вигской партии употреблялся термин «либерал», что означало «реформатор». Позднее «либералами» начали называть оппозиционную группировку, объединенную общими реформаторскими целями. Один из лидеров либеральной коалиции лорд Джон Рассел в своих ежедневных письмах к королеве Виктории в 1839 году несколько раз употреблял название «либеральная партия». Считается, что с этого времени оно стало официальным. Термин «консерватор» (фр. «conservatisme» - сохраняю, охраняю) стал применяться в то же время, что и термин «либерал». Впервые для обозначения партии тори появился в журнале «Quarterly Review» 6 января 1830 г. В декабре 1831 г. появилась заметка в журнале «Стэндард» о работе «консервативной партии», в это время термин «консерватор» стал использоваться повсеместно в парламенте, в печати, на митингах.

¹¹² Жолудов М.В. Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 30-е годы XIX века. С.75.

¹¹³ Gash N. Reaction and Reconstruction in English Politics, 1832 - 1852. P. 123.

Однако в связи с принятием Билля 1832 года изменились не только названия партий, но и их структура. У консерваторов и либералов появилась потребность в создании центральных координирующих органов. Борьба за голоса избирателей требовала консолидации партийных сил. В 1832 году появился «Карлтон»-клуб у консерваторов, а двумя годами позже в 1834 году умеренные радикалы создали Вестминстерский клуб (Вестминстерский клуб реформ), просуществовавший до 1838 года. Общественно-политическим центром, штаб-квартирой либеральной партии стал в 1836 году – клуб «Риформ», в который входили либералы, виги и радикалы. Клубы представляли собой дискуссионные центры партий, не имеющие изначально постоянных связей с провинцией. Здесь лидеры партий, влиятельные политические фигуры могли встречаться с совершенно неизвестными рядовыми членами и вести плодотворные беседы. В задачи клубов входило: сбор необходимых средств для проведения избирательных кампаний своих кандидатов; мониторинг информации о кандидатах-конкурентах. «Риформ» клуб и «Карлтон» клуб играли огромную роль в формировании общественного мнения, а также воздействовали на него с целью обеспечить победу своих кандидатов в борьбе за депутатские мандаты.¹¹⁴ Несомненно, политическая предвыборная борьба вела к сплочению рядов либералов и консерваторов. Создание клубов способствовало развитию партийной системы в стране. Их члены автоматически становились членами партий. Участники клубов платили членские взносы в постоянный фонд. Существование объединяющего органа, осознание причастности к выработке политического курса оказывало огромное влияние на членов парламента, обеспечивало большую степень идентификации с партией. Благодаря чему внутрипартийный климат становился на более высокий профессиональный уровень.¹¹⁵

Изменилась и роль кнута в осуществлении своих полномочий. Если ранее в задачи кнута входило обеспечить единство лидеров партии, то теперь необходимо

¹¹⁴ Seymour C. Electoral reform in England and Wales 1832 – 1885. New Haven, 1915. P. 89.

¹¹⁵ English Party Politics / Ed. by A. Beattie. - Vol. I. 1600-1906. - L., 1970. P. 97.

было установить дисциплину среди рядовых ее членов. Помимо, кнута в партии также существовала должность главного агента, который был обязан следить за избирательной ситуацией в округах. Главный агент, используя помощь корреспондентов, должен был собирать информацию о ведении предвыборной борьбы по всей стране. Первым агентом у консерваторов стал Френсис Бонам, обладающий значительным политическим и социальным авторитетом. Он расположил свой штаб в «Карлтон» клубе и довольно профессионально курировал избирательный вопрос. Следует отметить, что главные агенты возглавляли комитет, который и занимался сбором полезной информации, поступавшей из избирательных округов. На основе полученных сведений лидеры партий при поддержке работников комитета вырабатывали парламентскую стратегию, просчитывали возможное поведение депутатов. По той информации, которая поступала из округов, можно было судить о популярности предлагаемых законов и последствиях принятых решений. Также комитет мог влиять на выдвижение кандидатур лидеров партий на выборы.¹¹⁶

Увеличение электората способствовало появлению обязательных избирательных и партийных списков. В Билле 1832 года содержалось положение о регистрации избирателей – новом элементе политической власти. В том же году появляются первые регистрационные общества: у либералов - Рочдейльская ассоциация реформ, у консерваторов – Ливерпульская консервативная ассоциация. Обязанности по составлению избирательных листов и их учету поручались постоянным членам партий, объединившихся на местах в партийные организации. Хранение этих списков вручалось попечителям над бедными в приходах, которые ежегодно выбирались мировыми судьями из местных жителей для распределения и взимания налога на местное общественное призрение. Каждый избиратель, обладая по закону правом участвовать в выборах, мог обратиться в приход с требованием вписать свое имя в регистр или заявить протест, подать жалобу против тех, кто включен в списки незаконно. После этого,

¹¹⁶ Bulmer-Thomas I. The Party system in Great Britain. London, 1953. P. 86.

жалобы и заявления рассматривались в регистрационном суде специальным уполномоченным, а у кандидата от одной из партий появлялась возможность выиграть выборы еще до процедуры голосования - внесением в списки своих сторонников и изгнания противников. Этим активно пользовались обе политические силы.¹¹⁷

Однако подобная система была рассчитана на частную инициативу и интерес граждан к политике. На самом деле, наиболее заинтересованными оставались кандидаты - соперники, которые не переставали рекрутировать сторонников, большинство же населения оставалось политически неграмотным, дебаты не интересовали, а уровень абсентеизма оставался высоким. В связи с этим сеть локальных партийных организаций развивалась очень медленно. Кроме того, значительно отличались в своем политическом поведении городские и сельские избиратели. На последних особое влияние оказывала традиция и имущественная зависимость от лорда или сквайра. Для сельского жителя первой половины XIX века голосование определялось не личным выбором, а принадлежностью к земельному объединению. Зависимость от землевладельца и традиционное доверие аристократу-политику оказывали определяющее воздействие на выбор сельского обывателя. Кроме того, во многих избирательных округах выборы были безальтернативными или по «сговору» между партиями.

Иная ситуация существовала в городах. Представители различных слоев городского населения вовлекались в политические дискуссии, у них появлялись свои лидеры, общества, пресса, что позволяло не только высказывать свое мнение, но и оказывать давление на правительство.¹¹⁸ Социальная структура города, в отличие от сельской местности, была неоднородна: владельцы магазинов, квалифицированные ремесленники, интеллигенция, промышленная буржуазия, банкиры. Все выше перечисленные категории имели свои экономические интересы и были способны выражать собственные политические

¹¹⁷ Murdoch J. A History of constitutional reform in Great Britain and Ireland with a full account of the three measures of 1832, 1867 and 1884. London, 1885. P. 78.

¹¹⁸ Романова М.И. Парламентская реформа 1832 года в Англии и ее последствия. С. 63.

предпочтения. Причем их выбор был зачастую непредсказуем, что вынуждало партии бороться за городского избирателя, создавая политические организации. Таким образом, политическая жизнь сосредоточилась в крупных промышленных городах. Консерваторы и либералы по достоинству оценили значимость общественно-политических организаций, которые дали реальную возможность влиять на выборы в парламент и борьбу между политическими силами.¹¹⁹

Для более эффективного проведения избирательной кампании, как было отмечено выше, в условиях увеличения электората начали организовываться регистрационные общества в поддержку кандидата обеими партиями с целью предотвращения «случайного эффекта» выборов. После 1832 года они активно создавались местными парламентскими представителями или влиятельными членами партий для сохранения на местах своих доверенных лиц.¹²⁰ Регистрационные общества на протяжении всей избирательной кампании занимались проведением своих кандидатур, используя агитационное воздействие на избирателя, именуемое «canvass». Кандидат и его сторонники являлись к каждому избирателю округа накануне выборов и, используя ораторское мастерство, искусство слова, убеждали отдать свой голос за них. В условиях, когда политические приоритеты и убеждения среди населения были размыты, личные визиты и общение на дому с представителями партий оказывали решающее воздействие на выбор избирателя. Canvass, как непосредственное влияние на человека, стал эффективной избирательной технологией. Армии агитаторов от обеих политических сил работали параллельно, стараясь завербовать как можно больше сторонников. Canvassers отмечали все ответы и еще до выборов могли определить вероятные результаты вотума. Следует отметить, что работа регистрационных обществ не только способствовала

¹¹⁹ May T. E. The Constitutional History of England since the Accession of George the Third. 1760-1860. London, 1871. Vol. 3. P. 240.

¹²⁰Украинский В. Н. Политические партии в двухпартийной системе Великобритании 70-80-х годов XIX века : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1994. С. 70.

удовлетворению узких партийных интересов, но и вела к политизации британской общественной жизни в целом.¹²¹

Очевидно, что регистрация избирателей и агитация помогали партиям в борьбе за большинство в парламенте, распространении своих политических установок и формировании положительного образа. В 40-е гг. XIX века регистрационные общества преобразуются в ассоциации - более развитый по численности и членству политический институт. Лорд Дарем указывал на необходимость образования таких ассоциаций по всей стране, в каждом городе и графстве.¹²² В 1861 году, под руководством либерального кнута Генри Бранда, была создана Либеральная ассоциация по регистрации (Liberal registration association или Liberal association), в деятельность которой входил учет избирателей и рекомендации парламентских кандидатов. Она способствовала созданию регистрационных обществ, занималась инструктажем, оказывала необходимую юридическую и техническую помощь. Следует отметить, что местные влиятельные сторонники партий сами назначали должностных лиц этих ассоциаций, вносили большую часть средств в фонды и отбирали кандидатов.¹²³ В ряде крупных городов ассоциации обладали такой мощью, что нередко были случаи вступления их в споры со своими основателями по различным вопросам. В 40-е гг. XIX века они уже начинают формировать твердый электорат из постоянных сторонников партии.

Консерваторы, переживавшие в начале века не самые лучшие времена: поражение в борьбе за реформу 1832 года, внутренний раскол, - также, вслед за либералами, создали центральную ассоциацию. Под руководством Роберта Пиля было образовано новое консервативное крыло, признававшее необходимость приспособления к изменившейся политической ситуации в стране. Он отмечал что, «регистрация избирателей необходима, так как гораздо сильнее, чем монарх

¹²¹ Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. С. 86.

¹²² Jennigs W. I. Party Politics. The Growth of Parties. Vol. 2. Cambridge, 1961. P. 90.

¹²³ Vinsent D. The formation of the British Liberal party 1857-1868. N.Y., 1972. P. 98.

и палата общин». ¹²⁴ После смерти Пиля, под руководством Бэнджамина Дизраэли в 1867 году в лице Национального союза консервативных и конституционных ассоциаций была создана организация, объединившая местные консервативные союзы. Организации консерваторов назывались – «Лояльные и конституционные ассоциации». Однако лишь к концу XIX века партиям удалось создать устойчивую сеть избирательных ассоциаций. ¹²⁵

Сплочению и единству политических партий, усилению их дисциплины и большей ориентации на интересы и нужды избирателей способствовал также процесс трансформации кабинета министров в 30-е гг. XIX века. В данном контексте интересна позиция исследователя Х. Кокса. Он утверждал, что в XIX в. усиление института партии в Великобритании было напрямую связано с возвышением роли кабинета. Избирательным реформам и политическим ассоциациям Х. Кокс отдавал второстепенное значение. Кабинет теперь не зависел только от мнения короны или существующей политической элиты, а формировался по принципу избранного партийного большинства и превратился из исполнительного учреждения в источник законодательной инициативы. Обсуждение законов в Палате общин стало принадлежать исключительно кабинету и оппозиции, а частные независимые депутаты утратили былую силу влияния. Такие перемены, по мнению Х. Кокса, способствовали более дисциплинированному голосованию в парламенте, большему сплочению партийных рядов и повышению имиджа партии. ¹²⁶

Трансформации, которые произошли в парламенте, а также учреждение ассоциаций, неизбежно привели к новым подходам в понимании лидерства, представительства интересов и написании политических программ. Необходимость борьбы за голоса после реформы 1832 года вынуждало депутатов в рамках избирательной кампании выдвигать четкие требования от своего округа и, в случае избрания, добиваться их рассмотрения в парламенте. В условиях

¹²⁴ Bulmer-Thomas I. The Party system in Great Britain. P. 14.

¹²⁵ Blake R. Disraeli. London, 1978. P. 765-766.

¹²⁶ Cox G. W. The Efficient Secret: The Cabinet and the Development of Political Parties in Victorian England (Political Economy of Institutions and Decisions). Cambridge, 1987. P.130.

увеличения электората, когда голосующие близко не знали представителей партии, появляется острая необходимость написания и оглашения предвыборных обещаний. Для привлечения внимания и доверия аудитории следовало донести до нее основные взгляды, принципы и позиции кандидата. Политические обращения к гражданам положили начало настоящей публичной борьбе на выборах. Особое значение имели выступления лидеров, которые не просто высказывали свои представления по тому или иному вопросу, а озвучивали положения политической платформы, партийную позицию. Следует отметить, что образцом такого выступления перед аудиторией стало оглашение в 1834 г. сэром Робертом Пилем общенационального избирательного Тамвортского манифеста. Профессор, историк консервативной партии Дж. К. Кларк видел в нем первый единый программный документ консервативной партии, составленный в духе умеренного реформизма, что являлось альтернативой радикализму вигов и радикалов и торизму ультратори. Он считал, что манифест способствовал сплочению консервативной партии, преодолению внутреннего кризиса и выдвижению Пила в лидеры, который показал себя как блестящий оратор и организатор. Тамвортский манифест содержал положения, которые превратились в основные принципы партии консерваторов на длительный период: незыблемость традиционных государственных институтов Великобритании, приоритет короны над парламентом, сохранение палаты лордов, поддержание авторитета англиканской церкви, укрепление колониальной империи и унии с Ирландией.¹²⁷ Противоположное суждение имел Н. Гэш, который, в выступлении Пила, не нашел ни уточнения принципов нового консерватизма, ни программы действий правительства. По его мнению, выше упомянутый манифест был выражением позиции партии по важным политическим проблемам, но не более того.¹²⁸ Р. Пиль четко осознавал необходимость использования новых методов и форм деятельности, предпринимал усилия для укрепления консерваторов и преодоления разобщенности, стал реальным лидером не только в парламенте, но

¹²⁷ Clark J. The Making and the Conservative Party. London, 1964. P. 212-214.

¹²⁸ Gash N. Sir Robert Peel: the Life of Sir Robert Peel after 1830. L.: Longman, 1986. P. 97-98.

и за его пределами. Он лично контролировал деятельность парламентских организаторов – випов (whip), которые старательно следили за посещаемостью консервативными депутатами заседаний парламента, инструктировали членов парламента, как голосовать по каждому вопросу, занимались вербовкой сторонников среди колеблющихся депутатов. Р. Пиль большое значение придавал установлению связей с политическими единомышленниками в провинции, созданию сети постоянно действующих консервативных организаций на местах.¹²⁹

Либеральной партии, в отличие от конкурентов, было сложнее выработать единую политическую платформу и определиться с лидером, так как она представляла собой коалицию. Взгляды представителей данной партии могли значительно отличаться друг от друга. Маколей Т.Б.: «Либеральная партия сильнее всех вместе взятых...но она не имеет лидера».¹³⁰ Первая ее программа появилась только в январе 1874 г. и была представлена У. Гладстоном. Кроме того, в условиях политической борьбы между партиями получили распространение такие избирательные формы воздействия на электорат как предвыборные поездки депутатов и митинги.

Дальнейшие экономические успехи Великобритании, монополия на мировом рынке, в морском судоходстве, финансах, обладание колониальной империей содействовали ускорению темпов накопления капитала, увеличению национального государственного богатства. Активное развитие промышленности вело к стремительному росту индустриальных центров, а также численности городского населения, превышающего сельское. Характерными особенностями социально-политической жизни Великобритании в 50-70 е гг. XIX века стало ослабление позиций лендлордизма, усиление активности средних классов, лиц интеллектуального труда и появление так называемой «рабочей аристократии» -

¹²⁹ Айзенштат М. .П. Власть и общество Британии 1750-1850 гг. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2009. С. 132.

¹³⁰ Macaulay T. B. The History of England from the Accession of James the Second. P.195.

высококвалифицированных рабочих и мастеров, доходы и образ жизни которых были сравнимы со средним классом. Однако накопление капитала способствовало быстрому обогащению, в первую очередь, буржуазии. В то время как параллельно происходило обнищание широких народных масс. Современник Дж. Уорд отмечал, что «такого контраста между богатыми и бедными классами, как в нашей стране, нет нигде...». Аналогичную картину рисовал русский публицист Глаголев: «В Англии несколько тысяч владельцев размежевали между собой все земли и несколько сотен капиталистов овладели всеми горами сокровищ, оставив всех прочих без домов, без недвижимой собственности и даже без средств существования». Российский «Журнал мануфактур и торговли» в 1846 г. констатировал: «В этой стране одновременно высокая ступень благосостояния, но вместе с тем и великой бедности».¹³¹

Нищета огромного числа рабочих толкала их к борьбе за собственные права. Они полагали, что завоевав всеобщее избирательное право, смогут добиться коренного изменения условий труда и жизни. Следует отметить, что проведенная реформа 1832 года не удовлетворила интересов трудящихся своими результатами - в парламент получила доступ лишь верхушка промышленной и торговой буржуазии. Избирательных прав по-прежнему были лишены мелкая и отчасти средняя буржуазия, а также рабочий класс, что явилось мощным стимулом роста народного движения. Нерешенность этой проблемы постоянно обостряла политическую обстановку в стране. Ограниченность реформы 1832 года вызвало чартистское движение. Следует отметить, что оно не было ни единым, ни однородным. В него входили: наиболее квалифицированные ремесленники, мелкие лавочники, фабричные рабочие, а также надомные работники - ткачи, работавшие на ручных станках, вязальщики и т.д. Во главе чартистов можно было встретить врачей, торговцев, ремесленников, мелких промышленников, учителей и журналистов. Их борьба состояла из подготовки петиций, сбора подписей под ними и внесение их в парламент, а также

¹³¹ Цит. по: Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских 1825-1853 гг. М.: Издательство «Наука», 1982. С. 110-111.

проводились митинги, шествия, демонстрации, забастовки и создание различных обществ. Причину своих бедствий чартисты видели во всемогущей землевладельцев и промышленников, которое закреплялось законодательством. Они надеялись, что хартия, представляющая мнение большинства народа, заставит правящие классы пойти на уступки и провести реформу. От народных представителей ждали установления контроля за законодательством, принятия актов, которые бы принесли улучшение жизни, снижение налогового бремени и отмену «Закона о бедных».¹³² Таким образом, численно возросший и окрепший рабочий класс все активнее заявлял о себе как о самостоятельной политической силе и выступал за реформирование избирательной системы, отмену тех ее недостатков, которые не допускали его к участию в выборах.

Исследователь Х. Кокс указывал на то, что в английском обществе вновь назрела объективная потребность в модернизации политической системы, в первую очередь путем дальнейшего расширения избирательного права и изменений в структуре выборов. По его мнению, борьба за более демократическую избирательную реформу стала одной из важнейших черт политического развития Великобритании в середине XIX века.¹³³ Под влиянием растущей агитации в пользу реформы либеральное правительство предложило свой проект расширения избирательного права. У. Ю. Гладстон, выступая в парламенте, обращался к противникам новой реформы: «Не стоит бороться с будущим. Огромные социальные силы двигаются вперед мощно и величественно, наши дебаты совершенно не влияют на них и не тревожат».¹³⁴ Внесенный У.Ю. Гладстоном проект был встречен в партии с недовольством, в результате внутренней борьбы по этому вопросу либералы в 1867 году раскололись, а правительство Расселя вышло в отставку. В июне 1866 года к власти пришел консервативный кабинет Дерби, ассоциировавшийся с противником реформы, что

¹³² Мортон, А. Л., Тэйт Дж. История английского рабочего движения 1770-1920. М.: Изд-во Иностранная литература, 1959. С. 126-132.

¹³³ Cox G. W. History of the Reform Bills of 1866 and 1867. London, 1868. P. 129-130.

¹³⁴ Hansard's parliamentary debates. Ser. 3-d. Vol. 183. Col. 152.

еще более усилило движение масс за ее поддержку. Народная волна приобретала все более широкий размах.¹³⁵

Дж. Х. Парк отмечал, что в проведении новой избирательной реформы были заинтересованы и сами политические партии. Консерваторы не хотели более оставаться в вечной оппозиции и стремились привлечь на свою сторону новую базу избирателей, отобрать у соперников имидж реформаторов. Либералы были заинтересованы в расширении своей социальной базы за счет промышленных и финансовых районов и не могли не учитывать всех настроений в обществе, связанных с этим вопросом.¹³⁶ Однако, внесенный ими билль о реформе в 1866 году был отвергнут консерваторами, и они ушли в отставку. Английский исследователь Ф. Б. Смит писал: «В феврале 1867 года инициатива о внесении в палату общин нового проекта реформы исходила теперь от консерваторов во главе с Дизраэли. Именно консервативной партии было суждено стать автором проведения долгожданной реформы. После ряда поправок, инициированных либеральным лидером Гладстоном, 15 августа 1867 года избирательный билль был принят. Новая реформа предусматривала перераспределение депутатских мест, значительное расширение избирательного права и снижение имущественного ценза. 11 «местечек» были лишены права выбора, а еще 35 сохранили право избирать только 1 депутата. Освободившиеся мандаты были переданы крупнейшим промышленным городам и графствам. Имущественный ценз для городских избирателей снижался до 6 ф.ст. Новый закон изменил также избирательное право жителей городов: им наделялись все владельцы или съемщики домов, уплачивающие налог в пользу бедных, и квартиронаниматели, уплачивающие в год не меньше 10 ф.ст. арендной платы (при цензе оседлости 1 год). В графствах избирательное право получили землевладельцы, имеющие не менее 5 ф.ст. годового дохода, а также наниматели или владельцы помещений с доходностью не ниже 12 ф.ст».¹³⁷ Наиболее важным новшеством стала оговорка о

¹³⁵ Hammer D. A. Liberal politics in the age of Gladstone and Rosebery. Oxford, 1972. P. 343.

¹³⁶ Park J. H. The English Reform Bill of 1867. New-York, 1920. P. 98.

¹³⁷ Smith F.B. The Making of the Second Reform Bill. Cambridge. 1966. P. 73-74.

том, что непосредственным плательщиком налогов в пользу бедных считался и тот, кто его вносил не сам, а через своего домовладельца. Благодаря чему в избирательные списки попадали не только домовладельцы, но и все их жильцы. Таким образом, избирательные списки значительно расширились за счет мелкой буржуазии, ремесленников и рабочих.¹³⁸ Билль 1867 года устанавливал принципиально новый институт избирательной системы. В округах, посылавших в парламент трех членов, ни одно лицо не должно было голосовать более, чем за двух кандидатов, а в Лондоне, избирающем четырех депутатов – не более, чем за трех. Считалось, что два депутата (или три в Лондоне) будут избраны большинством избирателей, а третий (или четвертый) – партией, потерпевшей поражение на выборах, т.е. меньшинством.¹³⁹ В перераспределении парламентского представительства нашла подтверждение одна из важнейших тенденций социально-экономического развития страны, выражавшаяся в переносе центра экономической жизни из аграрных южных графств в промышленно развитые центральные и западные районы. У. Бейджгот подчеркивал, что после реформы 1867 года буржуазные интересы стали весомерно преобладать над аристократическими, а изменения в избирательном праве продолжили процесс демократизации парламентской системы Великобритании.¹⁴⁰

Необходимо отметить, что реформа 1867 года, помимо своего государственно-правового значения, оказала огромное воздействие на процесс либерализации внутренней политики в целом. Широкие слои населения, добившись права голоса на выборах в парламент, стали серьезным фактором внутривнутриполитической жизни, учет которого стал обязательным для правящих кругов страны. Билль 1867 года увеличил число избирателей в два раза, с одного миллиона до двух миллионов человек. Господствующие классы были вынуждены постепенно сами отречься от своих привилегий, так как перед ними оказалась мощная сила – голос страны, внушающий им, что шаг навстречу неизбежен. Как

¹³⁸ Park J. N. English Reform Bill of 1867. N.Y. 1920. P. 114.

¹³⁹ Cox G. W. History of the Reform Bills of 1866 and 1867. London, 1868. P. 103.

¹⁴⁰ Бейджгот У. Государственный строй Англии. М., 1905. С. 17.

отмечал российский либеральный журнал Вестник Европы: «...иначе аристократическое представительство 1832 года не согласилось бы на отмену аристократического состава палаты; а представительство богатых классов в 1867 году не сложило бы своими собственными руками те ворота, в которые суждено пройти в политический круг избранника рабочих».¹⁴¹

Следует подчеркнуть, что реформа 1867 года явилась не только результатом страха буржуазии перед рабочим классом, но и представляла собой стратегическую необходимость увеличения политического веса для обеих партий. Избирательный билль 1867 года оказал огромное воздействие на дальнейшее развитие партийно-политической системы в Великобритании. Он стал второй важной вехой в становлении и укреплении партий в XIX веке. Главным результатом билля 1867 года следует считать количественное и качественное расширение электората, а также были заложены основы дальнейшей реформаторской деятельности либералов и консерваторов в 70-80 е гг. XIX века, что привело к созданию демократической партийно-политической системы в Великобритании. К данной точки зрения склонялись такие видные исследователи английской историографии, упомянутые выше, как Дж. Х. Парк и Ф. Б. Смит. Увеличение числа избирателей, в том числе и от трудящихся масс, потребовало от политических партий разработки новой стратегии и тактики в отношении с электоратом, совершенствования приемов ведения избирательной кампании. Старые программные установки, методы предвыборной работы, организационные структуры консервативной и либеральной партий оказались малопригодными для решения новых задач. Им предстояло определить свое отношение к новым категориям избирателей и волновавшим их социальным проблемам, отразить их решение в программных документах, перестроить партийные организации и овладеть новыми формами работы, ориентированными на массовый электорат.¹⁴²

Благодаря реформам 1832 и 1867 гг. были заложены основы буржуазно-демократического строя, однако, актуальными оставались недостатки

¹⁴¹ Очерки английского общества // Вестник Европы. 1875. С. 641.

¹⁴² Butler J. R. M. A history of England 1815 – 1918. London, 1928. P. 69.

существующей избирательной системы: отсутствие тайного голосования, всеобщего избирательного права, а также равных по числу избирателей округов, коррупция в ходе предвыборных кампаний, различие в имущественном цензе в городах и графствах. Необходимость в дальнейшей демократизации представительства и расширении социальной базы осознавали обе партии. Либералов интересовала поддержка новых избирателей, консерваторы рассчитывали на привычную традиционность сельского населения. Первым шагом на пути к дальнейшему совершенствованию избирательной системы Великобритании во второй половине XIX века стало принятие в 1871 г. закона о тайном голосовании на парламентских и муниципальных выборах. «Акт о коррупции и незаконной деятельности» 1883 г. еще раз подтвердил единение общества и парламентариев в вопросах неприемлемости подкупов и злоупотреблений на выборах. Исследователь Т. Е. Мей отмечал, что введение тайного голосования избавит голосующих от возможного давления, а, следовательно, возможного влияния извне на исход выборов, а саму процедуру сделает более организованной.¹⁴³ Современник событий известный английский юрист Э. Поррит, подробно исследуя избирательный процесс в городах и графствах, указывал на значительное разнообразие существовавших искажений выборов и способов подкупа. Виновными в оказании влияния на голосующих признавались те, кто причиняли нравственный или материальный ущерб лицу, стараясь заставить или убедить отдать свой голос или воздержаться от голосования.¹⁴⁴

Билль о необходимости дальнейшего изменения избирательной системы был внесен в палату общин политиком либералом У. Гладстоном 28 февраля 1884 года. В парламентских дебатах по поводу новой реформы он настаивал на распространении избирательных прав в графствах и предоставлении их крестьянам. В расширении системы представительства У. Гладстон видел

¹⁴³ May T. E. The Constitutional History of England since the Accession of George the Third. 1760-1860. London, 1871. Vol. 3. P. 454.

¹⁴⁴ Поррит Э. Современная Англия. Права и обязанности ее граждан. М., 1897. С. 166.

прочность государства.¹⁴⁵ Иницируя реформу, политик стремился заручиться поддержкой новых избирателей, а также усилить влияние и имидж либеральной партии. Консерваторы, в целом поддерживая идею дальнейшего преобразования избирательной системы, стремились в соперничестве с либералами перехватить инициативу и возглавить реформу. Лорд-консерватор Солсбери, обрушиваясь с критикой на билль Гладстона, указывал на неминуемые различия между сельскими и городскими жителями в их образе жизни, которые отразились и на представительстве в парламенте, и которые нельзя уничтожить.¹⁴⁶

Несмотря на серьезные противостояния между либералами и консерваторами, неуступчивую позицию палаты лордов, во многом благодаря посредничеству королевы Виктории, компромиссное решение между сторонами было найдено. В период 1884-1885 гг. был принят третий избирательный закон, в результате которого электорат вырос еще в два раза и достиг 5 млн. человек.¹⁴⁷ «Акт о народном представительстве», ставший законом в декабре 1884 года, наделял избирательным правом всех домовладельцев и квартиросъемщиков в городах, арендаторов и домовладельцев в графствах. В основном электорат увеличился за счет сельских жителей (небогатые фермеры-арендаторы), сельскохозяйственных рабочих графств. В 1885 году было осуществлено новое перераспределение округов, основанное на принципе равенства - «1 округ – 1 депутат». Была разработана следующая пропорция: каждый округ должен был состоять примерно из 50 тыс. избирателей, то есть 50 тыс. человек представлял 1 депутат в парламенте. Города, где проживало менее 15 тыс. жителей были лишены представительства и присоединялись к графствам, на которых были расположены. Города с населением более 15 тыс. и менее 50 тыс. имели по одному депутату; крупные города с населением свыше 50 тыс. и менее 165 тыс. должны были избирать по два представителя, а имеющие свыше 165 тыс. – по три, при этом на каждые следующие 50 тыс. человек добавлялось по одному

¹⁴⁵ Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons, House of Lords. 3d series. Vol. 285. L. 1883-1886. Col. 108.

¹⁴⁶ Lord Salisbury on politics. A selection from his articles in the Quaterly Review, 1860-1883. (Cambridge Studies in the History and Theory of Politics) / Ed. By P. Smith. Cambridge. 1972. P. 336-338.

¹⁴⁷ The Nineteenth-Century Constitution 1815-1914. Documents and Commentary / Ed. by H. J. Hanhman. Cambridge, 1969. P. 281.

депутату. Этот же принцип был установлен и в графствах.¹⁴⁸ Закон 1885 года увеличил число мест в палате общин до 670, дополнительно выделилось 6 мест Англии и 12 – Шотландии, кроме того, Лондон получил право избирать 62, Ливерпуль- 9, Глазго и Бирмингем – 7 депутатов.¹⁴⁹

Следует отметить, что женское население было выключено из списков голосующих, оставались цензовые ограничения. Реформа 1884-1885 гг. способствовала внесению необходимого единообразия в систему представительства, ее демократизации, а также повлияла на изменение в социальном составе партий. Либералы получили поддержку фермеров, консерваторы упрочили свои позиции в аграрных районах. Английский исследователь Т.Е. Мей указывал на то, что «новые неграмотные голосующие, включенные в избирательный процесс, моментально попали под манипулятивное воздействие обеих партий».¹⁵⁰

Таким образом, проведение реформ 1832 г., 1867 г. и 1884-1885 гг. оказало решающее воздействие на трансформацию партийно-политической системы Великобритании в XIX столетии. В борьбе за проведение реформ либералы и консерваторы расширили свою социальную базу и способствовали привлечению внимания общественности к политике и участию в ней, артикулировали и агрегировали свои интересы, разграничив политические платформы. Благодаря их деятельности, а также неизбежным социально-экономическим изменениям в государстве, произошел подъем активности населения, вовлечение в политическую жизнь новых слоев общества, усилилось воздействие общественного мнения. В течение XIX века происходила структурная и идейная трансформация партий. У либералов и консерваторов появилась необходимость бороться за голоса, составлять списки избирателей и заботиться об эффективности проведения избирательной кампании, нарастала конкуренция между кандидатами. Их организационное развитие проходило в остром

¹⁴⁸ Lowell A. L. The Government of England. Vol. I. New York, 1908. P. 221.

¹⁴⁹ Seymour C. Electoral reform in England and Wales 1832 – 1885. New Haven, 1915. P. 540.

¹⁵⁰ May T. E. The Constitutional History of England since the Accession of George the Third. 1760-1860. London, 1871. Vol. 3. P. 36.

соперничестве друг с другом на основе взаимных уступок, что способствовало ускорению развития и совершенствования. Партии приобрели в этот период идейно-политическую платформу и структурное единство. Для эффективной координации деятельности они создавали политические клубы, важную роль играла печать, появились такие новые избирательные приемы как агитация, поездки по стране, предвыборные митинги и обращения лидеров к электорату. Усиление партий наблюдалось не только внутри политической системы Великобритании, но и в жизни всего общества. К концу XIX века либеральная и консервативная партии превратились в массовые, ориентируясь более не на узкие классовые предпочтения элиты, а становясь выразительницами интересов нации с универсальной социальной ориентацией. Следует подчеркнуть, что благодаря усилению их влияния в парламенте и обществе, соперничестве на политической сцене, поиску компромисса в решении государственных вопросов и проведении избирательных реформ в XIX столетии был обеспечен эволюционный переход партийно-политической системы Великобритании от аристократизма к буржуазной демократии.

1.3. Организационное оформление консервативной и либеральной партий во второй половине XIX века

Во второй половине XIX в. усиливается процесс организационного переустройства обеих партий. Как было отмечено выше, возникла острая необходимость последовательной работы с избирателем, создание так называемого «твердого электората». В связи с чем, был взят курс на организацию работоспособной внепарламентской партийной структуры, призванной мобилизовать сторонников партии, обеспечить централизованный отбор кандидатов, а также упрочить партийное единство.

Либералы и консерваторы значительно усиливают свою сплоченность и начинают создавать централизованное руководство избирательными округами. Складывание организационной структуры либеральной и консервативной партий происходило 60-70-е гг. XIX в., когда создавались их центральные органы.

Либеральная регистрационная ассоциация (ЛРА), образованная в 1861 году в Лондоне кнутом Генри Брандом, стала центром внепарламентской работы партии. Английский исследователь Н. Винсент отмечал, что она не вмешивалась в политику, а занималась избирательными вопросами, рекомендовала парламентских кандидатов, осуществляла контроль за регистрацией. Неограниченное членство в ней сопровождалось большим взносом.¹⁵¹ Либеральная регистрационная ассоциация постепенно превратилась в настоящий штаб - Центральную либеральную ассоциацию, что позволило приобщить к партии новый электорат, завоевать новые избирательные округа, а также последовательно реализовывать стратегию и тактику предвыборной кампании через систему постоянных штатных агентов на местах. Английский историк Х. Хэнэм, исследуя британскую партийную систему и способы ведения избирательных кампаний, отмечал возросшее значение института главного кнута, который теперь возглавлял Центральную либеральную ассоциацию. Он превратился в номинального главу внепарламентской кадровой партийной организации и непосредственно контролировал вопросы отбора кандидатов на выборы, а также контактировал с местными лидерами, организовывал избирательные кампании партийных руководителей, рекомендовал подходящие кандидатуры на должности, распределял партийные фонды.¹⁵² Повседневная же работа с округами, распространение партийной литературы и регистрация велись секретарем. В 1886 году произошла реорганизация Центральной либеральной ассоциации с целью сблизить ее с набравшей к тому времени мощи внепарламентской массовой организацией. Посты президента Национальной либеральной федерации и ее секретаря были объединены. Несмотря на то, что между организациями произошло слияние, номинально главой продолжал оставаться главный кнут.¹⁵³

Перед консерваторами также стояла задача усилить и создать принципиально новую систему кадровой организации. Особенно остро

¹⁵¹ Vinsent D. The formation of the British Liberal party 1857-1868. N.Y, 1972. P. 120.

¹⁵² Hanham H. J. Elections and party management: politics in the time of Disraeli and Gladstone. London, 1959. P. 354.

¹⁵³ Hammer D. A. Liberal politics in the age of Gladstone and Rosebery. Oxford, 1972. P. 86.

ощущалась данная необходимость в связи с серьезным поражением на парламентских выборах 1868 года. В 1870 году было создано Центральное ведомство консерваторов, в задачи которого входил отбор наиболее приемлемых кандидатов для каждого округа, сбор информации и пропаганда. Главным партийным агентом новой организации стал Джон Е. Горст. Кроме распределения кандидатов по округам непрерывно велась политическая пропаганда в крупных городах, с целью привлечения рабочих к идеям консервативной партии. Лидер безоговорочно назначал всех главных служащих Центрального ведомства, которые ему строго подчинялись. Р. Стюарт писал: «Штат сотрудников включал в себя двести человек. Центральное ведомство консерваторов состояло из департаментов. Наибольшим влиянием пользовался организационный департамент, отвечающий за работу с округами».¹⁵⁴ Следует отметить, что департаменты Центрального ведомства осуществляли взаимодействие с национальными совещательными комитетами Национального союза, деятельность которых описана ниже. Кроме того, кадровые консервативные организации имели свое представительство и на региональном уровне.¹⁵⁵ Их структура была аналогична структуре Центрального ведомства, на той же основе строились отношения и с региональными советами. Их деятельность направлялась и контролировалась агентом центрального ведомства в данном регионе соответственно. Как правило, представители Центрального ведомства в округе делились на окружных организаторов и агентов (агент по регистрации и агент по выборам). От последних требовалось знание партийных норм, умение вести дискуссию, их деятельность была многосторонней и сертифицировалась центральным штабом. В задачи входило: вести агитационную и пропагандистскую работу, распространять партийную литературу. Агент, таким образом, играл роль кадрового информатора в округе. Кроме того, он являлся еще и секретарем окружной ассоциации, исполняя, соответственно, все решения исполкома и собраний. Агент находился в тесной связи с членом парламента или

¹⁵⁴ Stewart R. The formation of the conservative party 1830-1867. London, 1978. P. 337.

¹⁵⁵ Ibid. P. 340.

перспективным кандидатом округа, планировал и проводил различные партийные мероприятия, готовил речи, следил за его популярностью среди общественности. Следует отметить, что должности либеральных и консервативных партийных агентов были оплачиваемые.¹⁵⁶

Таким образом, деятельность Центральной либеральной ассоциации и Центрального ведомства консерваторов была призвана направлять и координировать работу партий в стране, осуществлять методическую и организационную поддержку окружным и региональным ассоциациям. Они обеспечивали подбор эффективных партийных управленцев, способствовали становлению профессионального партийного работника, трудившегося на благо партии за заработную плату. Кроме того, способствовали установлению связей между партией и ее внепарламентскими учреждениями. Сложно согласиться с Н. Винсентом, который полагал, что центральные ассоциации не нацелены на создание командных партий.¹⁵⁷ Напротив, по нашему мнению, благодаря работе Центральной либеральной ассоциации и Центрального ведомства консерваторов произошло зарождение партийной бюрократии в английской политической системе.

Следует отметить, что деятельность по централизации работы с избирательными округами, политическая пропаганда, избирательная реформа 1867 г., спровоцировавшая появление нового электората, и как следствие, возросшая политическая активность масс, способствовало увеличению количества окружных и квартальных ассоциаций в целом по стране. По мнению политического деятеля, депутата А. Балмер-Томаса изменения в избирательном законодательстве в XIX столетии повлияли на очередную организационную перестройку обеих партий, определили поиск новых приемов проведения избирательных кампаний. Окружные ассоциации стали внепарламентскими органами партий, дали им новый импульс для развития.¹⁵⁸ Теперь они наделялись ответственностью отбирать кандидатов на выборы, приобщать новых избирателей

¹⁵⁶ Bulmer-Thomas I. The Party system in Great Britain. London, 1953. P. 35.

¹⁵⁷ Vinsent D. The formation of the British Liberal party 1857-1868. P. 122.

¹⁵⁸ Bulmer-Thomas I. The Party system in Great Britain. P. 20.

к политической жизни, превращать их в творцов политики. Главной целью ассоциации становилась - победа кандидата от своей партии в данном избирательном округе. Членство в ассоциациях было открытым для всех, с одним лишь условием – обязательной уплаты членских взносов. Окружные ассоциации включали в себя наиболее низшие ячейки - квартальные. Из двенадцати или пятнадцати тысяч избирателей квартала 25-30 человек по-настоящему были заинтересованы политической жизнью и составляли ядро ассоциации квартала. На общественном квартальном собрании не реже одного раза в месяц избирался постоянный комитет. Он отбирал кандидатов на муниципальные выборы, делегатов в окружную парламентскую ассоциацию, а также председателя и секретаря, которые автоматически становились членами генерального комитета и исполкома окружной ассоциации и представляли там интересы данного квартала.¹⁵⁹ Секретарь возглавлял комитет квартала, контролировал и организовывал мероприятия и напрямую подчинялся воле окружной ассоциации. Следует отметить, что активисты квартала в основном состояли из представителей постоянного электората партии, а их деятельность была добровольной и неоплачиваемой. В главные задачи квартального комитета входило изучение политических предпочтений избирателей, их регистрация, проведение собраний или политических собеседований с жителями; ведение агитации и привлечение новых сторонников.¹⁶⁰

Делегаты от каждого квартала, председатели и секретари квартальных комитетов входили в окружную ассоциацию. В либеральной партии они образовывали генеральный комитет или совет ассоциации. Он, в свою очередь, определял политику партии в округе, реализовывал ее либеральные политические идеи.¹⁶¹ Однако вся власть в окружной ассоциации сосредотачивалась в исполнительном комитете, в который входили все секретари кварталов. Его работа была напрямую связана с пропагандой и агитацией политических идей

¹⁵⁹ Vinsent D. The formation of the British Liberal party 1857-1868. P. 140.

¹⁶⁰ Epstein L. Political Parties in Western Democracies. New York, 1967. P. 90.

¹⁶¹ The Nineteenth-Century Constitution 1815-1914. Documents and Commentary / Ed. by H. J. Hanhman. Cambridge, 1969. P. 269.

либеральной партии. Двумя главными лицами окружной ассоциации являлись – президент и генеральный секретарь, назначенный на свою должность исполнительным комитетом. Их функции принципиально отличались. Президент был так называемой представительной фигурой, наиболее состоятельным узнаваемым и уважаемым партийным деятелем в округе. Он, как правило, владел словом, его яркие публичные выступления были нацелены на привлечение новых сторонников партии. Высказываясь на наиболее интересные и актуальные темы, президент был всегда нужной фигурой на торжественных мероприятиях, открывал и закрывал их своими пламенными речами. Х. Хэнэм считал, что самая ответственная работа возлагалась на генерального секретаря – должностное лицо, подчиняющееся в своей работе исполнительному комитету. Он являлся главой избирательной кампании, был главным организатором всех партийных мероприятий в округе: митингов, демонстраций, приемов, публичных выступлений лидеров и др. В ведении генерального секретаря находились квартальные секретари, работу которых он курировал, консультировал и направлял. Кроме того, он контролировал квартальные митинги, собирал информацию о проведении собраний и деятельности комитетов, предоставляя полученные данные исполкому. В задачи генерального секретаря входило также поддержание политической активности и духа либеральной партии в округах и кварталах.¹⁶²

Р. Маккензи, анализируя организацию и структуру консервативных окружных ассоциаций, указывал на их схожесть с либеральными. Главными должностными лицами, указывал исследователь, являлись - президент, председатель, три вице-председателя и казначей. Президент, также как и у либералов, был парадной фигурой. Вся организационная работа, связанная с курированием квартальных дел, отбором парламентских кандидатов, обеспечением ассоциаций фондами, работой с избирателем находилась в руках председателя. Его заместителями становились вице-председатели по различным видам деятельности. Вся финансовая работа находилась в ведении казначея. На

¹⁶² Hanham H. J. Elections and party management: politics in the time of Disraeli and Gladstone. London, 1959. P. 349.

него возлагалась ответственность за состоятельность фондов ассоциации совместно с финансовым комитетом исполкома, а также поиск новой финансовой поддержки. Должность казначея-чиновника была оплачиваемой и пользовалась уважением.¹⁶³

По решению председателя, как правило, раз в три месяца собирался Совет ассоциации, на который были возложены управленческие функции. Однако вся повседневная работа приходилась, как и у либералов, на исполнительный комитет. Исполком включал в себя комитеты (финансовый, общих целей, политического образования, связи с тред-юнионами, местное управление реклама), состав которых ежегодно назначал Совет. Следует отметить, что в исполнительный комитет также входили должностные лица ассоциации, председатели каждого комитета, два выборных представителя от каждого квартала или избирательного участка и представители от каждых двух тысяч членов электората в этом участке (квартале); одного представителя от каждого ассоциированного консервативного клуба, кооптированных членов (не более шести) и агента Центрального офиса в регионе, который может присутствовать с совещательным голосом. Исполком собирался один раз в месяц.¹⁶⁴

В отличие от либеральных, консервативные ассоциации были более независимые в своей работе от вышестоящих органов. Однако количественно консервативные организации кварталов уступали либеральным. После реформы 1867 года консерваторы в большей степени были вынуждены распространять свои идеи среди городского избирателя и отвоевывать их голоса у либералов. Очевидно, что они стремились не только привлечь на свою сторону буржуазные круги, но и расположить к себе рабочий класс. Консерваторы находились в поисках новой организации на местах, обращаясь к опыту противников. Каждый избирательный квартал делился на блоки или участки домовладений, в которых работало 1-2 канвассера. В их функции входило распространять партийную

¹⁶³ Mackenzie R. T. *British political parties: The Distribution of Power Within the Conservative and Labour Parties*. London, 1955. P. 232-233.

¹⁶⁴ *The Nineteenth-Century Constitution 1815-1914. Documents and Commentary* / Ed. by H. J. Hanhman. Cambridge, 1969. P. 244-246.

литературу, осуществлять словесную пропаганду, организовывать митинги и социальные мероприятия, проводить избирательную кампанию, собирать информацию об электорате. Корпус канвассеров, возглавляемый «районным начальником», работал на добровольных началах. Управленческая структура квартальной консервативной ассоциации мало отличалась от окружной. Должностные лица были представлены: председателем, одним или двумя вице-председателями, секретарем и неоплачиваемым казначеем. Каждый из членов квартальной ассоциации платил членский взнос.¹⁶⁵

Следует отметить, что на создании дочерних (квартальных) ассоциаций консерваторы не остановились. Индустриализация экономики, изменения в социальной структуре, торжество либеральной буржуазии и рост рабочего класса заставили их, даже в большей степени, чем либералов, откликнуться на вызов времени. Возникла необходимость централизации всех существующих ассоциаций в стране и идейного переосмысления идеологии. Новой идейной доктриной консервативной партии в 60-е гг. XIX века в Великобритании стал «народный торизм», провозглашенный Дизраэли.¹⁶⁶ Находясь в оппозиции в период 1868-1874 гг., когда у власти пребывал либеральный кабинет во главе с Гладстоном, консерваторы пересмотрели свое отношение к участию в политике низших слоев. Они пришли к пониманию необходимости учитывать нужды и интересы нового избирателя. Дизраэли, осознавая с каждым днем возрастающую роль масс, стремился превратить консервативную партию в выразительницу интересов буржуазии и рабочих, создать «классовую гармонию».¹⁶⁷ Таким образом, консерваторы старались предложить буржуазии умеренные реформы, а трудящимся классам – социальные перемены. Дизраэли видел превращение партии в национальную, органично сочетающую в себе различные общественные элементы со всем разнообразием их взглядов. Новая доктрина утверждала, что между различными слоями общества прослеживается очевидная солидарность

¹⁶⁵ Украинский В. Н. Политические партии в двухпартийной системе Великобритании 70-80-х годов XIX века : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1994. С.110-111.

¹⁶⁶ Blake R. Disraeli. L., 1978. P. 160-161.

¹⁶⁷ Hanham H. J. Elections and party management: politics in the time of Disraeli and Gladstone. P. 230.

интересов и политических представлений. На практике «народный торизм» должен был помочь превратить рабочего в консерватора, сблизить взгляды и интересы консервативной партии и трудящихся. Несмотря на то, что в итоге в 70-е гг. XIX века именно буржуазия стала для консерваторов главной мишенью в погоне за голосами на выборах, в отношении рабочих также были сделаны шаги навстречу. Стремясь привлечь на свою сторону новые слои электората, консерваторы повсеместно создавали рабочие клубы и клубы по интересам, которые находились на содержании у окружных ассоциаций. Они были открыты каждый день и в основном включали в себя лиц, мало интересующихся политикой, так называемое «электоральное болото»: мелкие буржуа, лавочники, торговцы и значительное количество рабочих. Соответственно, чтобы завлечь подобные категории граждан им предлагались спиртные напитки, игры, развлекательные мероприятия. Главной целью стало - соединение политики и удовольствия для привлечения мало заинтересованных потенциальных избирателей. Следует отметить, что практика создания рабочих клубов и клубов по интересам принесла значительные плоды для обеих партий, была популярна не только у консерваторов, но и у либералов.¹⁶⁸

Однако для большей координации внепарламентских учреждений консервативной и либеральной партии, разбросанных по стране, и четкой организации их работы потребовалось создание в 1867 году - Национального союза консервативных и конституционных ассоциаций, а в 1877 году - Национальной либеральной федерации. Их цели заключались в том, чтобы, во-первых, обеспечить необходимую централизацию, преодолеть разобщенность различных партийных элементов и; во-вторых, наладить официальные связи между членами партии, местными агентами и ассоциациями на территории всей страны.

Перед консерваторами, проигравшими выборы в 1868 году и не желавшими надолго оставаться в оппозиции, острее, чем перед либералами, встала

¹⁶⁸ Blake R. The conservative party from Peel to Thatcher. London, 1985. P. 144-145.

необходимость объединения ассоциаций для сплочения политических сил. Как было отмечено выше, 12 ноября 1867 года в Лондоне было проведено собрание, где присутствовали представители из 56 городов, председателем которого стал Джон Горст. На нем было принято решение о создании массовой партии консерваторов. Высшим органом Национального союза стала - ежегодная Конференция, состоящая из всех членов центрального совета (3600 человек максимально); трех дополнительных представителей, назначаемых каждой окружной ассоциацией, специализированного агента и дипломированного организатора от каждой окружной и центральной (в крупных городах) ассоциаций. Таким образом, на конференции был представлен каждый округ, значительное количество делегатов участвовали в обсуждении партийных дел и общенациональных вопросов. Кроме того, не только лидер, но и другие значимые партийные фигуры могли присутствовать на конференции и держать слово. Следует отметить, что у ежегодной конференции был свой Секретарь, который принимал в ней активное участие. За 140 дней до проведения конференции он рассылал каждому ее члену копии повестки дня с докладом исполнительного комитета. Такая организация позволяла окружным ассоциациям заранее знакомиться и обсуждать тему будущей конференции.¹⁶⁹

Органом управления Национального союза стал Центральный совет. В него вошли лидер партии, председатель партийной организации, генеральный директор, другие главные чиновники и служащие, а также все консервативные члены парламента, перспективные кандидаты, члены Исполкома Национального союза, представители национальных совещательных комитетов Национального союза, четыре представителя от каждой окружной ассоциации, представители от центральных ассоциаций городов и региональных советов. К функциям Центрального совета относились: выборы президента и председателя партии; трех вице-председателей Национального союза, а также анализ и обсуждение деятельности Исполкома Национального союза. Совету разрешалось вносить поправки в правила Национального союза, обсуждать предложения региональных

¹⁶⁹ Pollard A. F. The History of England A study in political evolution. London, 1911. P. 89-90.

советов и ассоциаций по внутривнутрипартийным и социальным вопросам, предлагая свои решения для лидера партии. Когда партия находилась у власти, Совет часто принимал рекомендации для правительства, когда в оппозиции - инструктировал партийных членов в той или иной сфере деятельности. Рекомендации, в свою очередь, не имели обязательного характера, но депутаты часто прислушивались к главному управленческому органу Национального союза. Центральный совет собирался ежегодно в Лондоне, повестка дня тщательно готовилась подкомитетом по общим целям.¹⁷⁰

Важными должностными лицами в Национальном союзе были президент и председатель. Президент, как и в окружной ассоциации, являлся представительной фигурой для торжественных церемоний, посещал мероприятия, конференции. Председатель Национального союза занимался непосредственно организационной работой, председательствовал на ежегодной конференции, проводил заседания Центрального Совета. Решения, принятые на конференции и в Центральном совете, реализовывал Исполком Национального союза (150 человек). Он собирался ежемесячно и включал в себя представителей регионов, лидера и других высших должностных лиц партии. Исполком вел дела Центрального совета в интервалах между заседаниями, ежегодно рекомендовал для выборов должностных лиц Национального союза, избирал собственного председателя и назначал двух секретарей Национального союза, готовил вопросы для обсуждения на ежегодной конференции. Исполком также был наделен арбитражной властью в разрешении разногласий между окружными ассоциациями, им анализировались и обсуждались доклады и резолюции последних. Ежегодно он отчитывался центральному совету и представлял доклад ежегодной конференции. Кроме того, исполкому подчинялись национальные совещательные комитеты, в формировании которых он принимал активное участие. Комитеты национального союза представляли собой поле для борьбы и дискуссии групп интересов. Через них группы давления могли довести свои взгляды и предложения до лидеров, воздействовать на членов Национального

¹⁷⁰ Blake R. The conservative party from Peel to Thatcher. P. 112.

союза, используя методы пропаганды. Следует отметить, что в подкомитете по общим целям происходила разработка повестки дня ежегодной конференции. Вопросы, подготовленные для нее исполкомом, проходили здесь дополнительную экспертизу, группировались по темам.¹⁷¹

Следует также отметить, что в организации внепарламентских учреждений консервативной партии непростая роль отводилась ее лидеру. Он фактически был свободен в принимаемых политических решениях, на него возлагалась ответственность провозглашения окончательной партийной позиции по тому или иному вопросу. Лидер своей речью завершал конференцию. Он был вынужден учитывать ее решения, иначе рисковал потерять поддержку на выборах. Такая взаимозависимость, фактически обязывала его поддерживать равновесие между партийными силами. Используя тактическое мастерство, лидер в завершающей речи конференции давал оценку наиболее приемлемым принятым постановлениям и включал их в свой политический курс.

Организационная перестройка не обошла стороной и либеральную партию. Находясь у власти в период с 1868-1874 гг. она, под руководством Гладстона, конкурировала с консерваторами, стремясь привлечь на свою сторону менее обеспеченные круги населения. Эта непростая задача усложнялась тем, что прочной социальной основой либералов с начала XIX века традиционно была буржуазия. Либеральная партия в 60-70-е гг. XIX века встала на путь «социального реформизма», стремясь учесть интересы не только состоятельных кругов, но и нуждающихся масс. Однако реформы, проводимые первым кабинетом Гладстона, не получили поддержки среди населения, не было единства и в самой партии. Она раскололась на отдельные группировки, радикалы и виги стали соперничать между собой по ирландскому, земельному, военному вопросам. Таким образом, несовершенство проводимых реформ, раскол внутри либеральной партии, несостоятельность политики Гладстона и отсутствие у него конструктивной программы накануне выборов привели к поражению либералов в 1874 году. При оценке сложившейся ситуации, очевидно, что консервативная

¹⁷¹ Blake R. Disraeli. P. 98.

партия Дизраэли, находясь в оппозиции, провела огромную работу по завоеванию голосов среди мелкой буржуазии и среднего класса. Успех на выборах консерваторов в 1874 году во многом определялся созданием Национального союза консервативных и конституционных ассоциаций, массовой консервативной партии. Расколотая и побежденная на выборах 1874 года либеральная партия уступила своей сопернице не только большинство в парламенте, но и частично буржуазию, которая все активнее придерживалась консерватизма.¹⁷² В сложившейся ситуации либералам было необходимо объединить партийные силы, вслед за консерваторами, начать строительство новой либеральной партийной системы.

Следует отметить, что первопроходцем в этом вопросе стал промышленник и политический деятель, мэр Бирмингема Джозеф Чемберлен. Еще в конце 60-х гг. XIX в. он возглавил реформирование либеральной партии в Бирмингеме. Либералы постарались опереться на возможно большее число избирателей всех классов, обеспечить за собой большинство во всех цеховых обществах и профессиях. Сложилась так называемая Бирмингемская модель, которая способствовала укреплению и эффективной деятельности либеральной партии. «Бирмингем разделялся на 16 wards, или кварталов. Ассоциация либералов ежегодно созывала в каждом ward митинг из местных либералов. Всякий желающий мог сделаться ее членом с правом голоса. Каждый квартал назначал 35 представителей в общий совет; пятеро избирались в исполнительный совет. Кроме того, исполнительный совет избирал для пополнения выборов тридцать человек, которые входили в его состав. Таким образом, число всех членов достигало 600. Общий совет ежегодно избирал президента, вице-президента и секретаря. Кроме того, назначался распорядительный комитет из 11 членов: 7 от исполнительного совета, 4 от общего».¹⁷³ По образцу Бирмингема стали создаваться организации либеральной партии и в других городах. В 1877 году Чемберленом была основана Национальная либеральная федерация, которая

¹⁷² Matthew H.C.G. Gladstone: 1809-1898. Oxford, 1997. P. 432.

¹⁷³ Хроника. Корреспонденция из Лондона // Вестник Европы. 1880. №5. С. 354-355.

представляла собой централизованную систему. В ней были представлены все окружные партийные ассоциации. Либеральная ассамблея – главный орган Национальной либеральной федерации, который собирался ежегодно и состоял из представителей окружных ассоциаций. Состав определялся по принципу: 2 делегата от 50-150 членов; 3 делегата от 150-200 членов; 4 делегата от 201-250 членов, а также от каждой дополнительной сотни членов избирался 1 делегат. Максимально возможное представительство от ассоциации в ассамблее насчитывало 20 человек. В ее состав также входили все члены парламента из обеих палат, перспективные кандидаты в парламент и кандидаты на прошедших выборах, сертифицированные агенты партии и ее организаторы. Должностные лица и члены исполкомов региональных федераций, также могли претендовать на членство.¹⁷⁴

Собрание Ассамблеи один раз в год избирало следующих должностных лиц: президента, заместителя президента, не более четырех вице-президентов, не более трех казначеев и членов Либерального Совета. В ведении Совета находились пропагандисты и лекторы, которые назначались им в разные части страны, а также спецагенты, призванные заниматься организационной деятельностью и распространять либеральные идеи на местах. В его состав входили также члены Исполнительного комитета, делегаты всех окружных ассоциаций и либеральных членов палаты общин, тридцать представителей партии, избранных ассамблеей. Каждый год Совет был обязан созывать Исполнительный комитет. Он состоял из должностных лиц, главного кнута, представителей региональных федераций и Шотландской либеральной партии. Исполком руководил секретариатом федерации и важным для партии отделом публикаций, который, в свою очередь, контролировал распространение пропагандистской либеральной литературы. Отдел публикаций или отдел литературы находился в совместном ведении исполкома и бюро кнута. Он обеспечивал необходимой информацией кандидатов и ораторов партии, собирал сведения о парламентской деятельности каждого депутата-конкурента. Кроме того, в задачи исполнительного комитета входило

¹⁷⁴ The Nineteenth-Century Constitution 1815-1914. Documents and Commentary / Ed. by H. J. Hanhman. P. 275.

ежегодное обращение к местным ассоциациям с тем, чтобы те вычленили наиболее интересующие их проблемы, в соответствии с которыми шла дальнейшая разработка пунктов для обсуждения на конференции. В целом же политическое значение ассамблеи сводилось к демонстрации, призванной проиллюстрировать единство и мощь либеральной партии.

Лидер либеральной партии, в отличие от консервативной, в большей степени был ориентирован в своем политическом курсе на требования, исходящие от массовых окружных ассоциаций. Будучи фактически независимым в принятии политических решений, он все же поддерживал тесный контакт с массовой партией. Следует отметить, что лидер, при согласовании с президентом партийной организации, мог назначать членов в либеральный партийный Комитет. В его задачи входило выявление и отслеживание либеральных представлений окружных ассоциаций по важнейшим политическим вопросам. Фактически партийный комитет, возглавляемый лидером, был призван обеспечить максимальное сближение курса последнего с интересами массовой партии. Также как и у консерваторов, в Национальной либеральной федерации существовала и должность президента, который был красноречивым оратором, приглашался, как правило, с выступлением на партийные съезды, считался парадной фигурой.

Следует отметить, что помимо национальных органов партии и округов были созданы региональные организации и у консерваторов, и у либералов. Они представляли собой промежуточные звенья. Созданы были для того, чтобы частично освободить центральные органы от ряда незначительных вопросов вполне решаемых в регионе, а также обеспечить необходимый фильтр для предложений и требований округов. Деление страны партиями на регионы было произвольным, а соответствовало историческим английским провинциям, что позволяло использовать их особенности и традиции.¹⁷⁵

Свою организационную структуру либеральные региональные федерации во многом копировали с Либеральной национальной федерации. Генеральный

¹⁷⁵ Bulmer-Thomas I. The Party system in Great Britain. P. 64.

комитет региональной федерации включал в себя представителей окружной ассоциации: президента, секретаря, а также членов, избранных на ежегодном общем собрании. Исполком региональной федерации состоял из членов от округов, должностных лиц федерации и деятелей комитета. К региональным должностным лицам относились: президент, председатель и вице-президент соответственно.

Консервативная партия, в свою очередь, имела так называемые «провинциальные союзы» и центральные ассоциации в городах. Ее региональные организации строились, также как и у либералов, по образцу вышестоящей инстанции. Региональный совет, региональный исполком с совещательными комитетами, председатель и другие добровольные должности были аналогичны таким же в Национальном союзе. Ежегодно на совете региона избирались добровольные неоплачиваемые должности такие как, президент (почетное лицо), вице-председатель, казначей, секретарь. Региональный совет мог собираться два, три или четыре раза в год, а в перерывах между собраниями вся организационная работа ложилась на региональный исполком и его комитеты. Особое значение предавалось председателю региональной федерации, который был одновременно и лидером федерации округов в регионе и главным представителем региона в совете партии. На него ложилась серьезная ответственность интерпретации мнения региона перед исполкомом Национального союза и председателем партийной организации. Как правило, он был лично знаком с большим количеством окружных должностных лиц и агентов внутри региона, помогал им разрешать возникающие трудности в работе. Председатель регионального совета также был призван отвечать за эффективность проведения национальных компаний партии внутри региона, рекомендовать совещательному комитету парламентские кандидатуры. Совместно с региональным казначеем региональный председатель оказывал помощь центральной финансовой палате по сбору средств и управлению партийными фондами в регионе, что помогало в изучении

региональных финансовых нужд и проблем.¹⁷⁶ Следует отметить, что региональные организации были представлены в Национальном союзе, были допущены к обсуждению национальных и региональных вопросов, выдвигали собственные идеи, имели право совещательного голоса. Деятельность региональных организаций должна была способствовать улучшению и дальнейшему развитию партийной организации в стране. К их функциям относились партийная пропаганда, политическое просвещение электората, а также жесткий контроль за положением дел в округах.

В целом, следует сделать вывод, что центральные организации внепарламентских учреждений у либералов и консерваторов имели много общего. Ежегодные собрания Союза конституционных и консервативных ассоциаций и Национальной либеральной федерации приобретали широкий размах, демонстрировали уровень представительства партий, привлекали внимание значительной аудитории и лидеров, являлись дискуссионной площадкой. Они представляли собой массовые партии и складывались в течение второй половины XIX столетия. Работа внепарламентских ассоциаций не только обеспечивала политическое просвещение масс и стимулирование электоральной активности, но и способствовала структурированию партийного механизма. Теперь при принятии политического решения лидер был вынужден учитывать предпочтения партийного аппарата и массовой ассоциации в целом. Оставляя за собой право последнего слова, он все же в большей степени, чем прежде, отождествлял себя с партией. Кроме того, усиление роли партии привело к выборности ее лидера.

Таким образом, изменившиеся социально-политические условия определили новые требования к организации массовой и централизованной избирательной кампании. Кандидат, заручившись поддержкой партийной ассоциации, должен был стать рупором партии, оратором ее политической платформы. Обладая значительными финансовыми средствами и явными лидерскими качествами, он старался привлечь на свою сторону многочисленный электорат. Ярким примером может считаться Мидлтонская кампания 1879-1880

¹⁷⁶ Blake R. The conservative party from Peel to Thatcher. P. 89.

гг., развернутая У. Гладстоном, в преддверии избирательной кампании 1880 года. В ней использовалась, популярная и в настоящее время, предвыборная технология – «поездка по стране». У. Гладстон в течение двух недель путешествовал по городам избирательного округа Мидлтон, где напрямую, на местах общался с избирателем. Речи, произносимые с красноречием У. Гладстоном, были обращены к народу напрямую и пользовались большим успехом.¹⁷⁷

Следует также отметить, что избиратель был неоднородным, отличался уровнем образования, материальным благосостоянием, взглядами на политическую жизнь. В условиях появления многослойного электората прежняя система подкупа больше не работала. Необходимо было найти иные партийные способы воздействия на него с целью получения необходимых голосов на выборах. Большую популярность приобретают такие методы избирательной борьбы как митинги, демонстрации, бесплатная раздача партийных листовок, брошюр, газет, развешивание плакатов, проведение лекций, организация дискуссионных обществ, клубов по интересам, дискредитирование противника. К новым предвыборным технологиям относились также перевозка избирателей к месту голосования на автомобилях, что считалось роскошью для партии, а также благотворительная деятельность. Использование избирательных технологий играло огромную роль в формировании общественного мнения населения, приобщения его к политической жизни в целом и партийным взглядам в частности. Широкая агитация способствовала снижению уровню абсентеизма в стране, вовлекала новый, как правило, сомневающийся или инертный электорат в русло политики.

Таким образом, следует сделать вывод, что во второй половине XIX века процесс принятия реальных политических решений постепенно выходит за пределы парламента и становится сферой деятельности либеральной и консервативной партий. Дальнейшая демократизация, расширение избирательных прав в Великобритании в ходе парламентских реформ 1867 г. и 1884-1885 гг. привело к вовлечению в политическую жизнь страны новых слоев общества -

¹⁷⁷ Jenkins T. A. Gladstone, whiggery and the Liberal party 1874-1886. Oxford, 1988. P. 44.

средних, мелкобуржуазных классов и рабочих. Это, в свою очередь, не могло не отразиться на партийно-политической системе. Происходила организационная и идейная трансформация партий, они адаптировались к изменяющимся условиям, менялись не только структурно, но и идейно. Их становление и развитие проходило в остром соперничестве друг с другом на основе взаимных уступок, что способствовало ускорению развития и совершенствования. Партии приобретают в этот период современную социальную структуру, масштаб, идейно-политическую платформу и организационное единство. Кроме того, усиление их роли наблюдается не только внутри политической системы Великобритании, но и в жизни всего общества. К концу XIX века либеральная и консервативная партии превращаются в массовые, ориентируясь более не на узкие классовые предпочтения элиты, а становясь выразительницами интересов нации с универсальной социальной ориентацией. Они влияют на формирование общественного мнения в стране. Теперь любые группы населения в каждой из партий могли найти приемлемые и интересные для себя положения. Обновленная организационная структура обеспечила также легкость перехода на массовый, социально неоднородный электорат. Кроме того, либеральная и консервативная партии боролись в основном за одного и того же избирателя, что во многом обеспечивало преемственность в британской политике. Их социальная база значительно расширилась, исчезло преобладание одного слоя. Лидер, оставляя за собой последнее слово в принятии решений и определении политического курса, теперь в большей степени зависел от мнения партии, был вынужден держать баланс и не допускать в ней конфликтных ситуаций.

Следует отметить, что сложившаяся во второй половине XIX века в Великобритании бипартийная система обеспечила необходимую преемственность и стабильность в политической жизни общества, учла интересы различных социальных слоев. Разделение либеральной и консервативной партий на три части (парламентская, кадровая и массовая) позволило избежать нежелательных потрясений.

Глава II. Партийно-политическая система Великобритании в восприятии общественно-политической мысли России XIX – начала XX в.

2.1. Британский опыт государственного строительства в оценках российских либералов: апология и заимствование

В первой половине XIX века Российская империя испытывала острую необходимость реформирования государственной управленческой системы и приспособления властных структур к новым социально-политическим и экономическим условиям. Важнейшими проблемами, занимавшими умы передовой части мыслящего просвещенного дворянства в начале столетия стали: отмена крепостного права, как отжившего элемента хозяйствования и ограничение или уничтожение самодержавия, как отжившего элемента политической системы, создание правового государства. Следует отметить, что уже в начале XIX века у представителей просвещенной российской общественности появился естественный интерес к партийно-политической системе Великобритании, прошедшей непростой путь эволюционного развития. Английская форма правления в виде конституционной монархии с сильным влиянием партий и парламента привлекала внимание образованных кругов. Важно подчеркнуть, что в первой половине XIX века отсутствовали подробные исследования генезиса английских партий, встречались лишь отдельные характеристики вигов и тори. Однако, частичное обращение к британскому опыту государственного строительства и интерес, проявленный к политическим институтам Великобритании, свидетельствовал о поиске эффективных способов организации власти, а также постепенном взрослении и организационном оформлении общественной мысли в России.

Активное развитие отечественной общественно-политической мысли началось во второй половине XIX – начале XX в. и было, на прямую, связано с модернизационными процессами, происходившими в стране, осуществлением реформаторского курса правительства Александра II, проведением буржуазно-либеральных реформ, необходимых для разрешения назревших социально-

политических и экономических проблем. Реальные процессы подготовки и осуществления государственных преобразований в 50-60-х гг. XIX века требовали глубокого изучения и анализа. Перемены, неизбежно меняющие уклад жизни России, способствовали активизации общественно-политической мысли, обусловили поиск путей преемственности и бесконфликтного развития страны. Именно в пореформенный период в нашей стране в 60 — 70-х гг. XIX века окончательно выстроились и организационно оформились три идеологических направления – консервативное, либеральное и радикальное.

Находясь в активном поиске эффективных путей социально-экономического и политического развития России, обращение интеллектуальной элиты к зарубежному, в частности, британскому опыту было неизбежно. Из всех западных европейских стран именно Великобритания представлялась для России, по замечанию славянофила А. С. Хомякова, «дочерью любимую свободы». Следует отметить, что рассуждения по поводу преемственности британских политических институтов на российской почве прослеживались в трудах многих ученых, а также в печатной периодике второй половины XIX- начала XX в. Наибольшее внимание преобразованиям государственного строя в русле европейского развития уделяли представители либеральной общественной мысли. Среди них такие выдающиеся историки, юристы, исследователи как Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, А. Д. Градовский, М. М. Ковалевский, М. Я. Острогорский, В. В. Водовозов, а также печатные органы: журналы «Русская мысль», «Вестник Европы».

Следует отметить, что процесс складывания российской либеральной доктрины прошел непростой путь становления, находясь в течении XIX века в постоянном противостоянии с основами самодержавно-крепостнического строя. Кроме того, исторические и культурные традиции страны находились в очевидном противоречии с основными, базовыми принципами и идеями европейского классического либерализма. Либерализм как организованное течение общественной мысли России оформился и значительно укрепил свои позиции лишь в процессе реформ середины XIX века, которые давали надежду на

преобразовательный потенциал самодержавия. Именно в этот период либеральная мысль была востребована и обществом, и властью. Либералы, осознавая ломку прежнего строя, видели завершение всех преобразований в стране в ведении конституционного порядка – формой которого должна была стать ограниченная монархия. Они были идеологами исключительно реформистского пути развития России, без коренных переворотов и сломов. В связи с чем, среди либералов возрастал неподдельный интерес к историческому пути и политической жизни Великобритании как образцу преемственности. Уважение к праву, работа представительства и законодательства, избирательные реформы и эволюция британской двухпартийной системы - подробно изучались российскими исследователями либеральной мысли, а английская конституционная монархия признавалась идеальной формой правления.

Огромный вклад в изучение английской партийно-политической системы принадлежит мыслителю, историку, профессору Московского государственного университета, основателю «государственной школы» в русской историографии, теоретику и практику отечественного либерализма Борису Николаевичу Чичерину (1828-1904). Автором диссертационного исследования был проведен глубокий анализ его работ «Очерки Англии и Франции» (1858), «О народном представительстве» (1866), «Конституционный вопрос в России»(1906), «Россия накануне двадцатого столетия» (1901), посвященных анализу вопроса представительного правления, ссылаясь на опыт зарубежных стран; необходимости развития политических свобод и правомерности перехода России к конституционной монархии. В работе «О народном представительстве» Б. Н. Чичерин особое место уделял политической свободе как важной ценности, основному элементу общественного благосостояния. Однако ее установление и развитие требует подготовленности населения, отмечал мыслитель, которая выражается не столько в образованности, сколько в гражданственности. Воплощение начал свободы в Великобритании Б. Н. Чичерин находил в английском народе и партиях. Он подчеркивал, что политическая свобода в Англии упрочилась раньше, чем общество воспиталось государством, поэтому

именно в этой стране, в отличие от других государств Западной Европы, представительный порядок имел твердую почву. Следует отметить, что провозглашение свободы неизбежно ведет к наделению граждан, политическими правами, посредством переноса воли граждан на выборные лица. Носителями же общественного интереса, сложившихся зрелых оформленных позиций становились политические партии, избираемые в представительные собрания. В них Б.Н. Чичерин видел воплощение зрелого прочного общественного мнения. «В новых обществах», - подчеркивал он, - масса граждан, пользующихся политической свободой, имеющих право голоса, ограничивается выбором представителей, которым поручается ведение дел, охранение прав и интересов избирателей». ¹⁷⁸

Анализируя опыт работы британских партий, мыслитель отмечал, что они имели свои программы и четкую организацию, укрепляли с авторитет в борьбе за власть, тем самым получая доступ к решению государственных дел. Двухпартийная система английского образца импонировала Б. Н. Чичерину. В сражении либералов, опирающихся на свободу, и консерваторов - на порядок, прогрессивного и охранительного начала, он видел возможность стабильного развития государства и эффективность функционирования властного механизма. Социальную базу этих партий Б. Н. Чичерин находил в высших кругах аристократии и буржуазии, которая в XIX веке претендовала не только на экономическое, но и политическое лидерство. Обращаясь к опыту Великобритании, он подчеркивал: «И виги и тори были сначала аристократическими». ¹⁷⁹ Крайностями либеральной и консервативной партий, мыслитель называл радикальные и реакционные соответственно. Радикальная партия, заручившись поддержкой низших слоев средних классов, пролетариата, по мнению мыслителя, доводит либеральную мысль свободы до крайности, пренебрегая историческими особенностями развития страны, и стремится к кардинальным переменам с использованием насилия, расшатывающим

¹⁷⁸ ГАРФ. Ф. 1154. Оп.1. Д. 45, 52, 53, 57.

¹⁷⁹ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1896. Ч. 3. С. 46.

государственные основы. Реакционная партия, напротив, стремится к консервации режима, отрицает все необходимые движения к прогрессу, новые требования жизни и выражает интересы «обветшалой» аристократической элиты и духовенства. «Там же, где нет ни властолюбивого духовенства, ни аристократии, стоящей за обветшалые права, может вовсе не быть реакционной партии. В Англии есть консерваторы, но нет реакционеров».¹⁸⁰ Отдавая предпочтение либеральной партии и подвергая критике крайние политические направления, Б. Н. Чичерин подчеркивал умеренность ее характера и нацеленность на постепенное реформирование и перемены в стране. Анализируя английский опыт, он отмечал, что при нормальном ходе вещей развитие происходит путем борьбы между консервативной и либеральной партиями, которые признают законность существующего строя, а расходятся лишь в частных вопросах. Когда нужно упрочить существующий порядок, у власти должна находиться консервативная партия. Наоборот, когда чувствуется потребность в переменах, преимущество получает либеральная партия.¹⁸¹

Б. Н. Чичерин указывал, что партии не только влияют на содержание государственных законов, развитие общественного мнения и воплощают политические свободы, но и определяют курс правительства, которое, в частности в Великобритании, формировалось парламентским путем. В связи с чем, ведущая роль в осуществлении программных партийных установок отводилась лидеру партии. Б. Н. Чичерин, считал, что важное место в ней занимал вождь, который следил за дисциплиной и управлял делами. Двухпартийность британской политической системы, по мнению мыслителя, обеспечивала необходимую устойчивость и эффективность властного механизма. «Английская организация партий имеет бесспорно громадные преимущества; но она требует твердых преданий, политического смысла и духа дисциплины, которые вырабатываются только долговременной практикой правильной политической жизни...»¹⁸² Б. Н.

¹⁸⁰ Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М.: Тип. Товарищества И. Д. Сытина, 1899. С. 696.

¹⁸¹ Насибуллин Р. А. Б.Н. Чичерин о классификации политических партий в конституционном государстве // Вестник Удмурдского ун-та. Экономика и право. 2008. № 2. С.151.

¹⁸² Чичерин Б.Н. О народном представительстве. С. 63.

Чичерин отмечал важность конкуренции британских партий, их сменяемость, наличие в лице одной из них оппозиции, критикующей правительство, создание надежного барьера для попадания радикальных сил в парламент. Их чередование полезно для государственного управления, оно позволяет проверить на прочность действенность программ и ограждает от ослепления властью одной политической силой.

Подробно исследуя партийно-политический механизм Великобритании, Б.Н. Чичерин указывал и на недостатки в его работе. «Столкновение партий, обычно поглощает внимание палат гораздо более, нежели самое дело. Сколько времени убивается на непрерывные запросы, на систематическую критику, на бесплодные ответы! Как скоро вопрос касается отношения партий, он возбуждает всеобщий и горячий интерес, оратор за оратором требуют очереди, и речам нет конца. Когда же представляется на обсуждение вопрос чисто практический, имеющий существенную важность, но не представляющий пищи для борьбы партий и красноречия, он проходит незаметно, среди всеобщего внимания, и решается наскоро и случайно. В английском парламенте к концу заседаний накапливается обыкновенно множество весьма серьезных дел, которые кое-как сбываются с рук».¹⁸³ Следует отметить, что мыслитель явно указывал на обратную сторону работы политических партий, а именно увлечение частными корпоративными интересами, привлечение к себе общественного внимания, не имеющие ничего общего с государственными интересами и «беспристрастным обсуждением общественных вопросов». Критике Б. Н. Чичериным подвергалась также английская практика заигрывания с избирателем, произнесения ярких лозунгов, предложений, нереализуемых на практике, для обеспечения необходимой поддержки на выборах, а также стратегически выгодные политические уступки, которые не всегда шли на пользу дела. Кроме того, в борьбе за большинство в палате общин, партии обращались к нечестным методам борьбы, намеренному искажению информации в печати. «Чтобы приобрести прочную поддержку правительство принуждено не только действовать на выборы

¹⁸³ Там же. С. 65.

всеми находящимися в его руках способами, но и в самой палате привлекать к себе членов, в особенности же более или менее влиятельных людей, всякого рода властными сделками и приманками. В Англии на этом основана огромная система протекции при раздаче государственных должностей. Со своей стороны, оппозиция прибегает к не менее предосудительным средствам: обработке выборов, которая в Англии возведена в общую систему, иногда возбуждению самых низких страстей: чтобы поколебать доверие власти, она пускает в ход систематическую клевету и старается закидать грязью всякое правительственное лицо...» Разыгрываемые «страсти», как их называл Б. Н. Чичерин, вели к дезинформации доверчивой, как правило, не критически мыслящей публики. Английская практика указывала на то, что «происки, крамолы, нередко даже подкуп составляют явление обыкновенное в представительных государствах».¹⁸⁴ Однако, по мнению Б. Н. Чичерина, возникающие столкновения между партиями неизбежны. Подобные процессы являлись следствием естественных общественных противоречий, а критика правительства способствовала отказу от злоупотреблений и формализма в решении политических вопросов. Развернутая агитация в поддержку и оппозиция со стороны той или иной партии подогревала интерес масс к политической жизни, оказывала влияние на развитие общественного мнения в стране.

Следует отметить, что, несмотря на очевидные изъяны, существующие в английской двухпартийной политической системе, Б. Н. Чичерин считал ее эффективной. В работе английских партий он видел «необходимое условие всякого правления, которое допускает в себе начало политической свободы и требует содействия народного представительства», а также «постоянное дружное действие при взаимных уступках». Идеальной формой правления для Б. Н. Чичерина была конституционная монархия Великобритании XIX века, установление которой в России он видел единственно возможной. Понимая неизбежность проникновения и распространения либеральных идей, которые «добытые трудом и борьбой европейской цивилизации», даются нашей стране

¹⁸⁴ Там же. С. 110.

«без потрясений и переворотов», он все же предостерегал от некритического восприятия британского опыта. «Русскому человеку невозможно становиться на точку зрения западных либералов, которые дают свободе абсолютное значение и выставляют ее неперенным условием всякого гражданского развития. Признать это значило бы отречься от всего своего прошлого, отвергнуть очевидный и всеобъемлющий факт нашей истории, которая доказывает яснее дня, что самодержавие может вести народ громадными шагами на пути гражданственности и просвещения. Мы более, нежели кто-нибудь, должны быть убеждены, что образ правления, установленный в государстве, зависит от свойств и требований народной жизни и что безусловного правила здесь быть не может».¹⁸⁵ Подчеркивая важную роль самодержавия, Б. Н. Чичерин полагал, что введение представительного устройства в государстве требует сильной власти, которая смогла бы соединить вокруг себя и направить «еще не окрепшие общественные стихии». В работе «О народном представительстве» мыслитель отмечал, что «предоставленное себе, неопытное общество, - под которым он понимал российское, - будет делать промах за промахом, пока горький, но поздний опыт, не наведет его на истинный путь».¹⁸⁶ В сильной исполнительной власти монарха и правительства, Б. Н. Чичерин видел гарантию от смут и революций в условиях недостаточно зрелого российского общества. Установление равновесия между выражением воли народа и централизацией всех государственных интересов в стране мыслитель находил в грамотном сочетании представительства и верховной власти императора. «Монархия представляет начало власти, народ и его представители - начало свободы, аристократическое собрание – постоянство закона».¹⁸⁷ «Не только распространение либеральных идей, но и самая практическая необходимость ведет к водворению представительного правления».¹⁸⁸ В более поздней своей работе «Россия накануне двадцатого столетия» Б. Н. Чичерин скептически отмечал: «Остаться при

¹⁸⁵ Чичерин Б. Н. О народном представительстве. С. 4.

¹⁸⁶ Там же. С. 41.

¹⁸⁷ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. 1. С.161.

¹⁸⁸ Там же. С. 67.

нынешнем близоруком деспотизме, парализующем все народные силы, нет возможности для того, чтобы Россия могла идти вперед, необходимо, чтобы произвольная власть заменилась властью, ограниченной законом...гражданская свобода должна быть закреплена и упрочена свободой политической».¹⁸⁹

Последовательным сторонником внедрения в России представительных учреждений, исследователя зарубежного опыта в этой области, по праву, необходимо считать выдающегося русского историка, правоведа, социолога, публициста Константина Дмитриевича Кавелина (1818-1885). Ему принадлежат такие работы как «Мысли о выборном начале» (1878), «О разграничении законов и постановлений», «Политические призраки» (1878) и др. Образование государства, политической власти и права может быть, по его мнению, основано только на признании у лица свободной воли, которая выступает в качестве творческой, созидательной силы. Мыслитель являлся сторонником плюрализма в общественном сознании, считал что истина и ее познание возможно лишь в спорах, полемике между различными направлениями мысли, при наличии широкого спектра мнений.¹⁹⁰ К. Д. Кавелин определял нравственную личность как своеобразную точку отсчета развития. Полагал, что только тогда страна становится цивилизованной, образованной и промышленно развитой, когда в ней созданы условия для существования самостоятельного индивида. В «Кратком взгляде на русскую историю» К. Д. Кавелин отмечал, что «если мы европейский народ и способны к развитию, то и у нас должно было обнаружиться стремление к индивидуальности высвободиться из-под давящего ее гнета; индивидуальность есть почва всякой свободы и всякого развития, без нее не мыслим человеческий быт».¹⁹¹ Отмена крепостного права в России в 1861 году фактически положила основы для дальнейшего развития личности и преодоления сословной замкнутости. В смещении сословий К. Д. Кавелин, опираясь на английский опыт, видел положительный путь к «органическому единству» общественной лестницы.

¹⁸⁹ Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. СПб.: Наука, 1998. С. 614-615.

¹⁹⁰ Чапурина О. А. Проблема становления личности в либеральной концепции К. Д. Кавелина // Вестник АГТУ. 2007. №2 (37). С. 261.

¹⁹¹ Кавелин К.Д. Мысли о выборном начале. Собр. соч. Т.2. СПб., 1898. С. 936.

«То, чему весь мир удивляется в Англии, что составляет источник ее силы и величия, то, чем она так справедливо гордится перед прочими народами, - именно правильное, нормальное отношение между низшими и высшими классами, органическое единство всех народных элементов, открывающее возможность бесконечного мирного развития посредством постепенных реформ, делающее невозможную революцию низших классов против высших...»¹⁹² В то же время, анализируя английский опыт, К. Д. Кавелин не видел необходимости участвовать в парламентских выборах представителей всех социальных групп. Прочность британской партийно-политической системы он находил в аристократии – поземельной и денежной, которая постепенно привела к ограничению всевластия короны. Причем вплоть до 30-х гг. XIX века, по мнению мыслителя, власть принадлежала поземельной аристократии, которая в последствии сместилась в сторону буржуазии. По мнению автора диссертационного исследования, К. Д. Кавелин имел ввиду объективные последствия индустриализации и выход на политическую сцену Великобритании класса капиталистов, оказавшего влияние на перегруппировку партийных сил тандема виги - тори.

Таким образом, в трудах мыслителя прослеживалось внимательное отношение к английскому опыту, однако он предостерегал Россию от бездумных заимствований. Нам не следует, как делали до сих пор, брать из Европы готовые результаты ее мышления, а надо создавать у себя такое же отношение к знанию, науке, какое существует там».¹⁹³ Осознавая, вслед за Б. Н. Чичериным, огромную роль и авторитет самодержавия в России, К. Д. Кавелин полагал, что именно от царской власти зависит распространение в российском обществе личностных свобод.

Профессор права, преподаватель Санкт-Петербургского университета, публицист Александр Дмитриевич Градовский (1841-1889), автор таких работ как «О современном направлении государственных наук» (1873), «Государственное право важнейших европейских держав» (1895) и др. отмечал, что англичанам

¹⁹² Там же. С. 937.

¹⁹³ Кавелин К. Д. Политические призраки. Собр. соч. в 4 т. Т. 2 - СПб.: Н. Глаголев, 1904. С. 908.

присуще развитость гражданского духа: «Несмотря на борьбу политических партий и социальную рознь отдельных классов, в Англии имеются условия, воспитывающие человека для государства»¹⁹⁴ и дающие ему тот практический смысл, благодаря которому английская нация умело выходит из внешних и внутренних затруднений. Важную роль партий А. Д. Градовский видел в изменении отношений между законодательной и исполнительной властью, подчеркивал их определяющее значение в формировании кабинета - правительства Великобритании и ответственности его перед парламентом. Он указывал на необходимую однородность в составе кабинета, когда все его члены имеют одинаковый взгляд на главные политические дела. «Однородность состава кабинета вытекает из того, что при образовании его имеется ввиду, ближайшим образом, партия большинства в палате».¹⁹⁵ А. Д. Градовский отмечал установление политической ответственности правительства Великобритании перед парламентом, согласование его действий с мнением партийного большинства. Члены кабинета одновременно несли юридическую и политическую ответственность. Последняя заключалась в солидарности, в круговой поруке, установленной между министрами, которая не исключала их индивидуальной ответственности. «Политическая ответственность выражается в том, что все члены кабинета, одинаково ответственны за общие меры, принимаемые правительством, за общее направление правительственной политики. Такая солидарная ответственность выражается в том, что в случае серьезного поражения кабинета в палате, он весь подает в отставку и заменяется другим однородным составом».¹⁹⁶ Главным представителем правительства перед палатами и перед короной был премьер министр или первый министр, возглавлявший кабинет. Следует отметить, что А. Д. Градовский видел в современном состоянии кабинета результат изменений, происходивших в английских партиях. Они имели теперь возможность непосредственного влияния

¹⁹⁴ Градовский А.Д. О современном направлении государственных наук. Сочинения. СПб., 2001. С. 27.

¹⁹⁵ Градовский А. Д. Государственное право важнейших европейских держав. Лекции, читанные в 1885 г. А. Д. Градовским. СПб., 1895. С. 449.

¹⁹⁶ Там же. С. 359-360.

на формирование правительства и министерств, средства контроля над их действиями и руководство через установление политической ответственности перед парламентом.

Усиление института партий в политической системе Великобритании в XIX веке А. Д. Градовский, по мнению автора, связывал с ростом индустриализации, появлением новых классов - буржуазии и пролетариата, реформированием избирательного законодательства, расширением избирательных прав и постепенным включением в выборы новых категорий граждан. Мыслитель уважительно относился к традиционным английским учреждениям, видел в них отражение исторического развития страны и «отпечаток весьма почтенной старины». В то же время, А. Д. Градовский отмечал неизбежность дальнейших демократических перемен в Англии. Сословный характер избирательной системы, безусловное влияние на выборы земледельческой аристократии, неравномерность в распределении права представительства, подкуп избирателей и продажа голосов требовали, по мнению исследователя, тщательного реформирования. Необходимость подготовки и проведения парламентской реформы, с целью уничтожения выше перечисленных дефектов, усиливалась в ходе распространения демократических идей на континенте. На протяжении всего XVIII столетия предпринимались попытки осуществления избирательной реформы. А. Д. Градовский приводит пример лорда Грея, агитировавшего за нее в течение пятидесяти лет и, наконец, осуществившего свои планы в 1832 году. Билль о реформе 1832 г. открывал доступ к партийно-политической жизни промышленно-торговым классам, которые во второй половине XVIII- начале XIX в. начали претендовать на влияние в государстве наряду с землевладельческой аристократией. «Следовательно, - пишет А. Д. Градовский, - парламентская реформа могла стать делом исключительно той партии, которая поддерживала ее в XVIII столетии, именно партии вигов. Применение новых начал распределения избирательных округов, внесенных Биллем 1832 года, происходило под влиянием

господствовавшей тогда партии реформы, т.е. партии вигов».¹⁹⁷ А. Д. Градовский пришел к выводам, что она стала орудием партийной борьбы за влияние в парламенте. Мыслитель отмечал, что партия вигов воспользовалась Биллем 1832 года в своих целях так, «чтобы по возможности сохранить от крушения те местечки, которые доставляли приверженцев либеральной партии и уничтожить те, которые выбирали ториев».¹⁹⁸

По нашему мнению, несмотря на сохранившиеся недостатки в системе выборов, А. Д. Градовский с пониманием относился к ограниченному характеру парламентской реформы 1832 года. Идея английских партий - не допустить всеобщего расширения избирательного права в условиях отсутствия внутренних предпосылок - политического созревания общества - была близка мыслителю.

А. Д. Градовский полагал, что старая английская аристократия привыкла к государственной деятельности, имела связанные с ней интересы и была грамотной в вопросах управления. Промышленные классы, напротив, отличались полным равнодушием к политическим делам, так как ранее не занимались ими. Мыслитель опасался, что под воздействием числового большинства и местных влияний, в условиях отсутствия развитой политической культуры, уровень способностей депутатов будет снижаться. А. Д. Градовский указывал на необходимые условия в государстве для установления всеобщей подачи голосов. К ним он относил: заинтересованность и участие народных масс в выборах. В противном случае, отмечал мыслитель, неизбежна или победа одной наиболее деятельной партии, умело манипулирующей непросвещенными избирателями, или случайный исход выборов, под воздействием местных влияний. По мнению А. Д. Градовского, после реформы 1832 года местное влияние сохранилось, родовую аристократию сменили заводчики, банкиры, фабриканты. Он называл систему всеобщей подачи голосов проблемой, которую еще предстоит разрешить европейцам.

¹⁹⁷ Градовский А. Д. Государственное право важнейших европейских держав. Лекции, читанные в 1885 г. А. Д. Градовским. С. 259.

¹⁹⁸ Там же. С. 258.

Утверждение билля 1867 года было воспринято мыслителем как результат продолжавшейся борьбы между либералами и консерваторами. Английским партиям вновь удалось путем компромисса, частично снизив радикальные настроения рабочих, без кардинальных изменений в политической системе, провести избирательную реформу. А. Д. Градовский отмечал: «Несмотря на то, что билль о реформе был предложен Гладстоном, настоятельность его была столь необходима, что в 1867 году консервативная партия с Дизраэли во главе должна была взять этот билль в свои руки и ей удалось провести его».¹⁹⁹ Мыслитель, отмечал, что вторая парламентская реформа способствовала расширению избирательного права, предоставления его рабочим, изменению избирательного ценза, введению пропорционального представительства в округах, которые избирали более одного депутата. Таким образом, анализируя расширение выборного права в Великобритании, А. Д. Градовский приходил к заключению, что оно развивалось исторически, постепенно распространяясь через реформы на аристократию, буржуазию и рабочий класс, по мере роста стремления классов оказывать политическое влияние. Ключевая роль в этих процессах, по мнению мыслителя, отводилась соперничеству партий.

Отражение российской либеральной мысли, интерес к конституционному строю и партийно-политической системе Великобритании прослеживалось в публицистике второй половины XIX века в журнале «Вестник Европы». Провозглашение необходимости политической свободы, установления представительного правления и представительных институтов английского образца, идеи постепенного реформирования и критика государственного строя России становились обсуждаемыми темами на страницах журнала. Особенно подчеркивался дух свободы, пронизывающий всю английскую политическую систему с ее особенными устойчивыми учреждениями, к которым «Вестник Европы» относил парламент и партии. Представители других государств привыкли смотреть на Англию, «как на храм», в котором они преклонялись перед «свободною политическою жизнью английского народа», посвящали свой досуг

¹⁹⁹ Там же. С. 260-261.

изучению этой страны с целью найти в ней поучение для своего народа».²⁰⁰ На страницах «Вестника Европы» можно встретить острую полемику, связанную с проблематикой возможного переноса британских политических учреждений на почву европейских стран, в том числе и в Россию. Журнал в ноябре 1872 года приводил суждения из книги Тэна, в которой автор сравнивал английское государство с органическим строением живого тела, которое как дерево имеет невидимые корни-традиции, характер, привычки. Внешнее копирование учреждений, отмечал он, не сможет питать то, что находится под листьями и стволом. «Посадите дерево без корней, оно будет чахнуть и упадет при первом урагане».²⁰¹ Основу прочности английских учреждений Тэн видел в «естественных представителях» народа, которые пользовались репутацией, доверием и уважением с мест, чуждых, по мнению ученого, другим европейским странами. Идеализируя английскую политическую систему, он подчеркивал важную роль общественного признания и обходил стороной такие ее изъяны как: «дороговизну выборов, еще недавнюю продажность их». В конституционной монархии Великобритании Тэн находил воплощение народных потребностей и прав. Власть и сила в государстве виделась в борьбе родовой аристократии с аристократией богатства, которая не являлась замкнутым слоем, а постепенно впускала в себя новых даровитых и лучших людей. «Вестник Европы» подчеркивал уступчивость аристократии – социальной основы власти - по отношению к прогрессу, ее мудрость и рационализм. «В Англии вовсе нет такой партии, которая серьезно порывалась бы сорвать с британского знамени леопарда и единорога или хотя бы лишить их той короны, под которой они издавна красуются».²⁰² Она, как правило, уступала в том, в чем опасно было бы отказать. И, напротив, если партии случалось принимать на себя инициативу какой-нибудь реформы, то это делалось для того, чтобы инициатива, час которой пробил, не была бы взята помимо ее и против ее.²⁰³ Отмечалось также, что движение к

²⁰⁰ Англия в книге Тэна // Вестник Европы. 1872. Т. VI. Ноябрь. С. 206.

²⁰¹ Там же. С. 208.

²⁰² Там же. С. 363.

²⁰³ Там же. С. 217.

демократии в Англии определялось не только условием времени и исторической необходимостью реформ, но и духом соперничества, который существовал внутри аристократии. Либералы и консерваторы – «две партии, следящие зорко друг за другом, пользующиеся каждым промахом, каждой ошибкой, чтобы вытеснить одна другую».²⁰⁴ Используя в борьбе не всегда корректные способы, их соперничество, столкновение политических принципов часто превращалось в заигрывание с общественным мнением. Такая конкуренция между партиями способствовала проведению новых необходимых реформ с опорой на общество, с которым необходимо было считаться. Подобные уступки и компромисс между политическими силами страны, с одной стороны, сближали их позиции по насущным вопросам, с другой – обеспечивали включение народных масс в обсуждение государственных дел, свободное выражение мнений, что, безусловно, снимало конфликтность между властью и обществом. «Таким образом,- как отмечал «Вестник Европы», - соперничество двух больших фракций, на которые делилась английская аристократия, обращалось, в конце концов, в выгоды свободы и прогресса».²⁰⁵

Благоразумие правящих классов возможно, отмечал английский историк Тэн на страницах «Вестника Европы», лишь в постоянном контроле со стороны общественного мнения, опирающегося на закон, независимый суд, личную свободу, свободы печати и собраний. Рупором английской политической жизни XIX века стала печать, которая подвергая критике действия партий и правительства и воздействуя на общественное мнение, сумела превратиться в жесткого цензора всего происходящего в государстве. Как доказательство этого положения, «Вестник Европы» приводил слова Тэна: «Благодаря этим газетам, благодаря свободному слову, английское общество во всех его словах, имеет возможность следить за каждым правительственным действием, может контролировать его и возбуждать вопросы о необходимых реформах, о необходимых усовершенствованиях, как в политической, так и в социальной

²⁰⁴ Там же. С. 220.

²⁰⁵ Там же. С. 222.

жизни народа».²⁰⁶ Подчеркивалось, что «свободная печать парализует в Англии многие недостатки политической системы, предотвращает многие злоупотребления, ослабляет и делает менее чувствительным, уравнивает излишне консервативный дух, который преобладает в английских правящих классах».²⁰⁷ Благодаря ей, а также митингам и собраниям, британские партии и правительство получали сведения о требованиях и нуждах общества.

На страницах «Вестника Европы» в разделе «Хроника - Иностранное обозрение» в 70-е гг. XIX века встречается обзор британской прессы о деятельности английских партий, анализ их политических позиций. Так, исследуя консервативную газету «Куотерли ревью» (Quarterly Review), составители журнала обратились к статье маркиза Солсбери о роли либеральной и консервативной партии в английской политической жизни. Будучи представителем последней, он определил основные программные положения партии тори, которые интересовали российскую общественность. Солсбери выступал против изменений в политическом устройстве Великобритании, считал, что главная задача консерваторов в том, чтобы не допускать перемен и не подключаться к осуществлению реформ инициированных либералами. Он всячески обвинял тори в уступчивости в законодательном процессе, в результате чего терялось лицо и имя партии, пропадала парламентская оппозиционность. Критикуя в своей статье таких известных консерваторов как герцога Веллингтона, сэра Роберта Пиля, графа Дерби, Солсбери заявлял, что они нравственно уничтожили торийскую партию. Он видел отсутствие их твердых убеждений и гибельное усвоение программы противников. Комментируя позицию Солсбери – «противостоять всем органическим реформам», «Вестник Европы» отмечал, что на практике это не возможно: «Никакие органические или неорганические условия в стране не могут быть вечны... партии тори придется если не участвовать в осуществлении органических реформ, то все-таки признавать те

²⁰⁶ Там же. С. 227.

²⁰⁷ Там же. С. 228.

реформы, которые будут произведены либералами. Иначе, тори обратились бы в реакционеров».²⁰⁸

Анализ статьи Солсбери в газете «Квотерли ревью» (Quarterly Review) российским либеральным изданием, подчеркивало, программное и политико-практическое преимущество английской либеральной партии над консервативной. «Вестник Европы» признавал прогрессивную деятельность либералов в английской политическом процессе. Журнал отмечал, что если консервативная партия стремится превратиться в «партию действия», то она должна уметь вступать в практические соглашения, «уклоняться от безусловной теории под давлением общественных нужд и стремлений».²⁰⁹

Обращаясь к состоянию дел в либеральной партии Великобритании, «Вестник Европы» в ноябре 1873 года отмечал ослабление в ней дисциплины, из-за внутреннего разногласия, связанного с исчерпанием политической программы ее лидера - Гладстона.²¹⁰ Журнал завершал заметку следующим положением: «Гладстон нынешним временным бездействием, охраняя свое настоящее положение устами Брайта, приглашает передовую либеральную фракцию, партию дальнейших реформ, не отчаиваться в его будущих намерениях и считать его по-прежнему вождем в деле радикальных преобразований».²¹¹ Очевидно, что «Вестник Европы» внимательно отслеживал английскую политическую жизнь, партийную конкуренцию и расстановку сил в правительстве при проведении реформ.

Следует подчеркнуть, что либеральное издание отмечало развитость и слаженность работы английских учреждений, постепенное движение к демократии без резких потрясений и важность восприятия английского политического опыта для России. На страницах журнала прослеживалась идея отказа от бездумного копирования британских институтов. Подчеркивалось, что партийно-политическая система не может быть универсальна, она вырастает из

²⁰⁸ Хроника. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1872. С. 366.

²⁰⁹ Там же. С. 367.

²¹⁰ Хроника. Иностранное обозрение // Вестник Европы. Т. VI. Ноябрь. 1873. С. 382.

²¹¹ Там же. С. 384.

сознания граждан конкретной страны, ее исторического и ментального наследия.²¹² В «Очерках английского общества» «Вестник Европы» писал: «...при парламентской системе правления учреждения, законы становятся подвижны, развиваются, идут вперед; каковы бы ни были личные интриги, произвольные сговоры партий и их интересы, все они сводятся к тому, что государственные учреждения растворяются пред новым требованием времени и воспринимают в себя факты жизни народа».²¹³ Либеральный журнал делал вывод, что, несмотря на, давление собственных интересов, народные требования оставались для партий высшей безусловной силой. Англия представлялась как страна успешных реформ, ведущих ее к демократизации, а «Вестник Европы» пропагандировал ее положительный образ. Процессы, происходившие в России в 60-70-е гг. XIX века, рассматривались им, как закономерный путь движения и развития по европейскому образцу.

Огромный вклад в развитие российского либерализма конца XIX- начала XX века и изучение британской истории и политических институтов принадлежит крупнейшему ученому, профессору, историку, депутату I Государственной думы от Харьковской губернии Максиму Максимовичу Ковалевскому (1851-1916). Подробному исследованию английской политической системы способствовали заграничные командировки молодого ученого, а работа в архивах Британского музея определила его непрерывающийся интерес к Великобритании. Англовед М. М. Ковалевский стал автором таких работ как: «К вопросу о возникновении местного самоуправления в Англии» (1877), «Взаимоотношение свободы и общественной солидарности», «Общественный строй в Англии в конце Средних веков» (1880), «Английская конституция и ее историк» (1880), «Кризис в западных конституциях» (1886), «Что такое парламент?» (1906). Относясь к интеллектуалам-западникам, он был приверженцем движения России в русле мировой цивилизации по пути, по которому прошли страны Запада, в направлении к представительной демократии с расширением законодательных

²¹² Хроника. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1873. С. 764.

²¹³ Очерки английского общества // Вестник Европы. 1870. С. 662.

гарантий прав личности. М. М. Ковалевский был идеологом партии демократических реформ, а также членом ЦК Партии прогрессистов. После неудачных выборов во II Думу, в 1907 г. он стал членом Государственного совета от Академии наук и университетов. Занимая «центристскую» позицию, ученый отстаивал путь постепенных преобразований в России и связывал их с работой «партий здравого смысла», которые в условиях борьбы и конкуренции обходят крайности в решении политических вопросов.

Образцом эволюционной трансформации системы государственных учреждений в соответствии с меняющимися запросами общества и перехода к капитализму, по мнению М. М. Ковалевского, стала Великобритания. В этой стране ученый находил удачное совмещение свободы и порядка. В своем развитии английская политическая система, по его мнению, должна быть признательна работе партий. Существовая с XIII века расхождение между ними, считал М. М. Ковалевский, заключалось не в политической, а в общественной программе. «Тори в наше время - представители, прежде всего, крупного землевладения и землевладельческих интересов, а виги - крупных капиталов и богатого среднего сословия. Ни те, ни другие не являются, конечно, приверженцами демократической программы, - отсюда возможность одинаковой оппозиции и тори, и вигов как сельскому, так и городскому рабочему движению, но отсюда и случайные временные союзы и тори, и вигов с теми, кого привыкли называть радикалами».²¹⁴ Состязание между английскими партиями, в нужный для страны момент, сумело перенести общественные противоречия в русло дискуссии. Единое стремление монарха, палат парламента, аристократии и олигархии не допустить разрастания недовольства рабочих и крестьянских масс в революцию позволило свести насильственные столкновения к легитимной борьбе за расширение избирательного права. М. М. Ковалевский придавал особое значение британским избирательным реформам, которые, по его мнению, способствовали постепенному переходу страны от аристократического правления

²¹⁴ Ковалевский М. М. Великобритания (История). Энциклопедический словарь товарищества «Бр.А.и И. Грант и Ко». СПб., 1912. Т. 9. С. 65.

к демократическому, а значит, по его мнению, к прогрессу. Стремление единым фронтом – верховной властью и элитой - противостоять радикальным силам, а также уступки населению и постепенное включение широких масс в политическую жизнь импонировало ученому, который придерживался идеи мирного обновления России.

Отстаивая идеалы представительной демократии, мыслитель настороженно относился к процессам расширения всеобщего избирательного права, повсеместно осуществляемого в западных странах с 60-х гг. XIX века, и выступал с критикой засилья большинства. В труде «Новейшие преобразования русского государственного строя» М. М. Ковалевский подчеркивал, что либерально-гуманитарные понятия о правах человека и человеческом достоинстве внесли постепенно в европейскую политическую жизнь сознание всеобщности участия в государственной и гражданской жизни. Сословная ограниченность в представительстве населения сменялась расширением всеобщего, равного и прямого голосования, которое неизбежно перемещало центр тяжести все глубже в широкую народную массу, а интеллигенция и имущий класс оттеснялись ее напором на задний план.²¹⁵ Будучи защитником личных прав и свобод граждан, М. М. Ковалевский все же опасался включения в политическую жизнь широких слоев населения, которое неизбежно, по его мнению, ведет к численному превосходству легковерных и малограмотных над образованным и финансово благополучным меньшинством. В подобных кризисных явлениях мыслитель видел недостатки, кроющиеся во всеобщем избирательном праве. Прежняя избирательная система, основанная на численности проголосовавших, неизбежно приведет к превосходству большинства. А это неизбежно усугубится абсолютизмом, «только не наследственного монарха, но отдельных вожаков и бюро партий».²¹⁶

«Равновесие властей и разделение суверенитета», смещалось, по мнению М. М. Ковалевского, в сторону преобладания палаты общин и усиления влияния

²¹⁵ Ковалевский М. М. Новейшие преобразования русского государственного строя. СПб., 1906. С.10.

²¹⁶ Там же. С. 22.

партий в политической жизни страны. Упрочение их владычества во многом определялось расширением избирательного права, в котором они были заинтересованы. Комитеты политических партий и работавшие в них политиканы занимались вербовкой голосов избирателей и подбором «нужных» управляемых кандидатов на выборы. Чтобы стать депутатами они должны были, в первую очередь, получить признание со стороны комитета, который навязывал свою программу. «Не многие политические деятели Англии настолько самостоятельны и настолько смелы, чтобы, по примеру Маколея, наперед объявить, что как депутат, он будет считать себя связанным только своей совестью, а отнюдь не чьими бы то ни было инструкциями».²¹⁷ Депутаты-демагоги, пользуясь легковерностью и политической безграмотностью широких масс населения умело апеллировали к тем или иным их потребностям. В ход шли печать, листовки, собрания, яркие публичные выступления и другие избирательные приемы, которые помогали заручиться поддержкой на выборах. В исследовании данных процессов М. М. Ковалевский обращался к опыту работы либеральной партии, ассоциации ее членов и исполнительных комитетов в Бирмингеме. Мыслитель отмечал, что депутаты, теряя свободу, начинали служить интересам своих организаций, становились их агентами и тем самым переставали быть представителями и избранниками всего народа. Давление с мест, превращало народных избранников в марионеток комитетов, желающих удовлетворить узкие финансовые интересы и сохранить власть. Такой ход вещей, по мнению М. М. Ковалевского, сводил на нет - представление о демократии как равном участии всех граждан в политической власти и угрожал поступательному развитию.

Сложившаяся в Англии система смены партий именовалась кабинетной. Ученый описывал ее следующим образом. «Образование всякого нового министерства или кабинета предполагает и обуславливает собой группировку, существующих в собрании партий, с одной стороны, в партию правительственную, с другой - в так называемую оппозицию».²¹⁸ Таким образом,

²¹⁷ Ковалевский М. М. Кризис в западных конституциях // Вестник Европы. 1886. № 5. С. 165.

²¹⁸ Там же. С. 180.

определялось, что партия, набравшая большинство в нижней палате парламента, приступала к формированию кабинета правительства (министерства) из своего состава депутатов. Политическая сила, получившая меньшее количество голосов уходила в оппозицию до следующего избирательного цикла. Депутат, наделенный полномочиями для составления министерства, по собственному усмотрению распределял портфели кабинета между членами своей партии. «Представленным в министерстве, поэтому, обыкновенно является большинство партии, которое, очевидно, может быть меньшинством нации»,²¹⁹ - подчеркивал мыслитель. Главной задачей правительства становилось стремление к самосохранению, путем завоевания расположения общественности. Это вынуждало затрагивать в своей деятельности все новые привлекательные для населения вопросы. В связи с чем, из деятельности кабинета, зачастую, исключались текущие назревшие проблемы, требующие незамедлительного решения. Правительство всячески старалось сохранить свое действующее положение, в то время как оппозиция хотела захватить власть. Таким образом, состязание партий сделалось соперничеством кабинетов, каждый из которых стремился к управлению страной. В подобных схватках частная инициатива депутатов практически полностью отсутствовала и была подчинена корпоративной. Таким образом, М. М. Ковалевский отмечал, что управление в Англии сосредотачивается в руках господствующей партии, которая формирует кабинет и подчиняет свою, а значит и народную волю, решениям министерств и лидера-премьера.

Изменения в избирательном законодательстве, происходившие в течение всего XIX столетия, давали возможность политическим силам, за счет поддержки общественности, проводить в парламент устраивающих их кандидатов. Депутаты, не желающие отказываться от власти, фактически, становились заложниками интересов партии, а не народными избранниками. Служили ей, а не населению. Нарушение системы равновесия властей в политической жизни Великобритании, связанное с сосредоточением верховной власти в руководстве той или иной партии, вредило, по мнению М. М. Ковалевского, английской демократии и

²¹⁹ Там же. С. 182.

прогрессу. Ученый критично относился к превосходству большинства в развитых западных странах и наделению «всех без разбора» категорий населения политическими правами. Будучи поборником идей свободы, равенства, представительства граждан, находил в партийном институте угрозы для их осуществления.

Расширение народного влияния и контроля за деятельностью правительства мыслитель видел в активизации общественного мнения. Печать, митинги, собрания, научная проповедь, контроль печати за деятельностью парламента и кабинета являлись так называемым «давлением вне стен», заставляли с собой считаться политическую элиту страны. В контроле общества за властью М. М. Ковалевский видел одно из главных достижений демократии. Опираясь на английский опыт развития общественного мнения, ученый сетовал на положение дел в России, где не было ни «*habeas corpus*», ни свободы собраний и петиций. Если к отсутствию личной свободы добавить невыносимое положение печати, обычай вскрывать частную корреспонденцию и контролировать выбор книг и журналов, то станет ясно, что самодержавная бюрократия лишила народ не только его политических прав, но даже и той свободы, которая дана была англичанам еще Великой Хартией вольностей.²²⁰

Огромный вклад в изучение английской партийной системы принадлежит выдающемуся исследователю, общественному и политическому деятелю, депутату I Государственной Думы от Гродненской губернии – Моисею Яковлевичу Острогорскому (1854-1919). В 80-90-е гг. XIX в. он неоднократно посещал США и Великобританию, где подробно исследовал западные политические системы. М. Я. Острогорскому принадлежат такие труды как «Демократия и политические партии» (1897), «Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека» (1913). Он обрушивался с критикой политических партий, превратившихся с расширением избирательных прав, в основной механизм сосредоточения власти в стране. Следует подчеркнуть, что научные интересы М. Я. Острогорского, связанные с британской политической

²²⁰ Ковалевский М. М. Избранные труды. Ч.1. М. РОССПЭН. 2010. С. 363.

системой, не мешали ему принимать активное участие в работе Думы первого созыва, в которой он занимал позиции либерального консерватизма и был сторонником дальнейшей трансформации России в русле опыта западных цивилизаций. Великобритания была для исследователя образцом мирного и постепенного развития. В труде «Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека» М. Я. Острогорский писал: «Совершилась революция, но не революционным путем; она проявилась не катастрофически, а развернулась в ряд этапов. Каждое движение вперед делалось с оглядкой назад. Каждая перемена была компромиссом старого с новым».²²¹ Напряженная обстановка в России в конце XIX - начале XX в., совершенно справедливо, способствовала поиску мыслителем путей легитимного решения назревших проблем и рациональных, безболезненных для страны шагов выхода из политического кризиса. М. Я. Острогорский попытался путем анализа европейских политических партий найти ответы на те вопросы, которые ставила русская политическая жизнь.²²²

Он отмечал, что претендуя изначально на выразителей народных интересов, английские партии начали монополизировать государственную власть и управление страной. Причиной тому послужили промышленный переворот, социальные перемены, индивидуалистические идеи и избирательные реформы 1832, 1867, 1884 гг. переместившие центр тяжести политической жизни в состязание между либералами и консерваторами. Решения теперь принимались большинством одной из партий, другая оказывалась в оппозиции. Особое значение М. Я. Острогорский придавал реформе 1832 года, которая, включила в политическую жизнь новый социальный слой-буржуазию и способствовала разрушению прежнего феодально-аристократического строя. Последовавшую вслед за ней реформу 1867 года, он назвал «великой драмой», подразумевая, что народ должен быть более просвещенным и подготовленным для понимания той степени ответственности, которая ложиться на него в период выборов. По мнению ученого, окончательно были стерты барьеры и открыта дорога к демократии. «И

²²¹ Острогорский М. Я. Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека// Вестник Европы. 1913. № 9. С. 204.

²²² Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. Т. 1. М.: РОССПЭН. 1997. С. 12.

по ней не пошли, а понеслись обе соперничающие партии, на встречу будущим избирателям, в руках которых была отныне их судьба».²²³ М. Я. Острогорский приводил следующие слова Роберта Лоу: «До сих пор мы имели партию нападения и партию сопротивления. Теперь мы имеем вместо них две конкурирующие партии, которые подобно Клеону и продавцу сосисок в комедии Аристофана, стараются перебить друг друга, чтобы добиться расположения демоса».²²⁴ М. Я. Острогорский обличал погоню за избирательными голосами, которая приводила к механической борьбе за власть без идей и идеалов. Потеряв свой классовый облик, либералы и консерваторы превратились в партийные лагеря, которые были вынуждены расставлять свои избирательные сети для расположения огромными армиями. «Без поддержки демоса ни одна партия не могла играть большой роли, и обе бросились на перерыв вербовать приверженцев среди новых избирателей. Соперничество партий приняло, вследствие этого, характер ожесточенной борьбы...они стали терять... различие в принципах и программах».²²⁵ Основная же их функция - представительства нивелировалась. Расширение численности избирателей и усиление борьбы между политическими партиями приводило к необходимости создания четкой организационной структуры и утверждению жесткой дисциплины. «Партийная дисциплина и соединенная с нею партийная вражда стали культом»²²⁶, - подчеркивал М. Я. Острогорский. Обязанности «блюстителя партийной ортодоксии», привлечение местного избирателя, подбор кандидатов в депутаты и ведение предвыборных кампаний были возложены на «Кокус». Он стал главным организационным органом либералов и консерваторов, который связывал центр с массами. В каждой местности избиратели и сторонники той или другой партии образовывали, путем выборов, союз для ведения всех партийных дел, избрания кандидатов в парламент и в местные выборные учреждения. Первопроходцем в создании массовой партии,

²²³ Острогорский М. Я. Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека // Вестник Европы. 1913. № 9. С. 193.

²²⁴ Там же. С.176.

²²⁵ Острогорский М. Я. Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека. III. Упадок палаты общин и возвышение кабинета // Вестник Европы. 1913. № 11. С.155.

²²⁶ Там же. С. 156.

местных ассоциаций и объединение их в Национальную федерацию стала либеральная партия. Этим же путем пошли консерваторы, создав «Национальный Союз консервативных и конституционных ассоциаций», избираемый ежегодно и состоящий из делегатов. С целью снять «печать реакционной партии» тори были вынуждены искать поддержку масс. «Надо побудить народ интересоваться политикой партии. Надо использовать активность и подвижность местного жителя».²²⁷

Подчеркивая важность роста гражданского самосознания, развития политической культуры населения и формирования общественного мнения М. Я. Острогорский находил недостатки в массовых партиях. Мыслитель указывал, что так называемая идея выражения интересов большинства сталкивалась с безразличием населения к государственным делам и сосредоточением у ограниченного числа энергичных деятелей «Кокуса», выбранных незначительным количеством лиц, всех рычагов власти в политической организации. Гражданам в новых политических реалиях отводилась роль статистов. Депутатская активность в палате общин снижалась, и народные представители оказывались заложниками партийных машин. Им для избрания было необходимо заручиться поддержкой «Кокуса», без которой попасть в парламент стало невозможным. «Кандидат не имел права обращаться непосредственно к избирательному корпусу, он был обязан повиноваться своей партии и ее комитету».²²⁸ «В случае непослушания депутата «кокус» мог снять его кандидатуру на следующих выборах и положить конец его политическому животу».²²⁹ М. Я. Острогорский четко проследил трансформацию традиционной политической организации в консолидированную партию, главной целью которой стала борьба за сохранение и удержание власти. Ученый критиковал формализацию, отделение ее части - «Кокуса» от большинства членов и интересов избирателей. М. Я. Острогорский подчеркивал: «Отношения

²²⁷ Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. С. 129.

²²⁸ Там же. С. 105.

²²⁹ Острогорский М. Я. Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека. III. Упадок палаты общин и возвышение кабинета // Вестник Европы. 1913. № 11. С.157.

большинства с меньшинствами, главы партии с ее членами, депутатов с избирателями, парламента с общественным мнением за его пределами - во все эти вопросы Кокус вмешивается, как судья, как господин... Кокус решительно взял в руки вожжи, а главное - кнут».²³⁰ Он скептически относился к преобладанию большинства над меньшинством в английской политической жизни, где аристократизм всегда считался опорой конституционной монархии и стабильности режима. М. Я. Острогорский предостерегал от бурного демократического роста и механизированности партий, преследования ими цели самосохранения и роста. Он приходил к неутешительным выводам, что английская, прежде устойчивая, двухпартийная система теперь близка к распаду. Система «сдержек и противовесов» в Великобритании сменилась противовесом партий, которое превратилось «в ожесточенную и беспощадную борьбу, потеряло возможность быть фактором умиряющим, уравнивающим. Теперь партийная борьба приняла каннибальский характер, с «гильотиной» с одной стороны, и обструкцией - с другой».²³¹ «Система партий, с властью в виде ставки, разрушила в конец силу сопротивления аристократии», на которой веками держался государственный строй Великобритании, и это не могло не беспокоить умеренного либерала М. Я. Острогорского. Партии, по его утверждению, мешали моральному выбору индивида и лишали личной ответственности. Дальнейшее движение к демократии М. Я. Острогорский представлял в политическом участии населения через систему ассоциаций, а не бюрократических структур. Отстаивая «концепцию лиг», он видел демократическое управление в вытеснении постоянных партий лигами и ассоциациями свободных граждан.

Учреждение партийно-политического механизма в России в начале XX века сопровождалось потребностью организации выборов и обращению к британскому опыту в этом вопросе. Выдающийся публицист Василий Васильевич Водовозов (1866-1933) отмечал что, «народы, населяющие Россию, представляют такой материал, который вполне созрел, чтобы пользоваться элементарными

²³⁰ Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. С. 109-111.

²³¹ Острогорский М. Я. Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека. IV. Апофеоз монархии и торжество демократии // Вестник Европы. 1913. № 12. С. 167.

человеческими правами»,²³² к которым он относил и избирательные права. Обращаясь к английскому выборному праву, в системе относительного большинства В. В. Водовозов находил специально созданные условия для непоколебимости двухпартийной системы и поддержанию ее равновесия. Публицист в своем труде «Всеобщее избирательное право и применение его в России» (1905) отмечал: «В Англии в течение нескольких сот лет борются между собой две большие политические партии».²³³ Существовавшая двухпартийность олицетворяла эволюционность, преемственность и равновесие политической жизни, которая прослеживалась в системной конкуренции правящей и оппозиционной партий. Для России начала XX в., в условиях недавно заложенной многопартийности, раздираемой радикальными настроениями, социальной и политической нестабильности, английская практика в данном вопросе была особенно ценна.²³⁴

Таким образом, либерализм как организованное течение общественной мысли России оформился и значительно укрепил свои позиции в процессе реформ середины XIX века, которые давали надежду на преобразовательный потенциал самодержавия. Именно в этот период либеральная мысль была востребована и обществом, и властью. Либералы, осознавая ломку прежнего строя, видели завершение всех преобразований в стране в ведении ограниченной формы правления подобно английской конституционной монархии. Они были идеологами исключительно реформистского пути развития России, без коренных переворотов и сломов. В связи с чем, среди либералов возрастал неподдельный интерес к историческому пути и политической жизни Великобритании как образцу преемственности. Участие английских партий в управлении государством высоко оценивалось представителями российских либеральных кругов. Они отмечали общую либерализацию партийной жизни Великобритании на основе компромисса, что способствовало ее мирному развитию без революций. К

²³² Водовозов В.В. Всеобщее избирательное право и применение его в России / Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX-XX вв. М. 2003. С. 380.

²³³ Там же. С. 383.

²³⁴ ГАРФ. Ф. 539. Оп.1. Д. 16, 17.

ключевым положительным проявлениям английской общественно-политической жизни относили: конституционализм и парламентаризм, свободную и открытую борьбу партий и мнений, широкие права и свободы граждан; формирование кабинета партийным большинством, повышение роли партий в палате общин и становление двухпартийной системы, парламентские реформы постепенного расширения избирательного права и включение в выборы новых категорий избирателей. Представители российской либеральной мысли указывали также и на очевидные недостатки, особенно очевидно проявившиеся к концу XIX столетия в условиях перехода к демократии, а именно: преобладание большинства над меньшинством, механизировать и формализм массовых партий, преследовавших цели самосохранения и роста, снижение ответственности депутатов, преобладание корпоративных интересов над общественными.

2.2. Восприятие британской партийно-политической системы российскими консерваторами

Вторая четверть XIX столетия была ознаменована реакционной политикой императора Николая I (1825-1855 гг.). Правящая элита взяла курс на консервацию режима, сохранение самодержавия и старых порядков.²³⁵ А. А. Кизеветтер подчеркивал, что после смерти Александра I «мрачный дух реакции надолго завис над Россией. Железная политика правительства Николая I, казалось бы, бесповоротно сковала все проявления общественной самодеятельности...»²³⁶ Путешествуя по Европе, еще в 1817 году Николай I успел посетить Великобританию, которая запомнилась ему своей консервативностью. Следует подчеркнуть, что к столкновению английских политических группировок в парламенте он отнесся весьма скептически. «Если бы на наше несчастье какой-нибудь злой гений перенес к нам эти клубы и митинги, которые больше шумят, чем делают дело, то я просил бы Бога, чтобы он повторил чудо смешения языков или уже отнял дар слова у тех, кто делает из него такое употребление».²³⁷ Уже

²³⁵ ГАРФ. Ф. 672. Д. 27, 191, 206, 288.

²³⁶ Кизеветтер А. А. Московский университет и его традиции. Исторические отклики. - М., 1915. С. 330.

²³⁷ Височков Л. В. Николай I. 2-е изд., доп. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 42.

тогда прослеживалась некоторая консервативность во взглядах будущего императора и верность единоличному правлению.

В ответ на реакцию и цензуру николаевского режима в 30-40-х гг. XIX века начинается настоящее оживление общественной мысли в трудах западников и славянофилов. Среди них особенно следует выделить основателя славянофильского течения, публициста, философа, социолога Алексея Степановича Хомякова (1804-1860). В своих трудах и записках он всячески противопоставлял Англию другим европейским странам, в частности Франции, считая развитие этой страны эволюционным, последовательным благодаря отлаженному механизму работы ее институтов, прочным социальным и нравственным традициям. Подчеркивая самобытность Великобритании, А. С. Хомяков был консервативен в своих взглядах и полагал, что бездумное перенесение на российскую почву и заимствование элементов ее политической системы навредят нашей стране. В «Письме об Англии» он отмечал что, «...неразумение есть всегдашнее условие подражания. Человек ли обезьянничает человеку, или народ ломается, чтобы сделаться сколком другого народа, в обоих случаях человек или народ не понимают своего оригинала: они не понимают того цельного духа жизни, из которого самобытно истекают внешние формы; иначе они и не вздумали подражать. Подражатель - самый плохой судья того, кому подражает, а таково отношение остальных народов к Англии».²³⁸ А. С. Хомяков восхищался консервативностью и верностью традиции англичан. «Всякий англичанин - тори в душе. Могут быть разницы в силе убеждений, в направлении ума; но внутренне чувство одинаково у всех». Сравнивая Англию и Россию, А. С. Хомяков находил общее как раз в незыблемости основ, в том числе, в сложившемся веками консерватизме российской жизни: «Если ты хочешь найти торийские начала вне Англии, - оглянись: ты их найдешь... Вот величие златоверхого Кремля с его соборами, и на Юге пещеры Киева, и на Севере

²³⁸Хомяков А. С. О старом и новом. Статьи и очерки. М.: «Современник», 1988. С.172.

Соловецкая святыня, и домашняя святыня семьи, и более всего, вселенское общение никому не подсудного Православия».²³⁹

Особое место в исследованиях А. С. Хомякова принадлежит оценки партийно-политической системы Великобритании. Он отмечал, что за работой английских партий и ее лидерами следит вся Европа, а парламент называл «величайшим двигателем истории Англии». А. С. Хомяков видел на политической сцене второй четверти XIX века две конкурирующие партии Великобритании - консервативные тори и либеральные виги. Он с иронией указывал: «Тори консерватор, а виг друг прогресса», а между тем усовершенствования в законах, учреждениях, устройстве общественном произошли столько же от ториев, сколько от вигов». Это, - отмечал мыслитель, - можно доказать историей всего последнего столетия и даже самую историей парламентской реформы».²⁴⁰ А. С. Хомяков, справедливо, видел в обеих партиях сближающий их консерватизм и протестантское начало, считал, что они гораздо более социальные нежели политические, подчеркивая что вся жизнь Англии вырастает из ее особых собственных самобытных основ. Последнее значительно импонирует мыслителю. «Разрознились и вступили в борьбу две разумные силы народа. Одна - органическая, живая, историческая, ослабленная уже упадком сельского общинного быта и бессознательно допущенным скептицизмом протестантства, составила торизм. Другая - личная и аналитическая, не верящая своему прошедшему, приготовленная уже издавна тем же упадком общинного быта и усиленная всею разлагающею силою протестантства, составила вигизм».²⁴¹ Будучи представителем славянофильского направления общественно-политической мысли А. С. Хомяков считал вигизм разрушающей силой, так как в основе его лежал разлагающий рационализм и эгоизм личности. Виг - радикал, отрывается от истории и просвещение духовное, важное для мыслителя, старается заменить внешним материальным миром, который приводит к крайности логики. Однако, все же смягчая свои суждения, возвращаясь к формуле «каждый

²³⁹ Там же. С. 194.

²⁴⁰ Там же. С. 183.

²⁴¹ Там же. С.186-187.

англичанин - тори в душе» отмечал, что «по большей части виг все-таки немножко тори». «Купец или ремесленник,- писал А. С. Хомяков,- даст свой голос вигам: таково его убеждение о пользе общей или своей выгоде вещественной; но в душе он любит ториев».²⁴² В торизме, напротив, он видел самобытные исторические основы, аристократические принципы жизни, величие Англии, сравнивая их со «старым дубом». Следует отметить, что, несмотря на явные симпатии последним, А .С. Хомяков подчеркивал, что тори, неминуемо уступают место вигам. «Торизм английский, неверный самому себе, живет только чувством: за вигизм стоят рассудок и логическая последовательность. Будущее Англии принадлежит ему...дело вигов идет вперед неудержимо. Звонко и мерно раздаются удары протестантского топора, разрубаятся тысячелетние корни, стонет величавое дерево».²⁴³

Следует подчеркнуть, что придерживаясь консервативных взглядов А. С. Хомяков не видел возможности переноса западных «внешних форм» организации на российскую почву. Безусловно, его привлекала эффективность английской партийно-политической системы, самобытность ее политических институтов, способность путем реформирования адаптироваться к вызовам среды. Однако, не переставая отстаивать особый исторический путь каждого народа, оставаясь верным таким основам как самодержавие и православие, политический механизм Великобритании для А.С. Хомякова представлял собой скорее метод ненасильственной эволюции.²⁴⁴

Период второй половины XIX –начала XX вв. по праву можно считать временем становления и расцвета консервативной мысли в России. Как отмечал К. Манхейм, «движение оппозиционных слоев и их стремление взорвать существующий порядок как бы извне воздействовало на консервативное сознание, заставляя его осмыслить свою историческую роль».²⁴⁵ Отвечая на вызов времени, консерваторы предложили свой вариант модернизации, заключающийся

²⁴² Там же. С. 187-188.

²⁴³ Там же. С. 195.

²⁴⁴ Минаев А.И. Британский парламентаризм и общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVIII-начало XX веков. Рязань-Москва. 2008. С. 116.

²⁴⁵ Манхейм К. Диагноз нашего времени. Пер. с нем. и англ. М.: Юристъ, 1994. С. 194.

в недопущении каких-либо социально-политических потрясений, в преемственности политического курса, эволюционном развитии, учете менталитета русского народа и нравственном воспитании общества. В отечественной исторической науке представителями консервативного направления являлись М. Н. Катков, Л. А. Тихомиров, К. Н. Леонтьев, Н. Я. Данилевский, К. П. Победоносцев, П. А. Столыпин и др. Крупнейшими консервативными печатными изданиями стали журнал «Русский вестник», газета «Московские ведомости». Следует отметить, что консервативная общественно-политическая мысль второй половины XIX –начала XX в. была многогранна, рассматривала широкий круг серьезных проблем, волнующих государство и предлагала пути его дальнейшего развития. Особое внимание российских консерваторов было направлено на исследование британского опыта, изучения процессов социально-экономической и политической модернизации, эволюционной трансформации политических институтов Великобритании в ответ на вызовы времени. Следует подчеркнуть, что консервативная общественно-политическая мысль России весьма неоднозначно относилась к таким явлениям английской жизни как либеральный демократизм, парламент и парламентаризм, партии, выборы.

Известный мыслитель и политический деятель Михаил Никифорович Катков (1817-1887) предлагал обратиться к опыту Великобритании в решении вопросов, связанных с политикой. Как писал в своем «Дорожном дневнике» русский историк и публицист, академик, монархист М. П. Погодин: «У англичан научусь политике... Англия - страна политики и политической свободы»²⁴⁶ М. Н. Катков отмечал: «Никогда Англия не возбуждала столь сильного и столь сознательного интереса, как в наше время. Публицисты всех стран поставляют одной из главных задач своих - изучение всех особенностей английского устройства, которое раскрывается перед взорами как неистощимо разнообразный и многосложный мир».²⁴⁷ М. Н. Катков отмечал эволюционный путь развития

²⁴⁶ Погодин М. П. Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник. Ч. 1 — 4. М., 1844. С. 230.

²⁴⁷ Катков М. Н. Имперское слово. М., 2002. С. 204.

этой страны, постепенные изменения, которые, по его мнению, не затрагивали основных монархических и аристократических начал британской политической системы. Однако он призывал: «Изучая английские учреждения, надобно помнить, что пример Англии не должен лишать нас самостоятельного суждения о наших собственных потребностях и о началах нашего национального быта».²⁴⁸ Учитывая значимость британского опыта, М. Н. Катков отвергал его практическую реализацию в России.

Следует отметить, что политические воззрения мыслителя не оставались неизменчивы, а претерпели в течение научных исканий, значительную трансформацию. Увлекаясь и восхищаясь политической системой Великобритании в 50-х гг. XIX столетия и устройством ее институтов, после трагической кончины Александра II, М. Н. Катков кардинально меняет свои взгляды. Он достаточно резко теперь высказывается в адрес народного представительства, в котором больше не видит пользы. В «Московских ведомостях» в статье «На Руси не может быть иных партий кроме той, которая заодно с русским народом» М. Н. Катков пишет: «Зачем в России, где между верховной властью и народом, который не отделяет себя от нее и видит в ней свое истинное и единственное представительство, втирать какое-то еще представительство, создавать партии и предавать их игре в парламенте...»²⁴⁹ Он отмечает, что между «...конституцией и представительством нет более разницы, чем между ломкой и крушением. Это шаг более или менее широкий на пути ослабления власти».²⁵⁰ Представительство, полагал мыслитель, вовсе не направлено на выражение интересов населения, а нацелено на удовлетворение узких эгоистических планов партий, борющихся за власть между собой. Кроме того, он критически высказывался и в отношении свободы слова в печатных органах. Обращаясь к опыту конституционных стран – Англии, США, М. Н. Катков отмечал необъективность, зависимость прессы от заинтересованных

²⁴⁸ Катков М. Н. Выборное начало // Современная летопись. 1860. № 6. С. 92.

²⁴⁹ Катков М. Н. На Руси не может быть иных партий, кроме той, которая заодно с русским народом // Московские ведомости. 1881. № 72.

²⁵⁰ Катков М. Н. О самодержавии и конституции. М., 1905. С. 38.

партий, что фактически искажает действительность и служит частным интересам. Он восклицал: «Боже, избави нас от партий и очисти от их игры наши правительственные сферы! Правительство, свободное от духа партий и достойное самодержавной власти русского царя, покрывающей народ в его целостности, - вот что было бы теперь нашим первым и истинным прогрессом. А добрые люди, напротив, советуют нам внести растлевающий дух партий, интриги и обмана в самые недра народа».²⁵¹ Безусловно, правительству, по его мнению, необходимо сблизиться с массами, но это должно происходить напрямую, а не через представительство.

Следует отметить, что М. Н. Катков отрицательно отзывался не только о представительном начале и партиях, но и либерализме в целом, видел в нем разрушительную силу для устоев государства и общества. Мыслитель отмечал что, «...в нашем обществе первый признак человека не зрелого есть мысль о либерализме и консерватизме как двух партиях в России. Зато первым признаком ума, стряхнувшего с себя обман, будет отречение от этого фальшивого деления, навязавшегося нам со стороны и отуманившего нас».²⁵² «В России государственную партию составляет весь русский народ... Неужели не пора исчезнуть всяким партиям на Руси, кроме той, - заключает он,- которая едина с русским народом».²⁵³ Мыслитель скептически относился к понятию «политические права» и «конституция», считал, что каждый гражданин априори обязан подчиняться и уважать монарха, наделенного властью от Бога, любить и жертвовать себя Отечеству. «Мы, русские поданные, уже обладаем тем, что они (европейцы) обещают даровать нам: у нас есть даже нечто большее. Они хотят даровать нам политические права, но у нас есть политические обязанности, а это больше... Мы обязаны чтить власть, не только за страх, но и за совесть».²⁵⁴

Таким образом, следует отметить, что М. Н. Катков не был сторонником либеральных порядков и не считал британский опыт организации политической

²⁵¹ Катков М. Н. На Руси не может быть иных партий, кроме той, которая заодно с русским народом // Там же. С. 7-8.

²⁵² Там же. С. 6.

²⁵³ Там же. С. 7.

²⁵⁴ Катков М. Н. Свобода и власть // Московские ведомости. 1881. № 126. С. 274.

системы приемлемой для России. В работе партий видел представление частного, а не общественного интереса, интриги и обман народа. Он подчеркивал необходимость сильной единоличной власти в стране, которую олицетворяла монархическая форма правления. «Правительство самодержавного государя во внутренних делах не может видеть в себе как бы одну из партий и действовать в растлевающем духе какого бы то ни было частного интереса. Умное и честное правительство, не выпустившее власти из своих рук, не будет потворствовать, под фальшивым видом либерализма общественному обману, не будет терпеть тенденций враждебных государству, ничего, что подкапывается под его основы, что злоумышляет против охраняемого им нравственного порядка».²⁵⁵ Кроме того, следует отметить, что М. Н. Катков вносил свой смысл в понятие «народность», рассматривал его не просто как соответствие самодержавия духу русского народа, но и как беззаветную преданность и искреннюю любовь к царю. «Русский народ всегда был силен своим патриотическим духом, своей единодушной преданностью престолу, чувством безусловного «абсолютного» единства с царем».²⁵⁶ В нем М. Н. Катков видел огромную духовную силу, возвысившую Россию, считал, что только на русской патриотической партии может основываться наше правительство. В консерватизме мыслитель находил дополнение к прогрессивному развитию. Постепенная эволюция политической системы Великобритании была близка взглядам М. Н. Каткова. «Истинно прогрессивное направление,- отмечал мыслитель,- должно быть в сущности консервативным, если только оно понимает свое назначение и действительно стремится к своей цели. Чем глубже преобразование и решительнее движение, тем крепче должно держаться общество тех начал, на которых оно основано, и без которых прогресс обратится в воздушную игру теней».²⁵⁷

Лев Александрович Тихомиров (1852-1923) также как и М. Н. Катков, особое внимание уделял вопросам сохранения и упрочнения самодержавной

²⁵⁵ Там же. С. 275.

²⁵⁶ Катков М. Н. На Руси не может быть иных партий, кроме той, которая заодно с русским народом // Там же. С. 6-7.

²⁵⁷ Катков М.Н. К какой мы принадлежим партии? // Русский вестник. 1862. № 2. С. 839.

монархии и ее власти, как нравственного идеала. Он критически относился к тому, что субъектом верховной власти может быть целая система учреждений, как в Великобритании. Л. А. Тихомиров не признавал, популярную среди либералов, идею сочетания монархического начала с аристократическим и демократическим. Изучая институт монархии в его историческом развитии, он не мог не затронуть британской модели организации власти.²⁵⁸ «То, что представителям государственного права XIX века кажется стремлением к сочетанию монархического принципа с аристократическим и демократическим, есть в действительности постепенное уничтожение первых двух в пользу последнего. Не думаю, чтобы хотя бы один практический политик нашего времени сомневался, что Европа идет именно к полному торжеству демократии. Кое-где эти «гармоничные сочетания» уже кончились упразднением монархии и аристократии, кое-где (как в Англии) еще только клонится к этому».²⁵⁹ Странствующий по Европе либерализм Л. А. Тихомиров называл «большой мечтой», «химерой», «погоней за социальными миражами». Современная эволюция, по его мнению, движется к «разложению и истощению государственной идеи», и приведет в итоге либо к анархии, либо к деспотическому социализму. Данные негативные тенденции западного общества, по мнению Л. А. Тихомирова, связаны торжеством материализма и прагматизма и отрицанием духовного мира, божественного авторитета. «Общество, отрешившись от Христа, по мнению мыслителя, - сводится к вечной революции».²⁶⁰ Торжество либерального демократизма – это ошибочный путь в никуда. Л. А. Тихомиров подчеркивал прочную связь между российским государством и церковью. «Вера, являясь духовной основой власти в России, способствует осуществлению государственного управления на моральных принципах».²⁶¹ Однако, следует подчеркнуть, что надгосударственная нравственно-религиозная идея, в отличие от

²⁵⁸ Минаев А.И. Британский парламентаризм и общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVIII-начало XX веков: монография. Рязань-Москва. 2008. С. 189.

²⁵⁹ Тихомиров Л.А. Социальные миражи современности // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX-XX вв.. М.: Издательство «Весь мир», 2003. С. 273.

²⁶⁰ Там же. С. 278.

²⁶¹ Тихомиров Л. А. Единоличная власть как принцип государственного строения . М.: Трим, 1993. С. 36.

большинства консерваторов, в трудах Л. А. Тихомирова уступает представлениям о правовом оформлении монархической системы, ее дальнейшей эволюции.

В современном западном мире торжества демократии наладить связь между обществом и государством призваны политические партии - выразительницы народной воли. Однако Л. А. Тихомиров задавался вопросом: «Так ли это?». Партии, по его мнению, отстаивали не интересы народа, а свои собственные. Ссылаясь на Руссо, выделял два понятия «общая воля», отражающая интересы народа, и «воля всех»- эгоистические устремления партий и частных кружков. Вслед за французским мыслителем Л. А. Тихомиров отмечал, что с появлением последних, гражданин перестает выражать свое мнение. Конституционная английская монархия основывается на представительстве, которое не может существовать без партий. Правительство в стране основано на доминировании одной из них в парламенте. «Когда такого преобладания нет – правление готово остановиться и приходится распускать парламент в надежде, не даст ли страна такого представительства...».²⁶² Демократические учреждения, по мнению Л. А. Тихомирова, только внушают населению, что они являются носителем народной воли. Вопросы государственные сложны и многоаспектны, массы же, как правило, не интересуются политикой и едва ли могут рассуждать на ее счет. Таким образом, представительство это не что иное как миф, фикция. На самом деле, не большинство, а меньшинство интересуется и занимается политикой из-за собственной выгоды, подчеркивал Л. А. Тихомиров. Оно создает партии, пишет политические платформы, находит лидеров. Возникает новый правящий класс, власть которого узаконивается волеизъявлением граждан, подачей голосов на выборах. Вход идет политическая агитация, которая путем уловок и красноречивых обещаний подсказывает легковерному избирателю его, казалось бы, личный выбор. Как видно, от «народной воли» ничего не остается. Придя к власти, партии, обеспечив себе большинство голосов, по мнению Л. А. Тихомирова, заручившись поддержкой народа, перестают считаться с ним. Правительство также становится ответственно не перед народом, а перед партией,

²⁶² Тихомиров Л.А. Социальные миражи современности. С. 279.

превращаясь в ее служанку. Л. А. Тихомиров приходил к выводу, что так называемое, «новое общество, основанное на свободе и равенстве», фактически теряет и свободу, и равенство в «новых» политических институтах, им же прославляемых. Все рассуждения об этих двух благах льстят самолюбию избирателя и широко используются партиями. В либерализме мыслитель видел фикцию «большинства голосов», на которой он держится. В либеральном демократизме и набирающем обороты в сознании граждан, - социальном демократизме, - Л. А. Тихомиров находил практицизм, прогрессивные экономические достижения, но в тоже время реакцию в отношении личности. Он с тревогой заключал: «Никогда еще ни одна философия, ни одна языческая религия не приводила человека к такому беспрекословному подчинению игре материальных сил, к такому полному уничтожению личности как духовно самостоятельной веры. Все духовное содержание личности определяется безапелляционно устройством плуга и станка. Дальше идти действительно некуда».²⁶³ «Либеральная демократия, - писал Л. А. Тихомиров, - погибает, потому что нравственно не удовлетворяет личность, потерявшую жизнь духовную и воображающую найти ее в жизни политической и социальной».²⁶⁴ Очевидно, что он не мог простить западному механическому прагматизму и рационализму отказ от внутреннего духовного сознания личности. Таким образом, вслед за М. Н. Катковым Л. А. Тихомиров критически относился к либеральному демократизму, представительству и борьбе партий. Он не видел необходимости восприятия Россией европейского политического опыта, в том числе и английского.

Научный интерес вызывают также политические взгляды известного российского дипломата, философа, писателя, консервативного мыслителя второй половины XIX века Константина Николаевича Леонтьева (1831-1891). В своих трудах он не раз обращался к исследованию государственного строя Великобритании, отстаивал мысль о разнообразии, неповторимости всякой национальной формы, которая способна эволюционировать в соответствии с

²⁶³ Там же. С. 291.

²⁶⁴ Там же. С. 302.

вызовами времени. В своих трудах старался отойти от понятия «всеобщего блага» в пользу «блага частного государства». К. Н. Леонтьев полагал, что «государственная форма у каждой нации, у каждого общества своя...Вырабатывается она не вдруг и несознательно сначала».²⁶⁵ Примером сохранения традиции и постепенного развития институтов политической системы для К. Н. Леонтьева была Великобритания. «Английский прежний, аристократический конституционализм – консервативен, ибо он возможен только в Англии и обособлен; во всех других государствах этот самый созданный Англией вид консерватизма принимает разрушительный характер, ибо он демократизируется по условиям исторической почвы. Охранение в странах католических иное, чем в нациях православных; консерватизм турок не похож на охранение буддистов; но либерализм везде одинаково враждебен тем историческим началам, в дисциплине которых вырос тот или другой народ. Либерализм есть отрицание всякой крайности, даже и самой высокой, всякого стеснения, всякого стиля. Он везде один, везде одинаково отрицателен, везде одинаково разлагает нацию медленно и легально, но верно...». Отмечая разрушительность повсеместного бездумного насаждения либеральных принципов, подчеркивал их органичность, историческую преемственность в Великобритании. Английская аристократия, по мнению К. Н. Леонтьева, явилась прочной основой для устойчивого развития страны и стала условием сочетания традиции и модернизации. «Государственная форма Англии была ограниченная, менее Франции вначале сословная, децентрализованная монархия, или, как другие говорят, аристократическая республика с наследственным президентом. Эта форма выразилась почти одновременно с французской при Генрихе VIII, Елизавете и Вильгельме Оранском».²⁶⁶ Таким образом, успешный британский либеральный опыт воспринимался К. Н. Леонтьевым скорее как исключение, что соответствовало его представлениям об исторических особенностях локального национального государственного устройства.

²⁶⁵ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Храм и церковь. М.: АСТ, 2003. С. 123.

²⁶⁶ Леонтьев К.Н. О либерализме вообще // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX-XX вв. М., 2003. С. 203.

В целом же мыслитель негативно относился к либерально-эгалитарному процессу, не видя в нем морального начала, а, следовательно, считая его разрушительным. Буржуазному политическому строю, он противопоставлял мир русский. Реакционер, представитель охранительного консерватизма К. Н. Леонтьев выступал за сохранение традиции, отрицал идеи «естественных прав и свобод», а также переноса на российскую почву западных институтов, считал что сохранение «русского духа» и русской государственности возможно лишь в укреплении православия и сильной царской власти. «Царизм, писал он, есть земное выражение добра». В христианстве есть те организующие начала, которых нет в либерализме. Разрушив все старое, либерализм не смог дать ничего созидającego, прочного. Гражданский закон, предложенный им, лишен незыблемости, - отмечал К. Н. Леонтьев,- он может меняться, а религиозные догмы непоколебимы. Ученый сравнивал либералов с дурно обученными врачами, которые знают, как лечить последствия, но не видят причину. Они уже утопичны, по мнению мыслителя, хотя бы потому, что хотят путем постепенного прогресса постичь невозможное – «царство блага и всеобщей правды на земле». «Даже ангелы не равны между собой», - аргументировал К. Н. Леонтьев. Навязываемая Западом конституция, по его мнению, вовсе не приведет к равноправию и благополучию, которого априори невозможно достичь, и вряд ли сделает людей счастливее. Продолжая эту мысль, он писал: «Эгалитарная монархия лучше сословной, конституционное государство лучше абсолютного,- «так думает большинство...», - саркастически отмечал автор,- но большинство есть не что иное, как «собирательная бездарность», сказал прекрасно Д. Ст. Милль, почитаемый за прогрессиста».²⁶⁷ К. Н. Леонтьев считал подход к прославлению эмансипированного прогресса, в котором либералы видели панацею от всех бед человеческих, антинаучным. Более того подмечал зло, явившееся вместе с ним. Современный человек стал требовательным, претензионным, видит свое собственное благополучие не в согласии с самим собой и духовности внутреннего мира, а во внешних проявлениях достатка и

²⁶⁷ Там же. С. 352.

удобства, свойственных западному индивидуализму. Следует отметить, что, К. Н. Леонтьев не видел религиозных морально-нравственных основ в либеральном демократизме, не замечал ничего общего, что могло бы его роднить с русской привычкой и русской традицией. Опасаясь стремительного распространения либеральных идей в России, ученый считал, что только смесь любви и страха, благоговение перед высшим божественным началом ведет к развитию человечества. «Ибо стоит только юноше сказать себе: «Я не знаю, что такое вещество, и никогда не узнаю здесь на земле», чтобы шаг за шагом, от сомнения в твердости и точности всех научных основ он бы скоро дошел до веры в личного Бога до искания форм сношения с Ним, до положительной религии; от положительной религии до живого патриотизма, до «страха Божия», до любви к предрержавшим власть.²⁶⁸

Таким образом, для К. Н. Леонтьева были свойственны такие консервативные устои как самодержавие и религия. Изучая историю развития России и Европы, приходил к выводу, что наша страна должна идти по своему индивидуальному пути, движущей силой которого стал «византизм». Он принципиально отличался, от какой либо другой системы координат, своей особой культурой, традициями, прочной самодержавной властью и христианской религией. Восхваляя постепенность и преемственность в политической жизни Великобритании, К.Н. Леонтьев отрицал господство в мире одного культурного стиля и идеологии, что непременно ведет к гибели народа.

Представления К. Н. Леонтьева об особенностях национальной культуры и сложившейся в ней традиции сближали его с известным русским культурологом, геополитиком, идеологом панславизма Николаем Яковлевичем Данилевским (1822-1885) - основателем теории «культурно-исторических типов». В известной работе «Россия и Европа» (1871 г.), он отмечал, что цивилизационные основы одного культурно-исторического типа не передаются другому, так как общечеловеческой цивилизации не существует. В связи с этим положением

²⁶⁸ Там же. С. 251.

Н. Я. Данилевский отрицал возможность единства человечества и общечеловеческих ценностей и идеалов. Он полагал, что преобладание и распространение какого-либо одного типа в мире ведет к деградации. В России Н. Я. Данилевский видел самобытный культурно-исторический тип славянской расы, обладающий высоким религиозным потенциалом. В ближайшем будущем он видел торжество славянства над «дряхлающей» Европой. Исходя из своей теории «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевский, отмечал, что каждому народу свойственен свой политический строй. Как и другие консерваторы был сторонником монархии в России, централизованной власти, считал ее наиболее приемлемой формой правления, сложившейся исторически в определенных географических и социально-политических условиях. Огромную роль, по его мнению, на выбор механизма управления оказали внешние факторы в формировании российского государства. «Необходимость напряженной государственно-политической деятельности, при возможно сильном, то есть самодержавном и единодержавном правлении, которое своею неограниченною волею направляло бы и устремляло частную деятельность к общим делам».²⁶⁹ Будучи идеологом самодержавной монархии с сильной централизацией власти, Н. Я. Данилевский выступал с критикой либерализма и принятия конституции по западному образцу.

Сторонником самодержавия, сохранения дворянских привилегий был государственный деятель, сенатор, член Государственного совета, обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев (1827-1907). Убежденный монархист, критик западно-европейских форм жизни он с уважением относился к британской партийно-политической системе. Французские философы, как пишет ученый, еще с XVIII века хвалили и приводили в пример организацию английских учреждений, царящую в стране политическую свободу и религиозную терпимость. А после того, как в республике США прижились учреждения, скопированные с английских, политическая англоманья окончательно вошла в

²⁶⁹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Мысль, 1991. С. 321.

моду.²⁷⁰ К. П. Победоносцев отмечал, что устойчивость партийно-политической системы Великобритании заключалась в ее традиции. Становление и эволюционное развитие политических институтов в этой стране исторически происходило локально, в условиях национальной и территориальной обособленности. К. П. Победоносцев утверждал, что английские учреждения оказались эффективными для конкретной представительной демократии. Исторические, экономические, политические, национальные особенности, дополнялись в его воззрениях, также особыми взаимоотношениями, которые сложились в Великобритании между индивидом и государством. «Англосаксонское племя, с тех пор, как заявило себя в истории, и донныне отличается крепким развитием самостоятельной личности: и в сфере политической, и в экономической этому свойству англосаксонское племя обязано и устойчивостью древних своих учреждений, и крепкой организацией семейного быта и местного самоуправления, и теми несравненными успехами, коих оно достигло своею энергетическою деятельностью и влиянием своим в обоих полушариях. Существенное отличие этого быта состоит в отношении каждого гражданина к государству. Каждый привыкает с юности сам собою держаться, сам устраивать судьбу свою. Местное управление держится личным, сознательным по долгу, участием местных обывателей в общественном деле. Учреждения административные обходятся без полчища чиновников, состоящих на содержании у государства и чающих от него обеспечения и возвышения. Вот на каком корне сами собою выросли представительные учреждения свободной Англии, и вот почему ее парламент состоит из действительных представителей местных интересов, тесно связанных с землею; вот почему и голос их может считаться, в достаточной мере, голосом земли и органом национальных интересов».²⁷¹ Следует подчеркнуть, что К. П. Победоносцев, основой эффективности, длительной жизнеспособности британской государственной системы на всех уровнях, считал личную экономическую и политическую

²⁷⁰ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени // Московский сборник. – Спб.: Русская Симфония, 2009. С. 323.

²⁷¹ Там же. С. 320-321.

свободу, которая обуславливала поиск консенсуса между обществом и государством. «Не стремление властвовать, а стремление приблизиться к власти предрешающим посредством получения избирательного права стимулировало активность британских собственников в политической сфере».²⁷²

Несмотря на выявление положительных особенностей английской политической традиции, К. П. Победоносцев с существенной долей критики относился к демократическим институтам. В политических партиях мыслитель видел манипуляцию общественным сознанием со стороны политиков и парламентских группировок, подкуп избирателей, а также средство для достижения личных эгоистических интересов за счет избирателей и их голосов. В Великобритании участие граждан в выборах считалось выражением политической свободы, отстаиванием их интересов. В противовес этому заключению в статье «Новая демократия» (1896) К. П. Победоносцев всеобщую подачу голосов называл «роковым заблуждением». Новейшая демократия, распределяя право голоса между большинством, превращала его в «ничтожный фрагмент силы».²⁷³ В результате, каждый избиратель отдельно оказывался бессилён на что-либо влиять в государстве, в то время как наиболее ловкий «подбиратель голосов» оказывался у власти. В процессе расширения избирательных прав К. П. Победоносцев отказывался видеть движение к прогрессу и свободе, а напротив, находил в нём снижение качества государственного управления. Подобные процессы во второй половине XIX века он замечал в Западных странах, в том числе, и в Англии, в стране с прочными традициями. Сама избирательная процедура, по мнению мыслителя, дело искусства, имеет свою стратегию и тактику, представляет собой некую игру партий, управляемую интригами, приманками и подкупом.²⁷⁴ Посредником между избирателями и кандидатом был комитет. Он стал главным организационным звеном выборов, включал в себя как деятельных, энергичных состоятельных обывателей, так и обычных статистов. Комитет руководил

²⁷² Минаев А. И. Британский парламентаризм и общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVIII-начало XX веков. С. 193.

²⁷³ Победоносцев К. П. Московский сборник. Спб.: Русская Симфония, 2009. С. 306.

²⁷⁴ Там же. С. 310.

предвыборным процессом и влиял на формирование общественного мнения в поддержку кандидата. К. П. Победоносцев так характеризовал его работу: «Организируются собрания, произносятся речи: здесь тот, кто обладает крепким голосом и умеет быстро и ловко нанизывать фразы, производит всегда впечатление на массу, получает известность, награждается кандидатом для будущих выборов, или, при благоприятных условиях, сам выступает кандидатом, сталкивая того, за кого пришел вначале работать языком своим».²⁷⁵ «Большинство, т.е. масса избирателей, - отмечал мыслитель, - дает свой голос стадным обычаем за одного из кандидатов... На билетах пишется то имя, которое громче всего натвержено и звенело в ушах у всех в последнее время. Никто почти не знает человека, не дает себе отчета ни о характере его, ни о способностях, ни о направлении; выбирают потому, что много наслышаны о его имени».²⁷⁶

Общие фразы, произнесенные политическими ораторами – представителями партий - быстро схватывались малообразованным большинством, которое формировало «призрачное единодушное мнение». «Это называется гласом народа, с прибавкой- гласом Божьим. Печальное и жалкое заблуждение! Легкость увлечения общими местами ведет повсюду к крайней деморализации общественной мысли, к ослаблению политического смысла целой нации. Нынешняя Франция представляет наглядный пример этого ослабления, но тою же болезнью заражается уже и Англия».²⁷⁷ На практике, очевидно, что не большинство, а меньшинство – назначенцы партий держат в руках власть. Они уже не принадлежат к родовой аристократии, служат не столько общему, сколько своему интересу и интересу партий. «Административные должности являются наградой для лиц, поработавших для той или другой властной партии, или держащихся в смысле партии тех или иных политических и социальных видов и мнений... В новой демократии укореняется такое мнение, что и обширное государство может быть успешно управляемо всякими людьми и низшего

²⁷⁵ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. С. 313.

²⁷⁶ Победоносцев К. П. Московский сборник. С. 287-288.

²⁷⁷ Победоносцев К. П. Новая демократия // Московский сборник. С. 79.

достоинства. Все это приводит к деморализации, благодаря коей частный интерес партии или компании лиц получает в обществе преобладающее значение на счет интереса общественного».²⁷⁸ К. П. Победоносцев отмечал, что народный представитель теперь не имеет собственного мнения. В принятии решений руководствуется не интересами населения, а представлениями группы, которая способствовала его возвышению. Партийная борьба, по мнению мыслителя, делает людей лицемерными, а побеждают в ней заядлые карьеристы. В парламенте представлены безнравственные люди, «люди же чести и долга обыкновенно не красноречивы, неспособны «нанизывать громкие и пошлые фразы... Из этой игры устраняются все люди прямой мысли, честного духа и высшей культуры».²⁷⁹ «У кормила правления, - подчеркивал К. П. Победоносцев, - оказались оторванные от земли доктринеры и промышленники, ищущие своего интереса и прибытка, люди подобранные не свободным выбором, а лукавой игрой партий».²⁸⁰ Народными представителями и лидерами, по мнению мыслителя, чаще становились не более опытные, образованные работники, а красноречивые ораторы, пользующиеся популярностью у легковерных и увлекающихся масс. «При крайней ограниченности ума, при безграничном развитии эгоизма и самой злобы, низости и бесчестности побуждений, человек с сильной волей может стать предводителем партии и становится тогда руководящим, господствующим, главою кружка или собрания... Вот какова, по свойству своему, бывает руководящая сила в парламенте».²⁸¹ Партийных лидеров К. П. Победоносцев также сравнивал с режиссерами, которые направляют парламентские представления. Он находил существенные расхождения между теоретическим представлением о партии как организации единомышленников, представляющих волю избирателей в законодательстве, и практическим - инстинктивной группировкой лиц вокруг вождя, которые принимают решения, ведут борьбу и празднуют победу. «По теории - убеждение утверждается ясными доводами во

²⁷⁸ Там же. С. 81.

²⁷⁹ Там же. С. 70.

²⁸⁰ Там же. С. 71.

²⁸¹ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. С. 316.

время парламентских дебатов; на практике – оно не зависит нисколько от дебатов, но направляется волею предводителей и соображениями личного интереса. По теории, народные представители имеют ввиду единственно народное благо; на практике они под предлогом народного блага и на счет его, имеют ввиду преимущественно личное благо свое и своих друзей. По теории - они должны быть из лучших, излюбленных граждан; на практике - это наиболее честолюбивые и нахальные граждане. По теории - избиратель подает голос за своего кандидата потому, что знает его и доверяет ему; на практике - избиратель дает голос за человека, которого по большей части совсем не знает, но о котором натвержено ему речами и криками заинтересованной партии».²⁸² Таким образом, анализируя партийное и парламентское начала, К. П. Победоносцев называл их «великой ложью нашего времени», погубившими Западную Европу и поразившими «русские безумные головы».

Он отрицательно относился также к формированию правительства на партийной основе. Определяющим в принятии решения, как и у депутатов, становились не интересы народа, а партийный расчет, желание сохранить свою власть. «Величайшее зло в образовании министерства на парламентских или партийных началах. Каждая политическая партия одержима стремлением захватить в свои руки правительственную власть, и к ней пробирается».²⁸³ Такие понятия как: «свобода прессы», «конституционный строй», «общественное мнение» также подвергались К.П. Победоносцевым жесткой критике. Он считал, что периодика, претендующая в XIX веке на голос общественного мнения, вредна и губительна для читателя, так как разрушает его личность и толкает к необдуманным поступкам. Журналисты в поисках сенсаций и гонораров провоцируют общественные недовольства. К. П. Победоносцев называл их безответственными «паразитами», не всегда компетентными в вопросах, которые они ставят перед читателем. Журналисты специально приучают читающую

²⁸² Там же. С. 317.

²⁸³ Там же. С. 52-53.

публику к низкопробным публикациям, сплетням и предрассудкам, чтобы потом иметь на этом прибыль.

Изучая британский политический опыт, К. П. Победоносцев, пришел к выводу, что России вовсе не нужны партии и парламент. Он не видел для их становления на российской почве ни соответствующих традиций, ни тем более, социальных и политических условий. Восстание декабристов 1825 года на Сенатской площади, К. П. Победоносцев называл попыткой безумцев «аристократов-мечтателей», не знавших особенностей истории своей страны и народа, осуществить «британский идеал». «Страшно и подумать, что возникло бы у нас, – восклицал он, – когда бы судьба послала нам роковой дар – всероссийский парламент!».²⁸⁴ Политическая система, основанная на демократических принципах, была в его глазах типичным примером абстрактно-рационалистического конструирования, насаждавшегося в разных странах мира оторванной от исторических традиций общественной верхушкой и в силу этого обреченного на провал. «В социально-политической сфере, – полагал консерватор, – следует держаться унаследованных от предков порядков.»²⁸⁵ «Игре партий» и стремлению навязать их по английскому образцу, К. П. Победоносцев противопоставлял: традицию, «народный дух», особый ход российской истории, православную веру. В государстве с неограниченной монархической формой правления он видел залог стабильности, в государе – «отца нации», который относился к народу разумно как к своим детям. Во взглядах К. П. Победоносцева прослеживался патернализм. Дальнейший путь существования России мыслитель видел в самодержавии с учетом исторических особенностей, традиций, без порочных институтов демократии. Отрицая необходимость партий, выборов и представительных учреждений в целом, К. П. Победоносцев считал не возможным внедрение и развитие их в нашей стране. Устойчивое развитие России, без революционных потрясений, он видел в сохранении общественного спокойствия, самодержавия и православной вере. Подчеркивая успехи

²⁸⁴ Там же. С. 54.

²⁸⁵ Полунов П. А. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. С. 153.

Великобритании в процессе становления представительного правления и демократических институтов, он указывал на особые исторически сложившиеся национальные условия и традиции этого государства, авторитет элиты и ее управленческие навыки. Впрочем, К. П. Победоносцев приходил к неутешительным выводам. В письме к О. А. Новиковой он отмечал, что порядок британцев держится вопреки форме правления и сделками с ней, а также силой характера народного и исторического смысла. Но и у них он изнашивается.²⁸⁶

Против увлечения английскими порядками выступал также консервативный государственный деятель, председатель Совета министров с 1906 г. Петр Аркадьевич Столыпин (1862-1911). В своей программной речи произнесенной перед депутатами III Думы 16 ноября 1907 года он отметил, что «наши реформы, для того, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в русских национальных началах».²⁸⁷ К ним П. А. Столыпин относил силу и цельность царской власти, а также земщину - людей земли. Именно власть, по его мнению, является высшим благом, причем она не самоцель, а средство для охранения жизни, спокойствия и порядка.²⁸⁸ Упоминая о децентрализации и самоуправлении в государстве, П. А. Столыпин отмечал: «Могущественная Англия, конечно, дает всем остальным частям своего государства широкие права, но это от избытка сил; если же этой децентрализации требуют от нас в минуту слабости, когда ее хотят вырвать, и вырвать вместе с такими корнями, которые должны связывать всю империю, вместе с теми нитями, которые должны скрепить центр с окраинами, тогда, конечно, правительство ответит: нет!».²⁸⁹ В данном высказывании он указал на очевидные исторические различия между Россией и Англией. Остановившись в своей программной речи на «дарованном государем стране законодательном, новом представительном строе», П. А. Столыпин подчеркнул важность единства Думы, сильной царской власти и воли правительства. Он

²⁸⁶ Там же. С. 164.

²⁸⁷ Столыпин П. А. Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906-1911. М.: Молодая Гвардия, 1991. С. 110.

²⁸⁸ Семигин Г. Ю. Российские политико-правовые доктрины. М.: Мысль, 2005. С. 558.

²⁸⁹ Столыпин П. А. Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906-1911. М., 1991. С. 109-110.

считал, что к «нашим русским корням и к нашему русскому стволу нельзя прикрепить какой-то чужой, чужестранный цветок. Пусть расцветет наш родной русский цвет, пусть он расцветет и развернется под влиянием взаимодействия Верховной Власти и дарованного Ею нового представительного строя».²⁹⁰ Приверженность к русским историческим началам, по мнению П. А. Столыпина, должна была стать противовесом, с одной стороны, копированию западных политических институтов, с другой – разрастанию социализма.

На страницах консервативной газеты «Московские ведомости» также можно было встретить обсуждения и оценки российскими публицистами и учеными политической системы Великобритании и работы партий. «Государственные интересы Англии не подвергаются случайным катастрофам и, переходя из рук в руки или от одной партии к другой, не выбиваются из колеи. Они обеспечены непосредственным участием в них всех политических сил общества, составляющих громадную корпорацию, в которой все солидарны между собой во всем, что касается государственных и общественных интересов страны».²⁹¹ «Московские ведомости» рассматривали политическую систему Великобритании как слаженную и устойчивую, лишенную внутренних принципиальных противоречий. По мнению, данного печатного издания, именно британская двухпартийная система, состоявшая из либеральной и консервативной партий, периодически сменяющих друг друга у власти, обеспечивала необходимую стабильность и преемственность в политике. Особый акцент газета делала на незыблемости монархии в Великобритании даже в условиях принятия парламентских избирательных реформ. «Московские ведомости», в один голос, с идеологами консерватизма, отстаивая абсолютизм в России, убеждали читателя в невозможности принятия английской политической практики в отечественных условиях.

²⁹⁰ Там же. С. 111.

²⁹¹ Московские ведомости. 1865. № 219.

«Русский вестник» также подчеркивал успехи в эволюционной трансформации политической системы Великобритании, которая сумела адаптироваться к новым капиталистическим социально-политическим условиям. Однако журнал указывал на несовершенства английской модели. С его страниц слышалась критика в отношении избирательных реформ, проводимых партиями Великобритании в XIX веке. В них виделись угрозы подрыва прочности государства и традиционных устоев консервативного английского общества.

Таким образом, следует сделать вывод, что российская консервативная мысль второй половины XIX- начала XX в. находилась в идеологическом поиске. Перед консерваторами стояла острая задача найти такой путь развития России, который бы помог избежать социально-политических потрясений и отвечал бы потребностям модернизирующегося общества. Британский опыт в этом вопросе был действительно весьма интересен. Ведь уже к началу 70-х гг. XIX века в Великобритании произошла глубокая демократическая перестройка, сопровождавшаяся мощным реформированием некогда отживших политических порядков и институтов. Буржуазия, а также часть рабочих, представляющие собой наиболее активный электорат, были включены в избирательный корпус, что привело к дальнейшей демократизации политической системы. Центр государственной жизни был смещен в пользу представительного и законодательного учреждения Великобритании - палаты общин, которая состояла из двух мощных партий. Именно либералы и консерваторы в XIX веке определяли преемственный политический курс, конкурируя и соперничая друг с другом. Кроме того, кабинет министров, возглавляемый лидером большинства в нижней палате, теперь был ответственен перед парламентом.

Отечественные консерваторы, внимательно изучая британский опыт эволюционного развития, все же полагали, что Россия, испытывая на себе влияние особых обычаев и традиций, непременно должна развиваться своим путем, исключая заимствование западных форм и институтов. Защищая абсолютную монархию как форму организации власти, представители этого идейного

направления считали невозможным реализацию британского опыта в условиях российской действительности. Главную силу модернизации России отечественные консерваторы видели в монархической форме правления, опирающейся на сильную государственную власть. Влияние российской консервативной мысли, а также радикализация общественных настроений во многом способствовали смене внутривнутриполитического курса страны. В России в 80-90-е гг. XIX века наметился вектор отхода от либерально-буржуазных преобразований в сторону проведения контрреформ Александром III и консервации самодержавного режима. По мнению автора, в определенной мере этому способствовало обращение правящей элиты к оценкам и взглядам отечественных консерваторов.

2.3. Критика и неприятие британского государственного «образца» российскими радикалами

Социально-экономический кризис, неспособность государственной власти эффективно управлять обществом и решать общенациональные задачи, жесткая цензура и реакция способствовали появлению радикальных настроений в России во второй половине XIX века. Подъем развития радикально-демократического направления российской общественной мысли относится к 40-50 гг. XIX столетия. В нашем диссертационном исследовании мы обращаемся к таким его видным представителям как А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. Г. Чернышевский. В след за декабристами они рассуждали о необходимости смены формы правления в России, исследовали европейский конституционализм, опираясь на западные политические и философские учения. Стремясь найти способы уничтожения самодержавия и изменения социально-экономического строя, а также определить новые пути развития страны представители радикальной мысли обращались к британскому опыту преобразований. Исследуя становление и развитие английских партий, работу парламента и других политических институтов, они исходили из прагматических соображений изучения этих учреждений, анализировали целесообразность переноса их на российскую почву. В целом, в

трудах российских радикалов прослеживалось критическое отношение к парламентаризму и буржуазной демократии, перемены в стране они видели в революции, в коренной смене режима. Однако британский опыт постепенных ненасильственных государственных преобразований не мог не вызывать у них научного интереса.

Для идеолога народнического, «общинного» социализма Александра Ивановича Герцена (1812-1870) восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 года стало поворотным моментом в жизни. Он считал себя преемником декабристских идей, «разбуженным этим великим днем».²⁹² «Безмолвию, немому бездействию был положен конец; с высоты своей виселицы эти люди пробудили душу у нового поколения; повязка спала с глаз», - писал А. И. Герцен.²⁹³ Долгое время проживая в эмиграции, он активно занимался печатной антиправительственной пропагандой из за рубежа. Главным условием выхода из «николаевской рутины», важнейшим инструментом социальных преобразований А. И. Герцен считал «свободное русское слово», а первым шагом к освобождению личности от насилия - отмену цензуры как системы государственного контроля над печатным словом. «Теперь не токмо площадь, но книга, кафедра – все стало невозможно в России. Остается личный труд в тиши или личный протест издали».²⁹⁴ Выбирая последний, А. И. Герцен мотивировал это принципиально иным положением дел в Европе тем, что «несмотря на кровь и слезы, здесь разрешаются общественные вопросы...здесь страдания болезненны, жгучи, но гласны, борьба открытая, никто не прячется». «Я остаюсь, потому что борьба здесь открытая, потому что она здесь гласная. Где не погибло слово, - отмечал он, - там и дело еще не погибло. За эту открытую борьбу, за эту гласность – я остаюсь здесь; за нее я отдаю все...».²⁹⁵ В 1853 году в Англии А. И. Герцен основал Вольную русскую типографию, которая «стала убежищем всех рукописей,

²⁹² Герцен А. И. 1812-1825 // Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. М., 1975. С. 419.

²⁹³ Герцен А. И. 1812-1825 // Собрание сочинений в восьми томах. Т.3. М. 1975. С. 419.

²⁹⁴ Там же. С. 16.

²⁹⁵ Герцен А. И. Россия и Европа // Там же. С. 371.

тонищих в императорской цензуре, всех изувеченных ею»²⁹⁶ издавал альманах «Полярная звезда», а с 1857 года вместе с другом и соратником Н. П. Огаревым «Колокол». «Открытая вольная речь - великое дело, без вольной речи - нет вольного человека. Не даром за нее люди дают жизнь, оставляют отечество...», - писал он.²⁹⁷

Анализируя западные принципы организации политической системы, А. И. Герцен придерживался умеренно-критических взглядов на английские демократические свободы, а саму парламентскую систему называл «самым колоссальным беличьим колесом в мире». «Люди материка беспомощны перед властью, - считал мыслитель, - носят цепи, но не уважают их. Свобода англичанина больше в учреждениях, чем в нем, чем в его совести; его свобода в common law (обычном праве), Habeas corpus (законе неприкосновенности личности), а не в нравах, не в образе мыслей. Перед общественным предрассудком гордый бритт склоняется без ропота, с видом уважения».²⁹⁸ В письме Томасу Карлейлю, А. И. Герцен отмечал: «Я никогда не был горячим поклонником всеобщей подачи голосов. Она, как всякая форма, не связанная с необходимым содержанием, может быть хороша и дурна, может привести к результатам счастливым или совершенно нелепым».²⁹⁹ Деятельность буржуазного парламента в целом он видел бесплодной для народа, так как «дает движение и пределы, дает вид дела и форму общих интересов для достижения своих личных целей». Борьба за ограничение власти собственников, в облинии английских партий, выражала, по мнению А. И. Герцена, интересы не всех англичан. Правительство, опираясь на интересы средних слоев, было далеко от широких масс.

При этом размышляя об Англии, А. И. Герцен подчеркивал приверженность граждан этой страны своим давним традициям, устоям, верность которым укрепляет их политическую систему. «Есть страны, например Англия, где

²⁹⁶ Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне. А.И. Герцена и Н.П. Огарева. М., 1971. Кн. III.

²⁹⁷ Там же. 1857. Л. 1.

²⁹⁸ Герцен А. И. Былое и думы. Избранные сочинения в четырех томах. Т. 3. М., 1987. С. 204.

²⁹⁹ Там же. Т. 4. С. 309.

старики не так глупы, где они представляют преемственную и вековую мудрость государственную, это маститые защитники прав».³⁰⁰ А. И. Герцен отмечал общественную активность англичан, совмещенную с культом частной жизни. Следует отметить, что критикуя западную буржуазную демократию, вычлняя недостатки британской политической системы, А. И. Герцен проявлял уважительное отношение к английской конституции, ее прочности. Дальнейшее совершенствование партийно-политической системы Великобритании и государственного строя в целом он видел в активности народных масс и их борьбе с элитными сословиями - аристократией и буржуазией за политическое равноправие. В противном случае, считал мыслитель, неизбежно становление деспотического государства, в котором трудящиеся массы будут лишены доступа к правам и свободам. Движущую силу развития Великобритании он видел в народных массах.

Осмысление А. И. Герценом дальнейших путей развития России происходило в условиях глубокого изучения им западных цивилизаций. Представления исследователя о европейских государствах претерпевали значительные изменения в течение жизни. В период своего раннего творчества - до 1848 года - А. И. Герцен рассматривал западную цивилизацию как эталон политического и культурно-исторического развития. «Открытая ненависть к Западу, есть открытая ненависть ко всему процессу развития рода человеческого... вместе с ненавистью и пренебрежением к Западу - ненависть и пренебрежение к свободе, мысли, праву, ко всем гарантиям, ко всей цивилизации».³⁰¹ Однако постепенно восторженное отношение сменилось холодным скептицизмом, страхом перед тем будущим, которое ожидает Европу. Критика Запада отчетливо представлена в его произведении «Письма из Франции и Италии»³⁰², где мыслитель указывает на духовный кризис Европы, которая перестала быть образцом для подражания. А. И. Герцен пришел к выводу о

³⁰⁰ Герцен А. И. и Огарев Н. П. Газета «Колокол». Женева. 1868-1869: Переводы и комментарии. М., 1962. Вып.1. С. 29.

³⁰¹ Цит. по: Ерофеев Н. А. Туманный Альбион Англия и англичане глазами русских 1825-1853 гг. М.: Издательство «Наука», 1982. С. 80.

³⁰² Герцен А. И. Письма из Франции и Италии. Собр. соч. в восьми томах. Т.3. М., 1975. С. 5.

негативном влиянии Запада на другие страны. России, по мнению мыслителя, необходимо идти своим путем, отличным от европейского, который исчерпал возможности своего развития. По его мнению, каждый народ имеет свою специфику, обусловленную действием разнообразных факторов: политическая история, национальные традиции, самосознание, материальные, хозяйственные, демографические и экономические факторы. В «Былом и думах» он критиковал присущее российской элите - подражательство: «Мы до сих пор смотрим на европейцев, в том роде, как провинциалы смотрят на столичных жителей, - с подобострашием и чувством собственной вины, принимая каждую разницу за недостаток, краснея от своих особенностей, скрывая их, подчиняясь и подражая».³⁰³ А. И. Герцен считал, что России с присущем ей коллективизмом, используя сельскую общину, необходимо идти по не капиталистическому, отличному от европейского пути. По его мнению, русский крестьянин лишен частнособственнических инстинктов, так как вышел из общины. Этим он принципиально отличался от европейца. Идеал общественного развития видел в социализме без частной собственности и эксплуатации. Следует отметить, что мыслитель отрицательно относился к государственному строю России, видел необходимость кардинальных перемен, уничтожение прежнего режима вплоть до насильственной смены власти. Однако, несмотря на критический подход к оценке европейских политических институтов, А. И. Герцен признавал традиционность, устойчивость и уникальность британской политической системы.

Важное место среди приверженцев революционной демократии в России XIX столетия занимал близкий друг и сподвижник А. И. Герцена публицист, поэт Николай Платонович Огарев (1813-1877). «Я без него - один том недоконченной поэмы, отрывок, - говорил об Огареве А. И. Герцен»³⁰⁴. «Раз встретясь, наши жизни не могли не идти вместе»³⁰⁵, - писал о Герцене Н. П. Огарев. Несмотря на близость их социально-политических и философских убеждений, каждый сумел

³⁰³ Герцен А. И. Былое и думы. Избранные сочинения. С. 129.

³⁰⁴ Герцен А. И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 1. М., 1975. С. 160.

³⁰⁵ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения в двух томах. Т. 1. - М., 1952. С.6.

отстоять свое особое место в истории российской общественной мысли и освободительного движения. Отказавшись от привилегий дворянства, Н. П. Огарев был яростным критиком крепостничества, произвола, невежества чиновничества и самодержавия, защитником и идеологом крестьянских масс. В 1856 году вслед за соратником А. И. Герценом покинул Россию и инициировал создание нескольких радикальных печатных органов за границей. Н. П. Огарев, совместно с А. И. Герценом, издавал и был соредактором: «Колокола», «Полярной звезды», «Общего веча», «Под суд!». Будучи последовательным критиком буржуазной экономики и государственного строя стран Западной Европы, он отрицательно относился к возможному копированию европейских политических институтов в России. В первой статье «Русские вопросы» в 1856 г. Н. П. Огарев писал: «Дорого мы бы дали, чтобы Россия была избавлена от всех страданий западного развития: бесплодных кровопролитий, раздробления собственности, нищенства пролетариата, формально законных и человечески несправедливых судов, притеснений, позорного мещанского тиранства, лицемерия, и развивалась бы мирно путем вечно юной реформы».³⁰⁶ Идеалом общественно-политического устройства Н. П. Огарева был общинный социализм, который заключался в преувеличении роли крестьянской общины с ее самоуправлением и коллективной собственностью на землю. Осознавая необходимость борьбы за кардинальные перемены в России, стремясь найти новый путь ее развития и форму правления, он обращался к исследованию английского опыта устойчивого конституционного государственного строительства.

Н. П. Огарев отмечал сложившуюся, развитую свободу английского общественного мнения, неприкосновенность лица, собственности, дома, гласность законодательных собраний и суда. В Англии, по мнению мыслителя, исторически выработалось необходимое уважение к личности и ее имуществу. Однако, подчеркивал он, гражданская самостоятельность лица применима только

³⁰⁶ Огарев Н.П. Русские вопросы. Статья первая // Избранные социально-политические и философские произведения. Т. 1. М., 1952. С. 108.

для собственника. «Англия достигла и до уважения полной свободы лица умереть с голоду. Сосредоточенность землевладения сосредоточила и уважение к лицу только для собственника, - понятие чести только для собственника...Очевидно, уважение к лицу и собственности лордов действительное, а уважение к лицу наемщика земли мнимое, формальное».³⁰⁷ Отмечая, в целом, высокое гражданское развитие английской нации, Н. П. Огарев осуждал британский формализм и законодательство не учитывающие, что большинство населения не имеет необходимых материальных средств к независимости и свободе. «В экономическом отношении эта свобода мнимая, потому что большинство имеет право, но не имеет возможности на приобретение собственности».³⁰⁸

Н. П. Огарев отрицательно относился к английскому феодализму, который, по его мнению, отнял у народа землю и определил ее в руки немногих собственников. Среднее сословие и феодалы, сосредоточившие вокруг себя все движимое и недвижимое имущество, привели к обнищанию широких масс. Вместе с приобретением финансовой мощи, имущее меньшинство обеспечило себе и гражданские свободы. «Теперь интересы собственников дошли до того развития, - писал Н.П. Огарев, - что парламент, их представитель, сделался формальным собранием, никогда не составляющим действительной оппозиции администрации и позволяющим ей все, лишь бы она работала в смысле собственников».³⁰⁹ Мыслитель, таким образом, подчеркивал, что народные представители Англии выражали только интересы финансового меньшинства, а не широких народных масс. Такое положение вещей в свободной Англии, по мнению Н. П. Огарева, толкало население в чартизм, реальное отстаивание своих прав. Он критиковал излишний британский консерватизм, который в условиях роста социальных противоречий, крайней нужды большинства населения, едва ли может надеяться на «мягкость постоянной реформы». «Очевидно, что такое

³⁰⁷ Огарев Н. П. Русские вопросы. Статья третья Крестьянская община // Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952. Т. 1. С. 147.

³⁰⁸ Огарев Н. П. Ответ на письмо малороссийского помещика // Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952. Т. 1. С. 326.

³⁰⁹ Огарев Н. П. Русские вопросы. Статья третья Крестьянская община // Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952. Т. 1. С. 149-150.

положение народа невыносимо, и если не исправится путем реформы, то рано или поздно государство лопнет, как кратер».³¹⁰ Н. П. Огарев понимал, что даже последовательно, путем реформы, развивающееся английское государство не сможет избежать социального взрыва и кровопролития, если будет продолжать опираться на принципы феодализма, не справедливого распределения благ. Он, в отличие от представителей отечественной либеральной мысли, не видел необходимости один вид рабства в России – крепостничество, помещичья власть, бюрократия заменять на другой – западный - феодализм и буржуазный капитализм.

Н. П. Огарев считал, что соседское положение Европы и России вовсе не определило их единый общий путь движения. «Русская народная жизнь совершенно противоположна европейскому, английскому, немецкому, французскому обычаю».³¹¹ Высшее развитие среди европейских стран, по мнению мыслителя, принадлежит Англии. Ее становление основывается на юридическом закреплении и признании права собственности. В то время как Европа выработала выборное начало, для представительства в законодательных собраниях имущих слоев, оставив центральному правительству администрацию и назначение судей, Россия опиралась на не юридическое экономическое начало - общественной земельной собственности.³¹² Н. П. Огарев отмечал, что британская конституция определяла владычество буржуазии, которая вытеснила феодалов и ограничила привилегии монарха, она явилась результатом английской революции, следствием борьбы среднего сословия за свои права. Значимость английской конституции мыслитель видел в том, что она «выросла из состава целой исторической жизни олигархо - буржуазной республики с монархическими формами».³¹³ «Представительное правление - Королевский совет, существовавший на феодальных основаниях, - появилось в Великобритании в XIII веке, после

³¹⁰ Там же. С. 140.

³¹¹ Огарев Н. П. Второе письмо к инокку // Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952. Т. 2. С. 134.

³¹² Огарев Н. П. Письма к соотечественнику. / Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952. Т. 1. С. 361.

³¹³ Огарев Н. П. Расчистка некоторых вопросов. Конституция и Земский собор // Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952. Т. 1. С. 615.

подписания Иоанном Безземельным Великой Хартии вольностей. Постепенно совет превратился в парламент, который состоял из двух политических и экономических интересов— «главных баронов (*barones majores*)» и «меньших баронов (*barones minores*). Они отличались родом поземельной собственности и формой приглашения на заседание в парламент. К меньшим баронам присоединились все городские и посадские представители (*burgesses*)».³¹⁴ По мнению Н. П. Огарева, в Англии выработалось «два представимых элемента»— «собственность феодальная, поземельная, неотчуждаемая и собственность приобретенная...»³¹⁵ Этим он объяснял возникновение двухпалатного парламента. Первый его элемент - консервативный обусловил появление, опирающейся на старые традиции и отношения, верхней палаты лордов; второй элемент оказался более динамичным и восприимчивым к меняющимся социально-экономическим и политическим реалиям - палата общин.³¹⁶ Постепенное ограничение власти монарха и подчинение исполнительной власти парламенту, в большей степени, палате общин, способствовало поступательному развитию английской политической системы. Оставаясь по форме конституционной монархией, страна фактически получила правление кабинета, который нес политическую ответственность перед палатой общин. В этом нашло свое выражение разделение властей, отличавшее Великобританию от других государств.

Следует отметить, что в своих трудах Н. П. Огарев не давал отдельной характеристики английских партий, однако, его обращение к британскому конституционализму и парламентаризму определяло внимательное отношение мыслителя к ограниченной форме правления и системе сдержек и противовесов. Критикуя парламент Великобритании за формализм, Н. П. Огарев подчеркивал его социальную ограниченность. В связи с чем, следует иметь ввиду, и ограниченность представительства интересов английских партий. Вопрос о конституции в России Н. П. Огарев воспринимал как подражание Англии.

³¹⁴ Там же. С. 613-614.

³¹⁵ Там же. С. 614.

³¹⁶ Цит. По Минаев А. И. Британский парламентаризм и общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVIII- начало XX веков. Монография. ЗАО «ПРИЗ», Рязань-Москва. 2008. С. 211.

Осознавая отсталость и необходимость реорганизации отечественной политической системы, разочаровавшись в реформах Александра II, он не исключал возможности дальнейших радикальных преобразований «снизу». Его политическим идеалом было объединение самоуправляющихся народов в единую федерацию демократических республик.

Одним из видных представителей радикального направления общественной мысли России по праву является Николай Гаврилович Чернышевский (1828-1889). Он вслед за А. И. Герценом и Н. П. Огаревым был приверженцем теории «общинного социализма» и последовательным критиком западного либерализма и буржуазной демократии. Изучение политических и экономических особенностей развития стран континентальной Европы, во многом было связано со стремлением найти верные методы преобразований в своей стране, что проявлялось в его сопоставлении России и Запада. Н. Г. Чернышевский отмечал: «...уже очень много лет наша судьба связана с судьбою Западной Европы и каждое важное событие в ней отражается на нас».³¹⁷ Он подчеркивал, что ни один образованный человек не может считать страны Запада «земным раем», так как в них «очень много хорошего, но с тем вместе и очень много дурного».³¹⁸ В соответствии с последним заключением мыслителя и выстраивались его представления об английской партийно-политической системе. Н. Г. Чернышевский видел устойчивость британских политических институтов в их традиционности и разумности законов. «Кроме Англии, - писал он, - ни одно из государств Западной Европы не могло бы сохранить своего настоящего устройства, если бы не опиралось на военную силу».³¹⁹ Особое внимание он уделял развитости английского общественного мнения, которое прослеживалось на митингах, в прессе, в петициях и парламенте. Общественное мнение заставляло политиков с ним считаться, не позволяя бесконтрольно распоряжаться государственными делами. Однако мыслитель не идеализировал английские

³¹⁷ Чернышевский Н. Г. Собрание сочинений. Т. II. М., 1974. С. 246.

³¹⁸ Там же. С. 655.

³¹⁹ Чернышевский Н. Г. Экономическая деятельность и законодательство. Собрание сочинений. Т. IV. М., 1974. С. 433.

политические институты, а напротив, подвергал их серьезной критике. Анализируя британский опыт партийно-политического строительства, он называл «парламентской комедией» работу палаты общин, которая, из-за порочности избирательной системы, никогда не представляла интересы всей нации. Н. Г. Чернышевский осуждал систему шантажа и коррупции на выборах в английский парламент. «Наглым бесстыдством» называл прямой подкуп избирателей, производившийся из средств, собранных сторонниками партии тори - на так называемое покрытие издержек по выборам. При такой избирательной системе и распределении депутатов, решение партий и мнение нации, - полагал Н. Г. Чернышевский, - две различные вещи.

В своих трудах он критиковал английскую партийную систему на предмет несправедливого представительства только лишь привилегированных слоев общества. Она, по его мнению, не выражала интересы рабочих и являлась исключительно буржуазной. «Всеобщим избирательством дается власть обскурантам и реакционерам», - писал мыслитель. Не только в самодержавных государствах, но и Англии и Соединенных Штатах правительство может издавать множество законов и распоряжений, не зависимо от народного желания или участия, встречая одобрение или осуждение только в партиях высшего и среднего сословий». ³²⁰ Состязательность вигов и тори, по заключению мыслителя, представляла собой только видимость борьбы, английские партии выступали за реформы только в формальных мелочах. Что же касается основных черт существующего строя, то здесь обе стороны изменения полагали вредными.

В историческом очерке «Нынешние английские виги» Н. Г. Чернышевский дал подробный анализ эволюции и идейной направленности вигизма. Он отмечал, что в XVII веке парламентская группировка «виги» включала в себя людей, желающих ограничить власть короны и «утвердить господство парламента в управлении Англии». Их идейной основой, полагал Н. Г. Чернышевский, стал либерализм, а политическим противником тори, которые «со времени Каннинга стали парламентаристами». Мыслитель писал, что за последние годы Англия

³²⁰ Там же. С.10.

превратилась в конституционную монархию, в которой главным политическим институтом был двухпалатный парламент, состоящий из палаты лордов и палаты общин. «Законодательная власть вся принадлежит двум палатам или, точнее сказать, почти исключительно палате общин. Палата лордов не имеет силы останавливать ни одного важного решения палаты общин и может лишь затягивать неважные дела».³²¹ Необходимое прежде утверждение парламентских актов королевской властью превратилось в формальность. Теперь партия, набравшая большинство в палате общин, решала каким будет новое министерство. В результате смещения центра силы в политической системе в сторону палаты общин произошла перегруппировка и в партийных рядах. «Прежде либеральная партия соединялась надобностью бороться против тори для устранения из английского устройства элементов, несогласных с конституционным правлением. Теперь тори стали такими же усердными приверженцами его, как и либеральная партия, и ей представлялось два выбора: или успокоиться на упрочении порядка, утверждение которого было прежде главной целью ее усилий, или обратить свои заботы на достижение других целей, заботиться о которых не было ей досуга прежде».³²² «Такова сущность нынешнего английского вигизма: быть прогрессивным в мелочах, не имеющих важности в государственной жизни; быть консервативным во всем важном».³²³ В результате, по мнению Н. Г. Чернышевского, либеральная партия раскололась на сторонников «прежних стремлений, которые были упрочены парламентскою реформою 1832 года» - вигов и радикалов, стремящихся к «совершенствованию новых форм». «...Нынешние виги и радикалы еще сохраняют между собой многие связи, но по существующим отношениям они расходятся друг с другом гораздо больше, чем нынешние виги с нынешними тори».³²⁴ Н. Г. Чернышевский относил вигов к консерваторам, а в перегруппировке политических сил все его симпатии были на стороне реформаторов - Д. Брайта, Р. Кобдена, У. Гладстона и

³²¹ Чернышевский Н. Г. Нынешние английские виги // Собрание сочинений в пяти томах. Т. V. М., 1974. С. 184.

³²² Там же С. 185.

³²³ Там же С. 185-186.

³²⁴ Там же. С. 187.

Р. Пиля. Тори в отличие от либералов, отмечал мыслитель, никогда не противоречат сами себе и не изменяют своему образу мыслей.

Близость идейных воззрений обеих партий, по мнению Н. Г. Чернышевского, прослеживался также в желании сохранить существующий строй в Англии. Примером тому, может быть проведенная в 1832 году избирательная реформа, которая устраивала обе политические силы и вызывала у него много нареканий за частичное удовлетворения интересов граждан, ее буржуазный характер. Мыслитель подчеркивал, что введение всеобщего избирательного права не произошло, билль 1832 года носил ограниченный, компромиссный характер между аристократией и буржуазией, с целью объединения последних против активизации широких народных масс. «Даже после избирательной реформы 1832 года, - пишет Н. Г. Чернышевский, - проведенной в «жалком размере», «палата общин по-прежнему осталась представительницею почти одного только аристократического интереса».³²⁵

Как отмечала М. П. Айзенштат: «Чернышевский выступал сторонником решительных, глубоких перемен в социально-политической сфере. В 1859 году он пристально наблюдал за прениями. Будучи убежден в близком проведении новой парламентской реформы в текущей сессии парламента».³²⁶ В вопросах обсуждения новой парламентской реформы, подталкиваемой общественным мнением, между партиями не было существенных расхождений. «Сравнив проект вигов с торийским, мы не найдем между ними большой разницы...в основных чертах проект вигов был сходен с торийским. Мало того ход парламентских прений обнаружил, что виги обманывали сами себя...свой собственный проект они защищали очень холодно, охотно поддавались торийской тактике, замедлявшей ход прений о нем, и бывали принуждаемы формально признаваться, что предлагают форму лишь по внешнему настроению, а не по собственному стремлению. Точно так же, как и тории, они вынуждены были прийти к этой неприятной уступке лишь тяготением общественного мнения, возбужденного

³²⁵ Там же. С. 11.

³²⁶ Айзенштат М. П. Н. Г. Чернышевский об Англии и англичанах [Электронный ресурс] // История РФ. Федеральный портал. URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/book>. <http://histrf.ru/ru/biblioteka/book>

радикалами 1858 года, и, подобно тори, с радостью бросили неприятное дело, когда общественное мнение, развлеченное заботами о внешних отношениях, перестало вынуждать реформу. Во всех важных вопросах внутренней политики, как в вопросе о парламентской реформе, нынешние виги - такие же консерваторы, как и тори; обе партии прежде враждовавшие, сходятся теперь во всем существенном».³²⁷

Будучи представителем радикального крыла общественной мысли России, Н. Г. Чернышевский исследуя британскую партийно-политическую систему, считал английских радикалов слабыми в палате общин, имеющих на своей стороне небогатую часть среднего сословия и всех тех, кто хотел бы изменения существующего порядка. В идеологии английских партий, как было отмечено выше автором диссертационного исследования, он не видел принципиальных различий, а отмечал стремление обеих сил сохранить режим и не допустить к политической жизни широкие слои населения. Н. Г. Чернышевский считал, что буржуазная демократия, это не только демагогия и обман масс, но и несправедливое жесточайшее насилие по отношению к последним. «В Соединенном королевстве Великобритании и Ирландии считается около 7 млн. взрослых мужчин. Из них до сих пор только одна шестая часть, немногим более 1 млн. человек, пользуется правом подавать голос на выборах».³²⁸ В 1859 году Н. Г. Чернышевский указывал, что «хартисты, радикалы и манчестерская школа солидарны в том, чтобы каждый взрослый англичанин без всякого различия состояния сделался избирателем».³²⁹

Недостатки партийно-политической системы Великобритании он видел также в противоречиях избирательного права XIX века, неравномерности представительства в избирательных округах и представительства от городов. «59 городов, имея всего 20076 избирателей и всего населения не более 373 тыс., посылают в парламент 89 депутатов, между тем как Ливерпуль, один, имеющий большее число жителей и избирателей, нежели все они вместе, назначает только

³²⁷ Там же. С. 186-187.

³²⁸ Чернышевский Н. Г. Политика // Современник. Полн. собр.соч. Т.6. М., 1949. С. 42.

³²⁹ Там же. С. 43.

двух депутатов».³³⁰ Н. Г. Чернышевский считал, что обязанность члена палаты общин отнимает чрезвычайно много времени, что требует назначения им жалования. Подобная мера помогла бы стать депутатами многим людям без состояния, но дорожающим своей независимостью.³³¹

Следует отметить, что интерес Н. Г. Чернышевского к британской партийно-политической системе и европейским политическим институтам в целом во многом был обусловлен поиском российскими радикалами эффективных путей реорганизации государственного строя в России. Англия, в которой необходимые преобразования, пусть и ограниченные, проходили без коренной ломки режима, безусловно, привлекала внимание мыслителя. Однако придерживаясь идеи радикальных революционных способов политических изменений, критически оценивая английский реформизм и работу партий, Н. Г. Чернышевский выступал против восприятия Россией британского государственного образца.

Изучение радикального направления отечественной общественно-политической мысли XIX века требует обращения к материалам первой русской бесцензурной политической газеты «Колокол», издаваемой А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в Вольной русской типографии Лондона в течении десяти лет (1857-1867 гг.). На его страницах размещалась острая критика царизма и крепостничества в России, информация о недовольстве широких народных масс существующим режимом, а также сопоставление британской и российской политических систем, что представляет собой интерес для данного диссертационного исследования. Газета отправлялась в Россию через сеть тайных корреспондентов, являлась неотъемлемым элементом освободительной борьбы середины XIX в., объединяла вокруг себя представителей радикального крыла мнений и воздействовала на формирование революционного мировоззрения. «Наша речь- свободное русское слово раздаётся в России, будит одних, страшает

³³⁰ Там же С. 40-41.

³³¹ Минаев А.И Британский парламентаризм и общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVIII – начало XX веков. С. 203-204.

других, грозит гласностью третьим. Свободное русское слово наше раздается в Зимнем дворце - напоминая, что сдавленный царь взрывает машину, если не умеет ее направить».³³² Несмотря на правительственный запрет газеты, спрос на «Колокол» был велик. Сами издатели объясняли такой интерес общественности постепенным «пробуждением» мысли в России, выходом страны из тридцатилетнего застоя николаевского правления. В подтверждении этому, в первом выпуске газеты «Колокол» 1 июля 1857 года мы находим следующие строки: «Мы не можем возвратиться к застою; мысль будет деятельнее...все в движении, все потрясено, все натянуто...из России потянуло весенним воздухом».³³³ Под псевдонимом «Р.Ч.» на страницах газеты Н. П. Огарев сравнивал пробуждение общественного мнения и одновременное брожение умов в России с выходом тяжелого больного из долгого болезненного сна. Одним из проявлений этой «болезни» он считал, привитое режимом Николая I, лакейство, а именно - раболепие перед Западом и правительством. «Бугор почтительности слишком развился во время мозговой болезни николаевского царствования...ни в поклонничестве Западу, ни в поклонничестве русской старине, - пишет Н. П. Огарев,- не вижу русского мнения. Русское мнение вызовется своими данными, не зависимо от каких бы то ни было идеек».³³⁴ Таким образом, осознавая, что Россия при новом царствовании Александра II, неизбежно пойдет по пути идеологического и организационного поиска новых форм устройства государства, решения насущных социальных и экономических проблем, Н. П. Огарев на страницах «Колокола», предостерегал нашу страну от совершения прежних ошибок и бездумного копирования европейского опыта. «От того, что Карлзэиль знаменитый английский писатель, то русский человек даже не дерзает иметь о нем неблагоприятное мнение! Вот это то и страшно, что нам трудно сделаться людьми свободными, от того, что в нас есть потребность раболепия. Есть английский министр Пальмерстон - о! великий человек! Поклоняйтесь! Есть

³³² Колокол. 1857. №1. С. 3.

³³³ Там же. С. 2.

³³⁴ Там же. С. 3-4.

знаменитый писатель Карлэйль: поклоняйтесь!»³³⁵ Н. П. Огарев, отстаивая английскую традицию и право свободно высказывать свое мнение и убеждения, как высшее достоинство человека, в то же время, критиковал британскую социально-экономическую основу государства. «Европа гибнет не от революций и не от Наполеонов, а от частного землевладения», - писал он.³³⁶

Продолжая мысль о необходимости перемен в России «Колокол» отмечал, что ей необходимо постараться избежать кровопролитной революции, учесть достоинства и недостатки западных преобразований, «пережить их мыслью» и двигаться в своем направлении. В качестве примера такого поступательного движения может служить английский опыт. Во многом благодаря «правительственному такту ториев и вигов, их умению упираться пока можно и уступать, когда время пришло», Великобритании удалось совершить огромные перемены в стране и колониях «с обычным флегматическим покоем и в совершенной тишине».³³⁷ На страницах «Колокола» в статье «Революция в России» подчеркивалась важность уступок общественному мнению со стороны английской правящей элиты: «Так как Роберт Пилль - переходом своим на сторону свободной торговли, одержал экономическое Ватерлоо, для правительства; так одно из будущих министерств вступит в сделку с чартистами и даст интересам работников - голос и представительство».³³⁸ В первые годы выхода газеты 1857-1858 гг. на страницах прослеживалась мысль о совместных усилиях выхода из кризиса власти и общества, едином понимании этой острой необходимости. В этих условиях обращение к опыту трансформации английской партийно-политической системы, британского избирательного права, привлечения новых социальных слоев к участию в государственных делах было актуальным для российской общественной мысли. Англия представлялась радикальным «Колоколом», как государство с вековой мудростью с

³³⁵ Там же. С. 4.

³³⁶ Там же. С. 5.

³³⁷ Колокол. 1857. № 2. Л. 1.

³³⁸ Там же Л. 1.

последовательным нравственным развитием в своих исторических формах, «где все служащие в общественных должностях подлежат суду гласности».³³⁹

Однако по мере разочарования в буржуазно-либеральных, половинчатых реформах Александра II, усиления социальных противоречий и недовольства широких народных масс, рос и скептицизм к характеристике английской политической системы. Автор статьи «Колокола» «Западные книги» упоминал об английском авторе Ч. Нэмире, который в своих «Записках и письмах» подчеркивал значимость чартизма и видел в нем британское будущее. К современным британским политическим деятелям и партиям, которые попеременно стояли у руля Англии, относился с резкой критикой. «Тори, - говорил он, - это грабители на больших дорогах, разбойники, а виги, воришки, в маленьких переулках – pick-pockets».³⁴⁰ В «Колоколе» от 1 февраля 1858 года Н. П. Огарев в статье «Русские вопросы»- «Крестьянская община» отмечал разность в социально-экономическом устройстве общинной России и собственнической Англии, подчеркивая несправедливость сосредоточения всей земли в руках аристократии и буржуазии. Такой порядок вещей неприемлем для нашей страны, считал он, так как неминуемо ведет к социальному взрыву. Кроме того, общее разочарование в реформистских процессах в России, способствовало тому, что все чаще на страницах газеты стала встречаться критика излишнего английского консерватизма. Конституционная монархия Англии «кристаллизовалась в какой-то консервативный китаизм и едва ли ей теперь доступна благоразумная мягкость постоянной реформы...упорство английского консерватизма готовит стране будущность невообразимых ужасов».³⁴¹ Под последним понималось несправедливое сосредоточение всех привилегий в руках меньшинства. Подчеркивалось, что даже свобода мнений, печати, доступ к науке, образованию, административным, судебным, военным должностям определялось в Англии уровнем достатка.

³³⁹ Колокол. 1857. № 4. С. 31.

³⁴⁰ Колокол. 1857. № 6. С. 48.

³⁴¹ Колокол. 1858. № 8. С. 63.

Однако, несмотря на имущественный цен, пронизывающий все сферы общественной жизни, социальные противоречия и антинародную социально-экономическую систему, представители радикального крыла российского общественного мнения видели в Великобритании самую развитую европейскую страну с неоспоримыми политическими свободами. В подтверждении этому, на страницах «Колокола» А. И. Герцен указывал на английский внутривластный либерализм в прессе. «Перелистуйте лондонский Пунш, посмотрите на политические карикатуры его, в которых всего меньше пощажены муж королевы – что же делает Виктория, что делает Альберт – глядят Пунш и смеются с другими. Вот лучшее доказательство как совершеннолетна Англия».³⁴² В этом же номере газеты от 1 февраля 1858 мы находим характеристику Великобритании как единственной свободной страны в Европе. «Колокол» писал: «Бельгийский журнал «Le Nord» требовал высылки иностранцев из Англии...требовал диких полицейских мер от свободной страны. Лучше организованной полиции как в Лондоне и в Англии, не существует в мире... Она только не ловка в политических преследованиях, ей не было случая развиваться в них».³⁴³ «Англия страшное бельмо на глазу у всех континентальных властей...Лондон - открытая гавань всем спасающихся от оргии деспотизма...».³⁴⁴ 1 марта 1858 года А. И. Герцен на страницах «Колокола» в ответ на критику Англии газетой «Русский инвалид» писал: «Англия единая страна, где есть справедливость. А вы будете ей давать советы, объявлять неудовольствие, вы, не имеющие ни прав, ни законов; вы, которые не можете дойти до того, чтоб судьи не были воры, чтоб дворяне не брали за свое знамя - розги, чтоб квартальные не дрались по улицам? Учитесь лучше у Англии, да занимайтесь своим делом!»³⁴⁵

Следует отметить, что, проанализировав выпуски «Колокола» за период с 1857 по 1867 гг., автор диссертационного исследования пришел к выводу, что на его страницах нет подробного анализа работы британских партий. В газетных

³⁴² Там же. С. 66.

³⁴³ Колокол. 1858. № 17. С. 139.

³⁴⁴ Колокол. 1858. № 8. С. 66.

³⁴⁵ Колокол. 1858. № 10. С. 82.

статьях и заметках встречались лишь обобщенные представления издателей и корреспондентов об английской политической, экономической и общественной жизни. Великобритания представлялась российским радикалам как развитая европейская страна с социально-экономическими контрастами и, чуждыми России, политическими свободами. Кроме того, на страницах «Колокола» прослеживалось сравнение российской и британской политических систем, анализ возможности восприятия английского опыта государственного строительства. В апреле 1862 года в «Колоколе» было опубликовано следующее: «Хотя конституция на манер английской неприложима к России и не удовлетворяет наших желаний, однако мы и ей, как движению вообще были бы рады...но мы не верим, что правительство согласится на конституцию...Самые реформы свои оно совершает старым бюрократическим порядком, посредством чиновников и полиции».³⁴⁶

Критическое неприятие английского внутривнутриполитического опыта отчетливо прослеживалось и в среде последователей революционных демократов – идеологов левых партий России начала XX века. Представитель народничества, лидер эсеров Чернов Виктор Михайлович (1873-1952) видел необходимость построения «конструктивного социализма», предусматривающего воспитание личности, развитие сельскохозяйственной кооперации и прогрессивной эволюции сельской общины в коммуну. Он полагал, что не уничтожение государства, а разделение властей и плюрализм положат начало новому обществу.³⁴⁷ В. М. Чернов выступал за создание демократической республики в России, уничтожение частной собственности помещиков и утверждение демократических свобод, отстаивал идею «социализации земли» и распределения ее на основе уравнительного землепользования.

Используя социально-экономический и сравнительно - исторический анализ, в труде «Типы капиталистической и аграрной эволюции» (1900) он выделял особые условия существования Англии, которые способствовали ее

³⁴⁶ Колокол. 1862. № 127.

³⁴⁷ Семигин Г. Ю. Российские политико-правовые доктрины. Отв. ред.: Н. М. Золотухина, И. А. Исаев. М.: Мысль, 2005. С. 575.

интенсивному и благоприятному развитию. Островное положение, прочные торговые связи и внешняя безопасность оказывали косвенное влияние на формирование гордого и энергичного характера британца. Ранний промышленный переворот способствовал постепенному развитию капитализма, построению отношений между классами на основе взаимных уступок. В.М. Чернов отмечал отсутствие крайней радикализации трудящихся в Англии. Буржуазия представляла собой крупнейшую культурно-политическую силу и отличалась, по его мнению, творчеством и идейностью. «Персонифицируя все блага промышленного расцвета она более чем где либо могла здесь отождествлять свои интересы с интересами всей страны...английская буржуазия прежде всего отличается одним качеством – солидностью. Она преисполнена спокойным сознанием силы и чувством собственного достоинства. Ее моральное влияние, прочные корни, которые пущены в экономической жизни страны, образованность и культурность – все заставляет твердо держаться за свободные учреждения».³⁴⁸ Английская буржуазия, по мнению В. М. Чернова, обладала необходимым политическим хладнокровием и сознательно следовала на уступки времени. «Ей чуждо лихорадочное стремление отчаянного игрока поставить всю свою судьбу в зависимость от одной шальной ставки. Нет, политическая игра английской буржуазии - игра серьезная, обдуманная и осторожная; поистине, нигде в такой степени не оценено значение компромисса, как в Англии».³⁴⁹

Важное место в жизни страны принадлежало также поземельной аристократии, которая, в условиях развития капитализма, продолжала удерживать свое социально-политическое влияние. Исторически сложившийся антагонизм между крупной аристократией и буржуазией, и как следствие, соперничество между тори и вигами стратегически вынуждало обе стороны привлекать на свою сторону рабочих. «И те и другие должны были заигрывать с рабочим классом...При этом естественно, что тори, действуя в подрыв вигам, выдвигали на первый план развитие фабричного законодательства, а виги - мстили аграриям

³⁴⁸ Чернов В.М. Типы капиталистической и аграрной эволюции // Русское богатство. 1900. № 4. С. 145.

³⁴⁹ Там же. С. 145-146.

– тори, принимая под свое покровительство «бедного земледельческого рабочего». В этом антагонизме заключается не последний двигатель всего английского прогресса». ³⁵⁰ Качественно отличавшийся от всех европейских стран высокий уровень буржуазно-капиталистического и политического развития Англии В. М. Чернов находил в историческом соперничестве классов - собственников.

Следует отметить, что он в журнале «Русское богатство» в октябре 1905 года подчеркивал, что у английских партий есть чему поучиться, предостерегал от возможных ошибок «при самом искреннем и усердном стремлении воспользоваться чужим опытом, позаимствоваться чужим умом». ³⁵¹ Постепенное развитие капитализма в Великобритании и эволюция политической надстройки подвергались тщательному анализу мыслителя, который приходил к заключению, что «гладкий и ровный путь развития» есть результат сочетания особых естественно - исторических, социальных и политических условий, которых не было в России. В. М. Чернов отрицал необходимость для России брать за образец в экономическом и политическом развитии какие-либо «кабинетные доктрины» и опыт стран, ушедших в эволюции далеко вперед. Великобританию он относил к странам первого типа капитализма, Россию - к догоняющим на начальной стадии. Сравнительно-исторический метод исследования, использованный В. М. Черновым для изучения систем хозяйствования, привел мыслителя к заключению о нецелесообразности использования английского внутривнутриполитического опыта в российских реалиях. «Мы одностороннее прилепляемся всеми своими помышлениями к опыту, может быть, более яркому и блестящему, но зато не достигаемому, далекому». ³⁵² Уровень и условия развития Великобритании и России он считал несоизмеримыми.

³⁵⁰ Там же. С. 146.

³⁵¹ Чернов В.М. К характеристике общественных движений отсталых стран // Русское богатство. 1905. № 10. С. 121.

³⁵² Там же. С. 121.

С критикой буржуазного государства и общества обрушивался и лидер радикального крыла социал-демократической партии, большевик Владимир Ильич Ленин (1870-1924). В государстве он видел воплощение социальной несправедливости, политического господства доминирующего класса - буржуазии над другими классами. В. И. Ленин отстаивал идею «диктатуры пролетариата», насильственного уничтожения буржуазного государства и его аппарата, строительство надклассового общества. В английской политической системе В. И. Ленин видел эксплуатацию меньшинства над большинством. Систему разделения властей, расширение избирательного права и демократию он считал идеологическими уловками для широких народных масс, способами отвлечения от революционной борьбы. В большевистской газете «Новая жизнь» 18 ноября 1905 г. в заметке «Учитесь у врагов» В. И. Ленин приводил пример Англии, «где классовая борьба пролетариата с буржуазией идет везде и шла всегда, причем пролетариат все же остался разрозненным, его избранники подкупались буржуазией, его сознание развращалось идеологами капитала, его сила расплывалась отпадением аристократии рабочих от рабочей массы».³⁵³ Однако, отмечая полную свободу существования партий в Великобритании, он полагал, что английским социал-демократам удастся в противовес буржуазным силам набраться самостоятельности в политической жизни.

Своими непримиримыми соперниками российские большевики считали либералов (кадетскую партию). В. И. Ленин критиковал их за отстаивание реформизма - обман рабочих, которые остаются обессиленными пока зависят от буржуазии и получают от нее подачки. В газете «Правда труда» от 12 сентября 1914 года он писал: «Опыт всех стран показывает, что, доверяясь реформистам, рабочие всегда оказывались одураченными. Реформисты есть во всех странах, ибо везде буржуазия старается так или иначе развратить рабочих и сделать их довольными рабами, отказывающимися от мысли об уничтожении рабства».³⁵⁴

Данная точка зрения В. И.Ленина, по мнению автора диссертационного

³⁵³ Ленин В. И. Учитесь у врагов. Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1979. С. 118.

³⁵⁴ Ленин В. И. Марксизм и реформизм. Полн. собр. соч. Т.23. М., 1979. С. 394-396.

исследования, распространялась и на эволюционный опыт Великобритании. В.И. Ленин отмечал, «что буржуазные взгляды проводятся на деле и нашими либералами, которые проповедуют перенесение в Россию европейской конституции без того своеобразного пути, который на Западе привел к созданию конституций и к их упрочению в течение поколений, иногда даже в течение веков. Ликвидаторы и либералы хотят, как говорится, вымыть шкуру, не опуская ее в воду».³⁵⁵ В британской политической системе В. И. Ленин видел, прежде всего, инструмент господства крупных собственников. Отрицая опыт английского буржуазного государственного строительства, обвиняя либерализм в «погоне за мандатами», он подчеркивал необходимость становления в России «диктатуры пролетариата» и дальнейший переход к коммунизму.

Таким образом, следует сделать вывод, что радикальное направление общественной мысли рубежа XIX - начала XX в. в России не идеализировали политическую систему Великобритании, относились к ней с критикой. Они обличали пережитки феодализма, а в существовании партий находили формализм и социально-классовую ограниченность, представительство не всего общества, а богатого меньшинства. По мнению радикалов, внутривнутриполитической стабильности Англии на протяжении всего XIX века угрожала быстрыми темпами развивающаяся промышленность, наличие несправедливого экономического начала - частной собственности и, как следствие, роста социального расслоения граждан и противоречий между ними. Отмечая острую необходимость найти новую форму правления для России, освободить ее от крепостного гнета, изжившей себя системы самодержавия и бюрократизма, представители радикального крыла общественной мысли особенно указывали на важность провозглашения в стране гласности и гражданских свобод. Примером для них в этом вопросе была Англия, которая сумела путем реформ и последовательных уступок со стороны власти включить в политическую жизнь новые социальные слои, узаконить незыблемые права и свободы личности. Однако, отмечая,

³⁵⁵ Там же. С. 396.

разность исторических путей развития России и Великобритании, их социально-экономического строя и политических традиций, радикалы отрицали возможность копирования британских институтов. Они видели революционный путь дальнейших преобразований в стране.

Заключение

Появление первых парламентских группировок в Великобритании в конце XVII-XVIII в. стало следствием изменений, происходивших в английской политической системе, связанных с закреплением конституционной формы правления, провозглашением принципа парламентаризма, усилением нижней палаты парламента – Палаты Общин. Виги и тори представляли собственнические наследственные узкоклановые интересы, не отличались организационным единством и партийной дисциплиной, не имели выборных органов и организаций вне парламента. Выборы в парламента проходили формально под влиянием местных лордов в условиях отсутствия давления общественного мнения. Вплоть до начала XIX века в Великобритании существовала избирательная система с непропорциональным представительством, «карманными» и «гнилыми» местечками, с земельным цензом для электората и отстранением от участия народных масс в государственных делах. Палата общин представляла собой господство аристократии, а парламентарская деятельность вигов и тори не столько ориентировалась на политические интересы, сколько отстаивала личные амбиции представителей британской политической элиты.

Коррективы и изменения в прежний порядок вещей неизбежно внес мощный промышленный подъем в Великобритании в конце XVIII- начале XIX в. Активное развитие мелкого и среднего предпринимательства, рост городов способствовали ускорению процесса формирования буржуазных слоев, включавших в себя широкие собственнические круги и городскую интеллигенцию. В связи с чем, в Великобритании начали нарастать противоречия между динамично развивающейся экономикой страны, прочно вставшей на путь утверждения буржуазных отношений, и архаичной политической системой. Финансово окрепшая буржуазия в начале XIX века стала претендовать не только на ведущую роль в экономической жизни, но и активно добиваться политической власти, требуя реформирования избирательного права. Следует отметить, что она, отказавшись от создания новой политической силы, решила действовать и

отстаивать свои права в рамках существующих государственных реалий. Наиболее гибкой и чувствительной к социально-экономическим переменам оказалась партия вигов. Виги первыми оценили возрастающую роль буржуазии и необходимость включения ее в общественно-политическую жизнь страны. Именно эта партия сумела сохранить политическую волю и возглавила движение за реформирование английского парламента.

XIX век стал временем серьезных перемен, совершенствования двухпартийной системы Великобритании, включения в политическую жизнь новых социальных слоев и, как следствие, временем борьбы за расширение избирательного права. Билль 1832 года оказал непосредственное влияние на дальнейшее внутривнутриполитическое и конституционное развитие страны, трансформацию ее партийной системы. В борьбе за принятие реформы парламентские группировки виги и тори превратились в мощные партийные силы - либеральную и консервативную соответственно. Продвижение билля осуществлялось на основе их взаимных уступок, путем отказа от крайних требований. Заслугой английских партий являлся тот факт, что острые дискуссии по вопросу принятия реформы они сумели свести в рамки парламентской системы и традиций. Билль 1832 года подтвердил возможность успешной адаптации партийно-политической системы Великобритании к изменившимся капиталистическим условиям, был достигнут буржуазно-аристократический компромисс, который способствовал разрушению прежней социальной замкнутости, перераспределению мест в парламенте и расширению избирательного права в интересах буржуазии. Реформа 1832 года положила начало перехода от средневекового избирательного принципа равного представительства от корпоративных единиц к новому демократическому принципу представительства от количества населения. У партий в условиях нарастания конкурентной борьбы и усиления общественного мнения появилась потребность бороться за голоса избирателей и заботиться об эффективности проведения предвыборной кампании. Важнейшую роль в выражении интересов и требований либералов и консерваторов играла печать, появились такие новые

избирательные приемы как агитация, поездки по стране, предвыборные митинги, обращения лидеров к электорату, которые способствовали подъему политической активности населения. Теперь партии, опираясь на более широкие слои населения, увеличив за счет представителей буржуазии свой социальный состав, претендовали на роль выразительниц интересов нации.

Дальнейшие шаги по пути демократизации и расширению системы представительства были связаны с заинтересованностью партий и их нежеланием подвергать революционной опасности свои властные рычаги в существующем политическом строе. Ограниченность первой избирательной реформы, когда доступ к выборам получила лишь верхушка промышленной и торговой буржуазии, оставила не удовлетворенными трудящихся и обострила социально-политическую обстановку в стране. В Великобритании вновь назрела объективная потребность в модернизации политической системы, в первую очередь, путем расширения избирательного права и изменений в структуре выборов. Либеральная и консервативная партии, напуганные народным движением, понимали необходимость дальнейшей модернизации политической системы. Демократизация, расширение избирательных прав в Великобритании в ходе реформ 1867 г. и 1884-1885 гг. привело к вовлечению в политическую жизнь новых слоев общества - средних, мелкобуржуазных классов и рабочих. Эти изменения не могли не отразиться на партийно-политической системе. Во второй половине XIX века произошла структурная и идейная трансформация партий. Их организационное становление сопровождалось соперничеством и взаимными уступками. Партии приобрели современную социальную структуру, идейно-политическую платформу и структурное единство. Кроме того, усиление их роли наблюдалось не только внутри политической системы Великобритании, но и в жизни всего общества. К концу XIX века либеральная и консервативная партии превращаются в массовые, ориентируясь более не на узкие классовые предпочтения элиты, а становясь выразительницами интересов нации с универсальной социальной ориентацией. Была создана внепарламентская структура, призванная мобилизовать сторонников партии, обеспечить

централизованный отбор кандидатов, упрочить партийное единство и обеспечить поддержку неоднородного электората. Лидер, оставляя за собой последнее слово в принятие политического решения и определения политического курса, теперь все в большей степени зависел от мнения партии, был вынужден держать баланс и не допускать в ней конфликтных ситуаций. Либералы и консерваторы оказывали непосредственное влияние на формирование общественного мнения в стране и развитие политической культуры граждан. Следует подчеркнуть, что процесс складывания двухпартийной системы в Великобритании в XIX веке проходил непросто, сопровождался социальной борьбой, конкуренцией и состязательностью между партиями, что смогло обеспечить необходимую преемственность и стабильность в политической жизни, провести необходимые реформы, а также учесть интересы различных слоев общества.

Английская форма правления в виде конституционной монархии с сильной общественно-политической ролью партий и парламента находилась в центре внимания отечественной мысли. Начало XIX столетия в России было ознаменовано общественно-политическим поиском, вызванным необходимостью модернизации абсолютной монархии, попыткой соединить феодализм с буржуазной моделью конституционализма, практику российской государственной жизни с идеями парламентаризма и плюрализма. Знакомство передового дворянства с западными образцами государственной жизни, с одной стороны, и экономическая отсталость крепостничества, произвол самодержавия, отсутствие прав и свобод у большинства населения, с другой стороны, способствовали пробуждению общественной мысли и появлению стремлений реорганизовать российский политический строй. Отсутствие опыта реформирования властных институтов в России заставляло мыслящее дворянство искать его в Европе. Обращение к британскому образцу государственного строительства свидетельствовало о поиске эффективной модели организации власти, назревшей необходимости трансформации царского самодержавия на рубеже XIX – начала

XX в., а также дальнейшем взрослении и организационном оформлении отечественной общественной мысли.

Либеральное, консервативное и радикальное течения в России значительно укрепили свои идейные позиции во второй половине XIX века. Либерально-буржуазное реформирование Александра II дало надежду на преобразовательный потенциал самодержавия. Именно в этот период и обществом, и властью становится востребованной либеральная мысль. Либералы, осознавая ломку прежнего строя, видели завершение всех преобразований в стране в ведении, путем реформ, ограниченной формы правления подобно английской конституционной монархии и движения России исключительно в русле европейской цивилизации. Великобритания представлялась им образцом преемственности в политической жизни. Участие английских партий в управлении государством также высоко оценивалось представителями российских либеральных кругов. Они отмечали характерную для Великобритании либерализацию партийной жизни на основе компромисса, что способствовало ее мирному развитию без революций. Перед английскими партиями в XIX веке стояли сложные и противоречивые задачи, на которые указывали российские либералы: с одной стороны, сохранить свои места в политической системе страны, а с другой, не допустить к власти радикально настроенные элементы и предотвратить социальный взрыв. Для этого был необходим партийно-политический консенсус. Такой взвешенный либеральный консерватизм, прослеживающийся в английской политике, был близок российским либералам.

Их взгляды на британскую партийно-политическую систему были в целом объективны. Либералы, по нашему мнению, сумели, верно, указать ее основные плюсы и минусы. К ключевым положительным проявлениям английской общественно-политической жизни относили: конституционализм и парламентаризм, свободную и открытую борьбу партий и мнений, широкие права и свободы граждан; формирование кабинета партийным большинством, повышение роли партий в палате общин, парламентские реформы постепенного расширения избирательного права и включения в выборы новых категорий

избирателей. К недостаткам британской партийно-политической системы, особенно очевидно проявившихся к концу XIX столетия в условиях перехода к демократии, относили: преобладание большинства над меньшинством, механизировать и формализм массовых партий, преследовавших цели самосохранения и роста, снижение ответственности депутатов, преобладание корпоративных интересов над общественными.

Большой научный и практический интерес отечественных либералов к организации и эволюции английских политических учреждений неизбежно отразился на их деятельности в российском парламенте. Подчеркивая необходимость и важность упрочения представительных институтов, провозглашения и законодательного закрепления гражданских и политических прав и свобод, активизацию участия инертных народных масс и приобщения их к политике, отечественные либералы искали точки соприкосновения Великобритании и России. Идея постепенного взросления общества и усложнения его запросов к английской политической системе, сопровождавшееся адекватным реформированием со стороны государства, снятием напряженности и включением новых слоев населения к участию в политической жизни, была близка отечественным либеральным политикам и считалась ими прогрессивным достижением западной цивилизации. Напротив, усиленная волна демократизации Великобритании во второй половине XIX в. при непосредственном участии партий в основном вызывала критику. Российских либералов настораживало превращение их из традиционных в массовые, закрытые структуры. Манипулирование массами, стремление удовлетворить узкие корпоративные интересы, игнорирование требований меньшинства и засилье организационной дисциплины, вели, по мнению представителей данного идеологического направления, к расшатыванию государственного механизма.

Российская консервативная мысль XIX - начала XX в. также находилась в поиске оптимального пути развития России, который помог бы избежать социально-политических потрясений и отвечал бы потребностям модернизирующегося общества. Британский опыт в этом вопросе был весьма

интересен, так как уже к началу 70-х гг. XIX века в Великобритании произошла глубокая демократическая перестройка, сопровождающаяся мощным реформированием отживших политических порядков и институтов. Центр государственной жизни был смещен в пользу представительного и законодательного учреждения Великобритании - палаты общин. Партии, конкурируя и соперничая друг с другом, сумели обеспечить преемственность в политической жизни. Следует отметить, что отечественные консерваторы, внимательно изучая британский опыт эволюционного развития, все же полагали, что Россия, испытывая на себе влияние особых обычаев и традиций, непременно должна развиваться своим путем, исключая заимствование западных форм и институтов. Защищая абсолютную монархию как форму организации власти, представители этого идейного направления считали невозможным реализацию британского опыта в условиях российской действительности. Главную силу нашей страны отечественные консерваторы видели в монархической форме правления и сильной государственной власти.

Радикальное направление отечественной общественной мысли относилось с критикой к политической системе Великобритании. Радикалы обличали пережитки феодализма, в существовании английских партий находили формализм и социально-классовую ограниченность, представительство не всего общества, а богатого меньшинства. В то же время, подчеркивая острую необходимость найти новую форму правления для России, освободить ее от крепостного гнета, изжившей себя системы самодержавия и бюрократизма, представители радикального крыла общественной мысли указывали на важность провозглашения в стране гласности и гражданских свобод. Примером в этом вопросе для них была Великобритания, которая сумела путем реформ и последовательных уступок со стороны власти включить в политическую жизнь новые социальные слои, узаконить незыблемые права и свободы личности. Указывая на разность исторических, социально-экономических и политических путей развития двух стран, революционные демократы отрицали возможность

копирования британских институтов и склонялись к революционному пути дальнейших преобразований.

Следует отметить, что представителей консервативной и радикальной направленности, отличало от либералов и сближало между собой острое неприятие английского опыта внутриполитической жизни. Идеологи обоих векторов противопоставляли исторические, экономические, социальные и политические условия развития двух стран. Остановливаясь на самобытности британского политического опыта, они приходили к заключению отсутствия в своей стране предпосылок для его восприятия и дальнейшей модернизации царского самодержавия по английскому образцу.

Важнейшим этапом в осмыслении и восприятии отечественными интеллектуалами английской партийно-политической системы стало партийное строительство в самой России благодаря учреждению и работе, первого в истории страны, законодательного всесословного представительства – Государственной думы (1906-1917). Либеральное, консервативное и радикальное течения второй половины XIX - начала XX в. оформились в партии либерального, консервативно-охранительного и революционно-демократического толка соответственно. Их теперь интересовали конкретные шаги в области модернизации России, возможности и целесообразности применения накопленного западного опыта в своей стране.

Таким образом, складывающаяся и постепенно развивающаяся общественно-политическая мысль России XIX - начала XX в. способствовала переносу осмысленных идейно-теоретических конструкций, сформированных под влиянием исследования английского внутриполитического процесса, в условия российской жизни. Данные явления оказали влияние на модернизационные процессы в России в XIX -начале XX в. и во многом обусловили практические шаги в этом направлении.

Список источников и литературы

1. ИСТОЧНИКИ

1.1. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

1. Фонд Александра I. Ф. 679. Дела 43,102,104.
2. Фонд Николая I. Ф.672. Дела 27, 191, 206, 288.
3. Фонд Александра II. Ф. 678. Оп.1. Дела 34,36,40, 45, 49,50,68,70, 242.
4. Фонд Александра III. Ф. 677. Дела 64, 67, 107, 241.
5. Фонд Николая II. Ф. 601. Оп.1. Дела 21, 45, 75, 87, 124, 164, 208, 214.
6. Фонд Водовозова, В.В. Ф. 539. Оп. 1. Дела 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 27, 122, 124,134, 139, 142, 156, 399, 400, 402, 404, 405, 406, 419, 472, 473, 474. 476, 477, 495, 496, 517, 528, 529, 547, 549, 550, 844, 892, 902.
7. Водовозов В. В. Уроки английских выборов // ГА РФ. Ф. 5907.Оп. 1 Дело 27.
8. Фонд Игнатьева, Н. П. Ф. 730. Оп.1. Дело 121.
9. Фонд Каткова, М. Н. Ф. 1718. Оп.1. Дела 4,6,8.
10. Фонд Чичерина, Б. Н. Ф. 1154. Оп.1. Дела 45, 52, 53, 57.

1.2. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

11. Государственная дума Российской империи: портреты политических лидеров (1906-1917) / Е. В. Ярошенко, Н. С. Антонова, А. А. Ермак. - М.: Пашков дом, 2006. – 319 с.
12. Законодательство Английской революции 1640-1660 гг. / сост. Дмитриевский Н. П. - М., 1946. –382 с.
13. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII – XIX в. Англия, США, Франция, Италия, Германия / Сб. документов под ред. проф. П. Н. Галанзы. - М., 1957. – 587 с.
14. Конституционные проекты в России XVIII- начало XX в. / Сост. А. Н. Медушевский. - М.: РОССПЭН, 2010. – 640 с.

15. Ответ Государственной Думы на тронную речь. К 10-летию 1-ой Государственной Думы 27 апреля 1906 - 27 апреля 1916 / Сборник статей переводумцев. - Пг.: Огни, 1916. – 231 с.
16. Стенографические отчеты / Государственная Дума 1906 г. - Т.1. Сессия 1 - СПб., 1906. – 866 с.
17. British parliamentary election results 1832 – 1885. - London, Basingstoke, 1977. – XV – 640 p.
18. British parliamentary election results 1885 – 1918 / Compiled and ed. by F.W.S. - Craig. London, Basingstoke, 1974. – XVIII – 698 p.
19. Documents of English history. 1688 – 1832 / Ed. by W. A. Barker. - L, 1964. – 85 p.
20. Documents of English history. 1832 – 1850 / Ed. by W. A. Barker. - L, 1954. – 86 p.
21. Documents on British political history / Ed. by J. Wroughton V. 1 – 3. -Basingstoke L., 1971 – 1973.
22. Emergence of British Parliamentary Democracy in the Nineteenth Century: Passing of the Reform Acts of 1832, 1867 and 1884-1885 (Major Issues in History) / Ed. by J. B. Conacher. - New-York, 1971. – 198 p.
23. England is here. A selection from the speeches and writings of the prime ministers of England from Robert Walpole to the rt. hon. Winston Spencer Churchill / Ed. by M. L. Hanchant. - London, 1938. – 256 p.
24. English Constitutional Documents since 1832 / Ed. by E. M. Violette. - XI. N.Y., 1936. – 226 p.
25. English historical documents / Ed. by A. Aspinall & E. Smith. - Vol. XI (1783 - 1832). – New York: Oxford University Press, 1959. - 477 p.
26. English historical documents / Ed. by A. Aspinall & E. Smith. - Vol. XII (1) (1833 - 1874). - L.: Eyre & Spottiswood, 1956. – 546 p.
27. English historical documents / Ed. by D. C. Douglas. V. 10 – 12. L, 1957 – 1959.
28. English Historical Documents. Vol. 12 (2). 1874-1914 / Ed. by W. D. Handcock. L., 1977. – 725 p.

29. English Party Politics / Ed. by A. Beattie. Vol. I. 1600-1906. - L., 1970. - 803 p.
30. Great Britain. Royal commission appointed to inquire into the depression of trade and industry. Final report. - L., 1886. - 139 p.
31. Great Britain. The Lion at Home. A Documentary History of Domestic Policy. 1689-1973. / Ed. by J. H. Wiener. - Vol. 111. - N.Y, 1974. - 3971 p.
32. Hansard's parliamentary debates. Ser. 1-st. Vol. 1 - 41. L., 1804 - 1820. Ser. 2-d. Vol. 1 - 25. L., 1820 - 1830. Ser. 3-d. Vol. 1 - 356, Vol. 2 L., 1831 - 1891, 1883-1886. Ser. 4-th. Vol. 1 - 185. L., 1892 - 1908.
33. Hansard's parliamentary debates. House of Commons, House of Lords. 3d series. - Vol. 8. L. 1831-1891.
34. Lord Salisbury on politics. A selection from his articles in the Quaterly Review, 1860-1883. (Cambridge Studies in the History and Theory of Politics) / Ed. By P. Smith. - Cambridge. 1972. - 396 p.
35. The Conservatives. A History from Their Origin to 1965 / ed. by N. Gash, D. Southgate, D. Dilkes & J. Ramsden. - L., 1974. - 492 p.
36. The Eighteenth-Century Constitution 1688-1815. Documents and commentary / Ed. by E. Neville Williams. - Cambridge, 1960. - XVI. - 464 p.
37. The English reform tradition, 1790-1910 / by S. W. Jackman. - New-York, 1965. - 181 p.
38. The Nineteenth-Century Constitution 1815-1914. Documents and Commentary / Ed. by H. J. Hanhman. - Cambridge, 1969. - 486 p.
39. Speeches of the Marquis of Salisbury: With a Sketch of His Life / Ed. By H. W. Lucy. - L., 1885. - 263 p.
40. Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. - London, 1842. - 1091 p.

1.3. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

41. Вестник Европы. - 1802. №7, 13, 14, 16.
42. Вестник Европы. - 1803. №5.
43. Вестник Европы. - 1870-1873, 1880-1913.

44. Голоса из России. Сборник А.И. Герцена и Н.П. Огарева. - Кн. I-IX. - 1856-1860.
45. Европеец: Журнал наук и словесности. - 1832.
46. Колокол: Газета. - 1857-1862.
47. Колокол. Газета. А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вольная русская типография. 1857-1867. Лондон-Женева. Факсимильное издание. - М., 1962. - Вып. I-X. - Л.1.
48. Московские ведомости. - 1865-1885.
49. Московский телеграф. - 1825-1834.
50. Русская мысль. - М., 1907. - №2.
51. Русский вестник. - 1862-1865.
52. Русский вестник. - 1905. - №9.
53. Русское богатство. - 1900. - №4.
54. Русское богатство. - 1905-1907.
55. Северная пчела: Газета политическая и литературная. - 1825-1853.
56. Современная летопись. - 1860.
57. Современник. - 1836-1866.
58. The Edinburgh Review. - 1830-1870
59. The Quarterly Review. - 1831-1870.

1.4. МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПУБЛИЦИСТИКА

60. Александр Второй: Воспоминания, дневники / Сост., примеч. и подготовка текста В. Г. Чернуха, С. А. Прохвятилов. – Спб.: Пушкинский фонд, 1995. – 446 с.
61. Англия в книге Тэна // Вестник Европы. - Т.VI. - Ноябрь. - 1872. - С. 206.
62. Бейджгот, У. Государственный строй Англии / У. Бейджгот. – М., 1905. – 359 с.
63. Берлин, П. А. Политические партии на Западе: их доктрины, организация и деятельность / П. А. Берлин. – СПб.: Дело, 1907. – 270 с.

64. Бёрк, Э. Правление, политика и общество / Э. Бёрк / Пер. с англ. Л. Полякова. - М., 2001. – 480 с.
65. Бёрк, Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / Э. Бёрк / Пер. с англ. Е. И. Гельфанд. - М.: Рудомино, 1993. – 144 с.
66. Бокль, Т. Г. История цивилизации в Англии / Т. Г. Бокль / В попул. излож. канд. юрид. наук О. К. Нотовича. - 16-е изд. – В 2 т. - СПб: Кн. маг. «Новостей», 1899. - 196 с.
67. Болингброк, Г. Письма об изучении и пользе истории / Болингброк. - М.: Наука, 1978. – 359 с.
68. Болингброк, Г. Рассуждение о партиях / Г. Болингброк // Письма об изучении и пользе истории под ред. М. А. Барга. — М.: Наука, 1978. – 359 с.
69. Бутми, Э. Опыт политической психологии английского народа в XIX в. / Э. Бутми / Пер с франц. - СПб., 1907. – 326 с.
70. Бутми, Э. Развитие конституции и политического общества в Англии / Э. Бутми. - М.: Изд. М. В. Клюкина, 1897. - 175 с.
71. Бутми, Э. Развитие государственного и общественного строя Англии / Э. Бутми / Пер. с франц. - М., 1904. – 182 с.
72. Васильев, А. Идея парламента мира и первая Государственная Дума / А. Васильев // К 10-летию 1-ой Государственной Думы 27 апреля 1906 - 27 апреля 1916: Сборник статей переводумцев. - Пг. : Огни, 1916. – 226 с.
73. Васильев, А. Незабвенной памяти М. М. Ковалевского / А. Васильев // К 10-летию 1-ой Государственной Думы 27 апреля 1906 - 27 апреля 1916: Сборник статей переводумцев. - Пг. : Огни, 1916. – 226 с.
74. Водовозов, В. В. Всеобщее избирательное право и применение его в России. 1905 г. / В. В. Водовозов // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX-XX вв.: хрестоматия. Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, Л. В. Поляков. - М., 2003. - С. 377 - 403. – 896 с.
75. Выскочков, Л. В. Николай I / Л. В. Выскочков. - 2-е изд., доп. - М.: Молодая гвардия, 2006. — 694 с.

76. Гамбаров, Ю. С. Политические партии в их прошлом и настоящем / Ю.С. Гамбаров. - 2-е изд. - СПб., 1905. - 48 с.
77. Герцен, А. И. Былое и думы. Избранные сочинения в четырех томах / А. И. Герцен. - М., 1987. - 560 с.
78. Герцен, А. И. Джон-Стюарт миль и его книга «ON LIBERTY» / А. И. Герцен / Собрание сочинений в двух томах - Т.2. - М., 1986. - 656 с.
79. Герцен, А. И. Письма издалека (Избранные литературно-критические статьи и заметки) / А. И. Герцен. - М.: «Современник», 1984. - 463 с.
80. Герцен, А. И. Письма из Франции и Италии / А. И. Герцен / Собрание сочинений в восьми томах. - Т.3.- М., 1975. - 544 с.
81. Герцен, А. И. Россия и Европа / А. И. Герцен / Собрание сочинений в восьми томах - Т. 3. - М., 1975. - 544 с.
82. Герцен, А. И. 1812-1825 / А. И. Герцен / Собрание сочинений в восьми томах - Т.3. - М., 1975. - 544 с.
83. Герье, В. И. О конституции и парламентаризме в России / В. И. Герье // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX - XX в. / Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев - М., 2003. - 896 с.
84. Гизо, Ф. История цивилизации в Англии / Ф. Гизо / Под ред. О. К. Нотовича. - В 2 т. - СПб.: Рус. худож. тип. И. Гольдберга, 1876. - 196 с.
85. Гнейст, Р. История государственных учреждений Англии / Р. Гнейст / Пер. с нем. - М.: К. Т. Солдатенков, 1885. - 868 с.
86. Гнейст, Р. Представительная система Англии. Исторический очерк / Р. Гнейст // Русский вестник. - 1865. - Т. 57. - № 6. - С. 704-735.
87. Градовский, А. Д. Государственное право важнейших европейских держав. Лекции, читанные в 1885 г. А. Д. Градовским / А. Д. Градовский / Под ред. Н. М. Коркунова. - СПб., 1895. - 540 с.
88. Градовский, А. Д. О современном направлении государственных наук / А. Д. Градовский // Сочинения. - СПб., 2001. - 512 с.
89. Греч, Н. И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции / Н. И. Греч. - Ч. I. - VIII. - СПб.: Типография Греча, 1839. - 254 с.

90. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – М.: Мысль, 1991. – 358 с.
91. Дерюжинский, В. Ф. Из истории политической свободы Англии и Франции / В. Ф. Дерюжинский. – Спб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1906. – 328 с.
92. Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне. А. И. Герцена и Н. П. Огарева. – М., 1971. - Кн. III.
93. Кавелин, К. Д. Мысли о выборном начале / К. Д. Кавелин / Собр. соч. в 4 т. Вступ. ст.: В. Д. Спасович; прим.: Д. А. Корсаков. - Т. 2 - Спб.: Н. Глаголев, 1904. – С. 908-926. - 663 с.
94. Кавелин, К. Д. Политические призраки / К. Д. Кавелин / Собр. соч. в 4 т. Вступ. ст. В. Д. Спасович; прим. Д. А. Корсаков. - Т. 2 - Спб.: Н. Глаголев, 1904. – С. 927-994. - 663 с.
95. Карамзин, Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н. М. Карамзин. - М., 1991. – 107 с.
96. Кареев, Н. И. Происхождение современного народно-правового государства. Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века / Н. И. Кареев. - Спб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1908. – 496 с.
97. Катков, М. Н. Выборное начало / М. Н. Катков // Современная летопись. - 1860. - №6. - С.90-100.
98. Катков, М. Н. Имперское слово / М. Н. Катков. - М., 2002. – 512 с.
99. Катков, М. Н. К какой мы принадлежим партии? / М. Н. Катков // Русский вестник. - 1862. - №2. - С. 832-844.
100. Катков, М. Н. На Руси не может быть иных партий, кроме той, которая заодно с русским народом / М. Н. Катков // Московские ведомости. - 1881. - №72.
101. Катков, М. Н. О самодержавии и конституции / М. Н. Катков. - М., 1905. – 56 с.
102. Катков, М. Н. Свобода и власть / М. Н. Катков // Московские ведомости. - 1881. - № 126. - С. 274-275.

103. Кизеветтер, А. А. Московский университет и его традиции / А. А. Кизеветтер // Исторические отклики. - М., 1915. – 390 с.
104. Кизеветтер, А. А. На рубеже двух столетий: воспоминания 1881-1914 / А. А. Кизеветтер. – М.: Искусство, 1997. – 396 с.
105. Ковалевский, М. М. Великобритания (История) / М. М. Ковалевский / Энциклопедический словарь товарищества «Бр.А.и И. Грант и Ко». - СПб., 1912. - Т.9. – 810 с.
106. Ковалевский, М. М. Избранные труды / М. М. Ковалевский. - Ч.1. – М.: РОССПЭН, 2010. – 576 с.
107. Ковалевский, М. М. Кризис в западных конституциях / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. - 1886. - №5. - С. 5-60.
108. Ковалевский, М. М. Моя жизнь. Воспоминания / М.М. Ковалевский. - М.: РОССПЭН, 2005. – 784 с.
109. Ковалевский, М. М. Начало русско-английского сближения / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. - 1912. - № 3.
110. Ковалевский, М.М. Новейшие преобразования русского государственного строя / М. М. Ковалевский. - СПб., 1906. – 680 с.
111. Ковалевский, М. М. Очерки по истории политических учреждений России / М. М. Ковалевский / Избранные труды: в 2-х ч. - Ч.1 - М.:РОССПЭН, 2010. – 576 с.
112. Ковалевский, М. М. Русская конституция. Очерк IV. Будет ли Дума законодательным или совещательным органом / М. М. Ковалевский. – Ч. 2 - СПб.: Типография С. М. Поппера, 1906. – 36 с.
113. Ковалевский, М. М. Что такое парламент? / М. М. Ковалевский. - СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон., 1906. – 41 с.
114. Кони, А. Ф. М. М. Ковалевский в законодательной деятельности / А. Ф. Кони. – Петроград: АО «Самообразование», 1916. – 19 с.
115. Корнилов, А. Курс истории России XIX века / А. Корнилов. - Ч. I. - М., 1912. – 284 с.

116. Кошелев, А. И. Записки / А. И. Кошелев / Сост. подг. текста, общ. ред. Н. И. Цимбаев. - Ч.1. – М., 1991. – 237 с.
117. Кузьмин-Караваев, В. М. М. Ковалевский в первой Думе / В. Кузьмин-Караев // К 10-летию 1-ой Государственной Думы 27 апреля 1906 - 27 апреля 1916: Сборник статей переводумцев. - Пг.: Огни, 1916. – 226 с.
118. Леонтьев, К. Н. Византизм и славянство / К. Н. Леонтьев // Храм и церковь.- М.: АСТ, 2003. - 636 с.
119. Леонтьев, К. Н. О либерализме вообще / К. Н. Леонтьев // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX-XX вв. - М., 2003. – 896 с.
120. Ленин, В. И. В Англии (печальные результаты оппортунизма) / В. И. Ленин // Правда. - № 85. - 12 апреля 1913.
121. Ленин, В.И. Либерализм и демократия / В.И. Ленин / Полн. собр. соч. -Т.21. - М., 1979. - С. 238-239.
122. Ленин, В. И. Марксизм и реформизм / В. И. Ленин / Полн. собр. соч. - Т.23 - М., 1979. - С. 394-396.
123. Ленин, В. И. Под чужим флагом / В. И. Ленин / Полн. собр. соч. - Т.26. - М., 1979. С. 145.
124. Ленин, В. И. Съезд британской социалистической партии / В.И. Ленин / Полн. собр. соч. Т.23. М., 1979. - С.157.
125. Ленин, В. И. Учитесь у врагов / В.И. Ленин / Полн. собр. соч. - Т.12. - М., 1979. - С. 118.
126. Локк, Дж. Сочинения / Дж. Локк. - В 3 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1988. – 597 с.
127. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк. - Соч. в 3 томах. – Т. 3. – М., 1988. – 208 с.
128. Лоу, С. Государственный строй Англии / С. Лоу / Перевод под ред. проф. А. С. Яценко; с вступ. замеч. и статьей проф. П. Г. Виноградова. - М., 1910. – 446 с.

129. Мижуев, П. Г. Парламентаризм и представительная форма правления в главных странах современной Европы / П. Г. Мижуев. - СПб.: Г. Ф. Львович, 1906. – 165 с.
130. Милюков, П. Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе / П. Н. Милюков // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX-XX вв.. - М.: Издательство «Весь мир», 2003. – 896 с.
131. Мортон, А. Л. История Англии / А. Л. Мортон / Пер. с англ. Н. Чернявской, ред. и вступ. статья А. Самойло. – М.: Издательство иностранной литературы, 1950. — 464 с.
132. Мортон, А. Л., Тэйт Дж. История английского рабочего движения 1770-1920 / А. Л. Мортон, Дж. Тэйт / перевод с англ. Н. И. Чернявской, под ред. Ф. Д. Волкова. - М.: Изд-во Иностранная литература, 1959. – 420 с.
133. Муратов, П. П. Борьба за избирательные права Англии / П. Н. Муратов. – М., 1906. – 71 с.
134. Огарев, Н. П. Второе письмо к инокку / Н. П. Огарев // Избранные социально-политические и философские произведения в 2 томах. – М., 1952. – Т. 2.
135. Огарев, Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения в 2 томах / Н. П. Огарев. - М., 1952. - Т.1.
136. Огарев, Н. П. Ответ на письмо малороссийского помещика / Н. П. Огарев // Избранные социально-политические и философские произведения в 2 томах. – М., 1952. - Т. 1.
137. Огарев, Н. П. Письма к соотечественнику / Н. П. Огарев // Избранные социально-политические и философские произведения. - М., 1952. - Т. 1.
138. Огарев, Н.П. Расчистка некоторых вопросов. Конституция и Земский собор / Н. П. Огарев // Избранные социально-политические и философские произведения. - М., 1952. - Т. 1.
139. Огарев, Н. П. Русские вопросы. Статья первая / Н. П. Огарев // Избранные социально-политические и философские произведения. - М., 1952. - Т. 1.

140. Огарев, Н. П. Русские вопросы. Статья третья. Крестьянская община / Н. П. Огарев // Избранные социально-политические и философские произведения. - М., 1952. - Т. 1.
141. Острогорский, М. Я. Демократия и политические партии / М. Я. Острогорский. - Т.1. - М.: РОССПЭН, 1997. – 640 с.
142. Острогорский, М.Я. Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека / М.Я. Острогорский // Вестник Европы. - 1913. - № 9. - С.174-205.
143. Острогорский, М. Я. Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека. III. Упадок палаты общин и возвышение кабинета / М. Я. Острогорский // Вестник Европы. - 1913. - №11. - С.149-170.
144. Острогорский, М. Я. Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека.- IV. Апофеоз монархии и торжество демократии / М. Я. Острогорский // Вестник Европы. - 1913. - №12. - С.153-170.
145. Острогорский, М. Я. Наказ Государственной думы / М. Я. Острогорский // Наказ Государственной Думы: Проект. – 1-й созыв. — СПб, 1906. — 32 с.
146. Очерки английского общества // Вестник Европы. – 1870, 1875.
147. Педьков, В. А. Парламентский строй в Англии. Развитие английских политических учреждений до конца XIX века / В. А. Педьков // Политическая библиотека «Биржевых ведомостей». - Вып. 22.– СПб., 1906. – 48 с.
148. Педьков, В. А. Политические движения в Англии в XIX столетии и английский парламент / В. А. Педьков // Политическая библиотека «Биржевых ведомостей». – Вып.47. - СПб., 1906. - 64 с.
149. Пифферун, О. Европейские избирательные системы / О. Пифферун. - СПб.: Г.П. Львович, 1905. – 365 с.
150. Победоносцев, К. П. Великая ложь нашего времени / К. П. Победоносцев // Московский сборник. – СПб.: Русская Симфония, 2009. – 354 с.
151. Победоносцев, К. П. Записки к законоведению: Курс лекций, 1885-1888 гг. / К. П. Победоносцев // Правоведение. - 1997. - № 1. - С. 72-80.

152. Победоносцев, К. П. Московский сборник / К. П. Победоносцев. - Спб.: Русская Симфония, 2009. – 354 с.
153. Победоносцев, К. П. Новая демократия / К. П. Победоносцев // Московский сборник. – Спб.: Русская Симфония, 2009. – 354 с.
154. Погодин, М. П. Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник / М. П. Погодин. - Ч. 1 — 4. - М., 1844. – 450 с.
155. Погодин, С. Н. Максим Максимович Ковалевский / С. Н. Погодин. - СПб.: Нестор, 2005. - 158 с.
156. Поррит, Э. Современная Англия. Права и обязанности ее граждан / Э. Поррит / Пер. с англ. О. В. Полторацкой. - М., 1897. - 368 с.
157. Рылеев, К. Ф. Избранное / К. Ф. Рылеев. - М., 1975.- 175 с.
158. Свифт, Дж. Избранное / Дж. Свифт. - Л.: Художественная литература, 1987. – 448 с.
159. Столыпин, П. А. Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906-1911 / П. А. Столыпин.- М.: Молодая Гвардия, 1991. - 221 с.
160. Тихомиров, Л. А. Единоличная власть как принцип государственного строения / Л. А. Тихомиров. - М.: Трим, 1993. - 59 с.
161. Тихомиров, Л. А. Социальные миражи современности / Л. А. Тихомиров // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX-XX вв.. - М.: Издательство «Весь мир», 2003. – 896 с.
162. Тревельян, Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории / Дж. М. Тревельян / Пер. с англ. А. А. Крушинской и К. Н. Татариновой. - Смоленск: Русич, 2001. — 624 с.
163. Тревельян, Дж. М. Социальная история Англии / Дж. М. Тревельян. -М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 608 с.
164. Фишель, Э. Государственный строй Англии / Э. Фишель / Пер. П. М. Цейдлера. - СПб.: Издание книгопродавца-типографа М.О.Вольфа, 1862 – 531 с.

165. Фортунатов, С. Ф. История Англии и Германии XIX века. Лекции, чит. на Московских высш. женск. курсах в 1914-1915 году / С.Ф. Фортунатов. - Ч. 1. - М., 1915. - 240 с. - Ч. 2. - 188 с.
166. Фоше, Л. Очерки Англии / Л. Фоше. - СПб.: «Общественная польза», 1862. – 553 с.
167. Хомяков, А. С. О старом и новом. Статьи и очерки / А. С. Хомяков. - М.: «Современник», 1988. - 462 с.
168. Чернов, В. М. К характеристике общественных движений отсталых стран / В. М. Чернов // Русское богатство. - 1905 - №10. - С. 119-157.
169. Чернов, В. М. Типы капиталистической и аграрной эволюции / В. М. Чернов // Русское богатство. – 1900. - №4. - С. 127-157.
170. Чернышевский, Н. Г. Нынешние английские виги / Н. Г. Чернышевский / Собрание сочинений в 5 томах. - М., 1974. - Т.5.
171. Чернышевский, Н. Г. Политика / Н. Г. Чернышевский // Современник. Полн. собр. соч. - М., 1949. - Т.6.
172. Чернышевский, Н. Г. Собрание сочинений / Н. Г. Чернышевский. - М., 1974. - Т. II.
173. Чернышевский, Н. Г. Экономическая деятельность и законодательство / Н. Г. Чернышевский / Собрание сочинений. – М., 1974. - Т.4.
174. Чичерин, Б. Н. Воспоминания. Путешествие за границу / Б. Н. Чичерин. - М.: Север, 1932. – 144 с.
175. Чичерин, Б. Н. Курс государственной науки / Б. Н. Чичерин. - М., 1896. - Ч.1-3. - 469 с.
176. Чичерин, Б. Н. О народном представительстве / Б. Н. Чичерин. - М.: Тип. Товарищества И. Д. Сытина, 1899. — 838 с.
177. Чичерин, Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия / Б.Н. Чичерин Философия права – СПб.: Наука, 1998. С.542 – 615. - 656 с.
178. Шефтсбери Эстетические опыты / Шефтсбери / Пер., коммент., сост.: А. В. Михайлов. – М.: Искусство, 1975. – 543 с.

179. Шильдер, Н. К. Император Александр Первый / Н. К. Шильдер. – В 4 томах. – СПб.: Издание А. С. Суворина, 1904. - Т. III. – 450 с.
180. Bolingbroke Remarks on the History of England / Henry St. John Viscount Bolingbroke. – London: Gale Ecco, Print Editions, 2010. - 360 p.
181. Burke, E. Reflections on the Revolution in France and on the proceedings in Great Britain in London relative to that event / Edmund Burke. - N. Y., 2001. – 407 p.
182. Defoe, D. The History of the Union of Great Britain / Daniel Defoe. – Edinburgh, 1709. - 205p.
183. Filmer, R. Patriarcha / Robert Filmer. – Cambridge, 2004. - 380 p.
184. Gladstone, W. E. The Gladstone diaries / William Ewart Gladstone . - Oxford, 1968 - 1990. - Vol. 1 – 2; 9 – 11.
185. Macaulay, T. B. The History of England from the Accession of James II / Thomas Babington Macaulay. - Vol. VII. – Leipzig, 1855. - 180 p.
186. Macaulay, T. B. The History of England from the Accession of James the Second / Thomas Babington Macaulay. - L., 1849. -Vol. 2. – 556 p.
187. Russell, J. The Life of William Lord Russell: with some account of the times, in which he lived / John Russell. - London, 1820. Vol. 1. – 275 p.
188. Swift, J. Political Tracts 1711-1713 / Jonathan Swift. – Princeton University Press, 1951. – 220 p.
189. The Best of Burke: Selected Writings and Speeches / by Edmund Burke, Peter J. Stanlis. - N. Y., 1971. – 702 p.
190. Toland, J. The Art of Governing by Parties / John Toland. - London, 1701 – 181 p.
191. Trevelyan, G. M. British history in the nineteenth century and after (1782 - 1919) / George Macaulay Trevelyan. - London, 1946. - 512 p.
192. Trevelyan, G. M. Lord Grey of the Reform bill: Being the life of Charles, second Earl Grey / George Macaulay Trevelyan. - London, 1920. - 309 p.
193. Trevelyan, G. M. The English Revolution 1688-1689 / George Macaulay Trevelyan. - Oxford University Press, 1965. – 144 p.

194. Trevelyan, G. M. The two-party system in English political history / George Macaulay Trevelyan. – Oxford: Clarendon Press, 1926. – 27 p.

2. ЛИТЕРАТУРА

2.1. КНИГИ И БРОШЮРЫ

195. Айзенштат, М. П. Британия Нового времени. Политическая история / М. П. Айзенштат. - М.: Книжный дом Университет, 2007. - 203 с.
196. Айзенштат, М. П. Британский парламент и общество в 30-40 гг. XIX в.: монография / М. П. Айзенштат. - М.: Институт всеобщей истории РАН, 1997. – 205 с.
197. Айзенштат, М. П. Великобритания нового времени: политическая история. Монография / М. П. Айзенштат. — М.: Институт всеобщей истории РАН, 2002. – 254 с.
198. Айзенштат, М. П. Власть и общество Британии. 1750-1850 гг. / М.П. Айзенштат. - М.: ИВИ РАН, 2009. - 398 с.
199. Айзенштат, М. П., Гелла Т. Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке (1815 - середина 1870-х гг.) / М.П. Айзенштат, Т. Н. Гелла. - М.: Институт всеобщей истории РАН, 1999. - 217 с.
200. Балашова, Н. А. Российский либерализм начала XX века / Н. А. Балашова. - М.: Изд-во Московского университета, 1981. – 183 с.
201. Балуев, Б. П. Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика / Б. П. Балуев. - М.: Изд-во Московского университета, 1971. – 314 с.
202. Блэк, Дж. История Британских островов / Дж. Блэк. — СПб.: Евразия, 2008. – 540 с.
203. Британия и Россия / отв. ред. В. Г. Трухановский. - М.: ИВИ РАН, 1997. - 293 с.
204. Буржуазная общественная мысль Англии XVII- XIX вв. - М., 1989. - 212 с.

205. Ведерников, В. В., Китаев В. А., Луночкин А. В. Конституционный вопрос в русской либеральной публицистике 60-80-х гг. XIX века / В. В. Ведерников, В. А. Китаев, А.В. Луночкин. - М.: Изд-во Магистр, 1997. – 40 с.
206. Верещагин, А. Н. Земский вопрос в России: политико-правовые отношения / А. Н. Верещагин. - М.: Международные отношения, 2002. – 89 с.
207. Гелла, Т. Н. Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX – начале XX веков: монография / Т. Н. Гелла. – Орел: Орловский гос. ун-т, 2009 – 170 с.
208. Гелла, Т. Н. Либеральная партия Великобритании и империя в конце XIX-начале XX века / Т. Н. Гелла. – Орел, 1992. – 130 с.
209. Гелла Т. Н. У. Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети XIX века: монография / Т. Н. Гелла. – Орел: Орловский гос. ун-т, 2008. – 294 с.
210. Голлан, Дж. Политическая система Великобритании / Дж. Голлан / перевод с англ. О. Грузиновой и Т. Переваловой под ред. О. Поленц. - М.: Изд. иностр. лит-ры, 1955. – 222 с.
211. Головатенко, А. История России: спорные проблемы / А. Головатенко. - М.: Школа-Пресс, 1994. – 256 с.
212. Графский, В. Г. Политические и правовые взгляды русских народников: (история и эволюция) / В. Г. Графский. – М.: Наука, 1993. – 319 с.
213. Гриценко, Н. Ф. Консервативная стабилизация в России в 1881-1894 годах: политические и духовные аспекты внутренней политики / Н. Ф. Гриценко. – М.: Рус. путь, 2000. – 239 с.
214. Гросул, В. Я. Общественное мнение в России XIX века / В.Я. Гросул. - М.: «АИРО-XXI», 2013. – 560 с.
215. Гросул, В. Я. Русское общество XVIII-XIX веков. Традиции и новации / В. Я. Гросул. - М.: Наука, 2003. – 517 с.
216. Гутнова, Е. В. Возникновение английского Парламента (из истории английского общества и государства XIII в. / Е. В. Гутнова. - М.: Изд-во Московского Университета, 1960. - 582 с.

217. Дмитриева, О. В. У истоков английского парламентаризма / О.В. Дмитриева // Британия и Россия. - М.: ИВИ РАН, 1997. - 293 с.
218. Дудзинская, Е. А. Славянофилы в общественной борьбе / Е. А. Дудзинская. - М.: Мысль, 1983. – 271 с.
219. Ермашов, Д. В., Ширинянц А.А. У истоков российского консерватизма: Н.М. Карамзин / Д. В. Ермашов, А. А. Ширинянц. - М., 1999. - 239 с.
220. Ерофеев, Н. А. Очерки по истории Англии 1815 - 1917 гг. / Н. А. Ерофеев. - М.: Издательство ИМО, 1959. – 263 с.
221. Ерофеев, Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских 1825-1853 гг. / Н. А. Ерофеев. - М.: Издательство «Наука», 1982. – 320 с.
222. Ерофеев, Н. А. Чартистское движение / Н. А. Ерофеев. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – 132 с.
223. Жолудов, М. В. Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 30-е гг. XIX в. Монография / М. В. Жолудов. – Рязань: Изд-во РГПУ, 1997. – 100 с.
224. Жолудов, М. В. Политические партии Великобритании накануне проведения парламентской реформы 1832 г. / М. В. Жолудов // Отечественная и всеобщая история в XIX- XX вв.: Сборник научных трудов. – Рязань, 2003. – 196 с.
225. Жолудов, М. В. Развитие двухпартийной системы Великобритании в первой половине XIX века / М. В. Жолудов // Очерки истории Великобритании XVII – XX вв. Монография. - М., 2002. – С. 70-111.
226. Зайончковский, П. А. Российское самодержавие в конце XIX века (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов) / П. А. Зайончковский. -М.: Мысль, 1970. – 444 с.
227. Зорькин, В. Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX – начала XX в. (Б.Н. Чичерин) / В. Д. Зорькин. - М.: Изд-во Московского университета, 1975. – 172 с.
228. Из истории общественного движения и общественной мысли в России. - Вып.2. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1968.- 159 с.

229. История буржуазного конституционализма XIX века / П. С. Грацианский, С. А. Егоров, В. В. Кизяковский и др. - М.: Наука, 1986. – 279 с.
230. История России XIX века. Учебник. В двух частях. Ч. 1. / Под редакцией В. Г. Тюкавкина. - М.: Гуманит. Изд центр ВЛАДОС, 2001. – 256 с.
231. Китаев, В. А. К вопросу о полемике между Катковым и Чичериным в 1862 году / В. А. Китаев // Вопросы истории общественно-политической мысли и внутренней политики России в XIX веке. – Горький, 1971. – 22 с.
232. Китаев, В. А. Либеральная мысль в России (1860-1880) / В. А. Китаев. – Саратов, 2004. – 380 с.
233. Колмаков, С. А. Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 80-е годы XIX века: монография / С. А. Колмаков. - М.: Изд-во Московского Университета, 1985. – 163 с.
234. Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии. Сборник документов / сост. А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. - М.: Гардарики, 2000. - 624 с.
235. Костин, Ю. В. Общественно-политическая и юридическая мысль в России второй половины XIX-начала XX века о государстве, праве и нравственности / Ю. В. Костин. - Орел: Изд-во «Орлик», 2006. – 154 с.
236. Кунина, В. Э. Чартистское движение Англии / В. Э. Кунина. - М., 1959. – 96 с
237. Куприц, Н. Я. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России (XIX в.) / Н.Я. Куприц. - М.: Издательство МГУ, 1980. – 168 с.
238. Лабутина, Т. Л. Политическая борьба в Англии в период Реставрации Стюартов (1660-1681) / Т. Л. Лабутина. - М.: Наука, 1982. – 208 с.
239. Лабутина, Т. Л., Ильин Д. В. Английское просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль / Т. Л. Лабутина, Д. В. Ильин. – СПб., 2012. – 304 с.
240. Левина, М. И. Парламентское право Великобритании XVII — начала XIX вв. / М. И. Левина. - М.: Изд-во «Зерцало», 2000. – 170 с.

241. Леонтович, В. В. История либерализма в России (1762–1914) / В. В. Леонтович. - М.: Русский путь, 1995. – 445 с.
242. Литвинова, Е. А. К вопросу о политико-правовых аспектах развития парламентаризма в Великобритании / Е. А. Литвинова // Современные тенденции в исследовании и преподавании новой и новейшей истории зарубежных стран: Рязань: Изд-во РГУ, 2009. – 47 с.
243. Лосев, Ю. И. Англия в XVII веке: история, политика, экономика. Учебное пособие / Ю. И. Лосев. – Рязань, 2004. - 103 с.
244. Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. - Пер. с нем. и англ. - М.: Юристъ, 1994. - 693 с.
245. Мартынов, А. Ф. Н. Г. Чернышевский в 80-е годы. Политические воззрения и научная деятельность / А. Ф. Мартынов / под ред. Н. С. Травушкина. – Саратов, 1983.- 79 с.
246. Мелентьев, Ю. С. Н. А. Добролюбов и Н. Г. Чернышевский. Страницы великой дружбы / Ю. С. Мелентьев. - М.: «Советский писатель», 1989. – 179 с.
247. Минаев, А. И. Британский парламентаризм и общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVIII – начало XX веков: монография / А. И. Минаев. - ЗАО «ПРИЗ», Рязань-Москва, 2008. – 272 с.
248. Минеева, Т. Г. Конституционное развитие Англии XIV – XV вв. / Т. Г. Минеева. – Арзамас, 2005. – 69 с.
249. Науменков, О. А. Борьба партий и вторая парламентская реформа 1867 г.: текст лекций / О. А. Науменков. – Уфа, 1988. – 46 с.
250. Науменков, О. А. Из истории внутренней политики консервативной партии Великобритании / О. А. Науменков. – Саратов, 1989. – 160 с.
251. Науменков, О. А. Консервативная партия и парламентские выборы 1874 г. в Англии / О.А. Науменков. – Уфа, 1983. – 95 с.
252. Науменков, О.А. Консервативная партия и парламентские выборы 1880 г. в Англии / О. А. Науменков. – Уфа, 1985. – 84 с.
253. Некрич, А. М., Поздеева Л. В. Государственный строй и политические партии Великобритании / А. М. Некрич, Л. В. Поздеева. - М., 1958. – 264 с.

254. Нечкина, М. В. Движение декабристов / М. В. Нечкина. - М., 1955. - Т. 1. – 481 с.
255. Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII-XIX вв.) / отв. ред. А. А. Кара-Мурза. - М.: ИФ РАН, 2004. – 226 с.
256. Очерки по истории Великобритании XVII – XX вв.: монография / А.И. Минаев, Ю. И. Лосев, Т. Л. Лабутина, М. В. Жолудов, С. В. Демидов. – М., 2002. – 208 с.
257. Очерки по истории Англии / под ред. Левина Г. Р. – М.: Госучпедгиз мин-ва просвещения РСФСР, 1959. – 358 с.
258. Политическая система Великобритании / Н.С. Крылова. - М.: Юридическая литература, 1984. – 381с.
259. Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX – XX вв.: Хрестоматия / Авт. проект Веденеев Ю. А., Зайцев И. В., Поляков Л. В. / Отв. ред. Вешняков А. А. - М., 2003. – 896 с.
260. Пономарева, В. В. Парламент и политическая элита Великобритании XVIII в. / В. В. Пономарева. – Красноярск: СибЮИ, 2002. – 157 с.
261. Просветительское движение в Англии / Под ред. Мещеряковой Н.М. - М.: Из-дво МГУ, 1991. – 448 с.
262. Рожков, Б. А. Чартистское движение 1836-1854. / Б. А. Рожков. - М.: Издательство социально-экономической литературы, 1980. – 216 с.
263. Роот, А. А. Герцен и традиции Вольной русской прессы / А. А. Роот. – Казань, 2001. - 216 с.
264. Российский либерализм: идеи и люди / Сост. А. Кара-Мурза. - М.: Новое изд-во, 2004. – 615 с.
265. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. - М.: Прогресс, 2000. - 439 с.
266. Секиринский С. С., Шелохаев В. В. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX- начало XX века) / С. С. Секиринский, В.В. Шелохаев. - М.: Памятники исторической мысли, 1995. – 286 с.

267. Семигин, Г. Ю. Российские политико-правовые доктрины / Г. Ю. Семигин. Отв. ред.: Н. М. Золотухина, И. А. Исаев. - М.: Мысль, 2005. - 925 с.
268. Современные тенденции в исследовании и преподавании новой и новейшей истории зарубежных стран: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 25 ноября 2009 г. / отв. ред. М. В. Жолудов, Ю. И. Лосев. - Рязань: РГУ имени С.А. Есенина, 2009. - 192 с.
269. Соколов, А. Б. Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI – XVII в. / А. Б. Соколов. – Ярославль, 1992. – 303 с.
270. Татаринова, К. Н. Очерки по истории Англии 1640 – 1815 гг. / К. Н. Татаринова. – М., 1958. – 456 с.
271. Торопова, С. Ю. Британские либералы в конце 1880-х — начале 1900-х годов: кризис и путь к возрождению партии / С. Ю. Торопова. – Ярославль, 2002. – 184 с.
272. Торопова, С. Ю. Становление и эволюция двухпартийной системы Викторианской Англии / С. Ю. Торопова. – Ярославль, 1998. - 84 с.
273. Традиции и новации российского государства и права (к 1150-летию отечественной государственности): межрегиональный сборник научных трудов / Г. Я. Козлов, К. Н. Локшина. - Рязань: РГУ имени С.А. Есенина, 2013. – 404 с.
274. Трухановский, В. Г. Бенджамин Дизраэли или история одной невероятной карьеры / В. Г. Трухановский, В. Г. Бенджамин. - М., 1993. – 368 с.
275. Узнародов, И. М. Политические партии Великобритании и рабочие избиратели (50-нач. 80-х гг. XIX в.) / И. М. Узнародов. - Ростов н/Д., 1992. – 189 с.
276. Федоров, С. Г. Двухпартийная система в государственном механизме современной Великобритании / С. Г. Федоров. - М., 1957. – 234 с.
277. Федоров, В. А. История России. 1861-1917: учеб. для вузов / В. А. Федоров. - М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 1998. - 752 с.
278. Шелохаев, В. В. Либеральная модель переустройства России / В. В. Шелохаев. - М.: РОССПЭН, 1996. – 279 с.

279. «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии. 1646 – 1945. - М: РОССПЭН, 2001. - 648 с.
280. Addy, J. Parliamentary elections and reform (1807-1832) / J. Addy. - London, 1967. – 76 p.
281. Ball, A. R. British political parties, the emergence of a modern party system / Alan R. Ball. - London, 1987. - 288 p.
282. Bagehot, W. The English Constitution. Second Edition / Walter Bagehot. - London, 1873. - 214 p.
283. Bebbington, D.W. The mind of Gladstone: religion, Homer, and politics / David Bebbington. - Oxford, 2004. - 331 p.
284. Bebbington, D.W. Gladstone centenary essays / David Bebbington. - Liverpool, 2000. – 277 p.
285. Bebbington, D.W. William Ewart Gladstone: faith and politics in Victorian Britain / David Bebbington. - Michigan, 1993. – 270 p.
286. Blackstone, W. Commentaries on the Laws of England / William Blackstone. - London, 1869. - 680 p.
287. Blake, R. Disraeli / Robert Blake. - London, 1978. – 819 p.
288. Blake, R. The conservative party from Peel to Thatcher / Robert Blake. - London, 1985. – 401 p.
289. Briggs, A. A Social History of England / Asa Briggs. - London, 1983. - 320 p.
290. Briggs, A. The Age of Improvement 1783-1867 / Asa Briggs – London, 1979. - 550 p.
291. Brinton, Cr. English political thought in the nineteenth century / Crane Brinton. - London, 1933. – 311 p.
292. Brock, M. The Great Reform Act / Michael Brock. – London, 1973. - 411 p.
293. Bulmer-Thomas, I. The Growth of the British Party System 1640-1923 / Ivor Bulmer-Thomas. - Vol. I. - London, 1965. - 560 p.
294. Bulmer-Thomas, I. The Party system in Great Britain / Ivor Bulmer-Thomas. - London, 1953. - 340 p.

295. Butler, J. R. M. A history of England 1815 – 1918 / James Ramsay Montagu Butler. – London, 1928. - 252 p.
296. Clark, J. The making and the Conservative Party / John Clark. - London, 1964. - 380 p.
297. Butler, J. R. M. The passing of the Great Reform bill / James Ramsay Montagu Butler. - London, 1914. - 458 p.
298. Clark, J. Revolution and rebellion: State and social in England in the seventeenth and eighteenth centuries / John Clark. - Cambridge: CUP, 1987. - 187 p.
299. Collieu, E.G. Gladstone / E.G. Collieu. - L.: Oxford univ. press, 1968. - 63 p.
300. Coward, B. The Stuart Age: England 1603–1714 / Barry Coward. N.Y.: Longman, 1974. – 608 p.
301. Cox, G. W. History of the Reform Bills of 1866 and 1867 / Gary W. Cox. - London, 1868. - 302 p.
302. Cox, G.W. The Efficient Secret: The Cabinet and the Development of Political Parties in Victorian England (Political Economy of Institutions and Decisions) / Gary W. Cox. - Cambridge, 1987. - 187 p.
303. Dicey, A. V. Lectures on the relation between law and public opinion in England during the nineteenth century / Albert Venn Dicey. - London, 1905. - 503 p.
304. Dickinson, H. T. Liberty and property. Political ideology in eighteenth-century Britain / H. T. Dickinson. - N.Y.: Holmes, 1979. - 166 p.
305. Epstein, L. Political Parties in Western Democracies / Leon D. Epstein. New York, 1967. - 386 p.
306. Evans, E. J. Contemporary Sources and Opinions in modern British History / John Evans. - Vol. 1 - 2. - Warne, 1967. – 349 p.
307. Gash, N. Aristocracy and people: Britain, 1815 – 1865 / Norman Gash. - Cambridge, 1981. – 384 p.
308. Gash, N. Politics in the age of Peel: A study in the technique of Parliamentary representation 1830 – 1850 / Norman Gash. - London, 1953. – 514 p.
309. Gash, N. Reaction and Reconstruction in English Politics, 1832 - 1852 / Norman Gash. – Oxford, 1965. - 227 p.

310. Gash, N. Sir Robert Peel: the Life of Sir Robert Peel after 1830 / Norman Gash. - L.: Longman, 1986. - 772 p.
311. Gunsaulus, F.W. William Ewart Gladstone a Biographical Study / Frank W. Gunsaulus. – L., 1893. - 384 p.
312. Hammer, D. A. Liberal politics in the age of Gladstone and Rosebery / David Allan Hamer. – Oxford, 1972. - 368 p.
313. Handford T.W. William Ewart Gladstone: Life and Public Services / Thomas W. Handford. - Chicago, 1898. - 424 p.
314. Hanham, H. J. Elections and party management: politics in the time of Disraeli and Gladstone / H. J. Hanham. - London, 1959. - 468 p.
315. Hanham, H. J. The Nineteenth Century Constitution, 1815 - 1914: Documents and Commentary / H. J. Hanham. - London, 1969. - 512 p.
316. Holmes, G. Religion and Party in Late Stuart England / Geoffrey Holmes. - London, 1986. – 367 p.
317. Hume, D. Of the Parties of Great Britain / David Hume // Essays. — London, 1923. – 317 p.
318. Jenkins, T. A. Gladstone, whiggery and the Liberal party 1874-1886 / T.A. Jenkins. - Oxford, 1988. - 336 p.
319. Jennigs, W. I. Party Politics. The Growth of Parties / W.I. Jennigs. - Vol. 2. Cambridge, 1961. - 573 p.
320. Jones, A. The politics of reform 1884 / A. Jones. - Cambridge: Cambridge univ. press, 1972. - 281 p.
321. Kelsey, D. M. Life and Public Services of William E. Gladstone / D. M. Kelsey. - Halifax. Canada, 1898. - 504 p.
322. Lowell, A. L. The Government of England / A. Lawrence Lowell - Vol. I. -New York, 1908. - 458 p.
323. MacDonald, E.A. Mr. Gladstone: A Popular Biography. Edinburgh / E.A. MacDonald. - L., 1891. – 246 p.

324. Mackenzie, R. T. British political parties: The Distribution of Power Within the Conservative and Labour Parties / Robert Trelford Mackenzie. - London, 1955. - 643 p.
325. Matthew, H. C. G. Gladstone: 1809-1898 / H. C. G. Matthew. - Oxford, 1997. - 706 p.
326. May, T. E. The Constitutional History of England since the Accession of George the Third. 1760-1860 / Thomas Erskine May. - London, 1871. - Vol. 3. - 499 p.
327. Morley, J. The Life of W. E. Gladstone / John Morley. - Vol. 2. L., 1903. - 486 p.
328. Morton, A. A peoples history of England / Arthur Leslie Morton. - Lawrence & Wishart, 1985. - 501 p.
329. Murdoch, J. A History of constitutional reform in Great Britain and Ireland with a full account of the three measures of 1832, 1867 and 1884 / James Murdoch. - London, 1885. - 408 p.
330. Namier, L. The Structure of Politics at the Accession of George III / Lewis Namier. - Vol. 1—2. — L., 1957. - 514 p.
331. O'Connor T.P. Gladstone's House of Commons / Thomas Power O'Connor. - L., 1885. - 4221 p.
332. Park, J. H. The English Reform Bill of 1867 / Joseph Hendershot Park. - New-York, 1920. - 494 p.
333. Parry, J. Ph. The Rise and Fall of Liberal Government in Victorian Britain / Jonathan Parry. — London, 1993. - 383 p.
334. Plumb, J. H. The growth of political stability in England, 1675-1725 / J. H. Plumb. - L.: Macmillan, 1967. - 206 p.
335. Pollard, A. F. The History of England A study in political evolution / Alfred W. Pollard. - London, 1911. - 524 p.
336. Pugh, M. Electoral reform in war and peace. 1906 -1918 / Martin Pugh. -London, 1978. - 228 p.
337. Pugh, M. The making of modern British politics (1867-1939) / Martin Pugh. - Oxford, 1982. - 337 p.
338. Raymond E.T. The Life of Lord Rosebery / E.T. Raymond - . N.Y., 1923. - 256 p.

339. Seymour, C. Electoral reform in England and Wales 1832 – 1885 / Charles Seymour. - New Haven, 1915. - 564 p.
340. Smith, G. B. The Life and Times of the Right Honourable William Ewart Gladstone / George Barnett Smith. - Vols. 6. - Glasgow, 1888. – 539 p.
341. Smith, F. B. The making of the Second Reform Bill / Fell Bryan Smith. – Cambridge, 1966. - 297 p.
342. Speck, W. Stability and Strife. England 1714–1760 / William Arthur Speck. - Harvard University Press, 1977. – 311 p.
343. Speck, W. Tory and Whig: the struggle in the constituencies. 1701-1715 / William Arthur Speck. – L.: Macmillan, 1970. - 164 p.
344. Stewart, R. The formation of the conservative party 1830-1867 / Robert Stewart. – London, 1978. – 452 p.
345. Taswell-Langmead, T.R. English Constitutional History from the Teutonic conquest to the present time / Thomas Taswell-Langmead. - London, 1905. – 875 p.
346. Veitch, G. S. The Genesis of Parliamentary Reform / George Stead Veitch. – London, 1915. – 314 p.
347. Vinsent, D. The formation of the British Liberal party 1857-1868 / John Vinsent. - N.Y, 1972. - 281 p.
348. Walcott, R. English Politics in the Early Eighteenth Century / Robert Walcott. - Cambridge, 1956. – 291 p.

2.2. СТАТЬИ

349. Айзенштат, М. П. Н. Г. Чернышевский об Англии и англичанах [Электронный ресурс] / М.П. Айзенштат // История РФ. Федеральный портал. - Режим доступа: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/book>. <http://histrf.ru/ru/biblioteka/book>
350. Барлова, Ю. Е. «Гнилые» местечки в истории Англии / Ю. Е. Барлова // Вопросы истории. - 1999. - № 6. - С. 150-155.
351. Волкова, Т. И. Роль земств в социокультурной модернизации России (региональный аспект) / Т. И. Волкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. - Сер. 2. – 2008. - № 2. - С. 74-86.

352. Востриков, С. В. Трансформация местного самоуправления в дооктябрьской России / С. В. Востриков // Россия и современный мир. – 2002. - № 4. – С. 171-183.
353. Гелла, Т. Н. Британская монархия и империя в 70-80-х годах XIX века / Т. Н. Гелла // Вестник Орловского государственного ун-та. Серия: новые гуманитарные исследования. – 2011. - № 6. – С. 31-35.
354. Гелла, Т. Н. Королева Виктория и Британская империя в 70-80-х годах XIX века / Т. Н. Гелла // Общество и человек. – 2013. - С. 60-66.
355. Гелла, Т. Н. Либералы и консерваторы: социальный состав и представительство в парламенте в конце XIX века / Т. Н. Гелла // Вестник Орловского государственного ун-та. Серия: новые гуманитарные исследования. – 2009. - № 2. – С. 215 – 219.
356. Гросул, В. Я. Декабристы и эмиграция / В. Я. Гросул. // Отечественная история. - 2006. - № 6. - С. 3-19.
357. Евтеева, Т. В. Критика западной цивилизации в воззрения А. И. Герцена. / Т. В. Евтеева // Аналитика культурологи. - 2011. - № 21. С. 6-12.
358. Ерофеев, Н. А. «Дряхлый Альбион» (Англия в русской публицистике 30-40-х годов XIX в.) / Н. А. Ерофеев // Проблемы британской истории. – М., 1980. - С. 129-146.
359. Жданович, В. А. Об избирательной системе Великобритании / В. А. Жданович // Журнал российского права. - 1998. - № 4. - С. 116-123.
360. Жолудов, М. В. К вопросу о времени образования либеральной партии Великобритании / М. В. Жолудов // Актуальные проблемы преподавания новой и новейшей истории в школе и вузе: Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. – Рязань, 26-27 мая 1995. - С. 16-20.
361. Жолудов, М. В. К вопросу о социально-экономических предпосылках образования либеральной партии Великобритании в середине XIX в / М. В. Жолудов // Новая и новейшая история Запада и Востока: новые подходы в исследовании: межвузовский сборник научных трудов. – Рязань, 2008. - С. 70-76.

362. Жолудов, М. В. Образ британского парламентского правления в представлениях российских путешественников первой половины XIX в [Электронный ресурс] / М. В. Жолудов // Образы власти в гуманитарных исследованиях: сборник статей. - Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2013. – Режим доступа: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/book>
363. Жолудов, М. В. У истоков либеральной партии Великобритании / М. В. Жолудов // Вопросы всеобщей истории: сборник научных трудов.- Рязань: Изд-во РГПУ, 1997. – С. 46-80.
364. Жолудов, М. В., Маруков А. Ф. Государственно-правовое реформирование России и британский опыт парламентской демократии в XIX - начале XX в / М. В. Жолудов, А. Ф. Маруков // Юридическая мысль. - 2011. - № 1. - С. 17-21.
365. Жукова, О. А. Субкультура власти и социальный порядок в России: реформаторский опыт М. М. Сперанского / О. А. Жукова // Полис. - 2013. - № 2. - С. 179-187.
366. Захарова, Л. Тютюнник, Л. Чем Англия страшна Европе. Из переписки императора Александра II с братом Константином Николаевичем / Л. Захарова, Л. Тютюнник // Родина. – 1992. - № 11-12. С. 68-71.
367. Зименков, А. Традиции самоуправления в дореволюционной России / А. Зименков // Обозреватель. – 2008. - № 4. - С. 35-46.
368. Карипов, Б. Н. Консерватизм: понятие, генезис, сущность и особенности / Б. Н. Карипов // Вестник Моск. ун-та. - Сер.12. - Полит.науки. - 2009. - № 1. - С. 90-105.
369. Кельнер, В. Е. М. М. Стасюлевич и либеральная оппозиция в 70-х – начале 80-х годов XIX века / В. Е. Кельнер // Отечественная история. -1992. – № 4. - С. 50-62.
370. Киселев А. Проблема формирования английской двухпартийной системы в историографии // Власть. – 2011. - № 7. – С. 162-165.
371. Клочков В. В. Партии в политической системе Великобритании в XVIII в. / В. В. Клочков // Тамбов: Грамота. – 2012. - № 9 (23). – Ч.1. – С. 102-106.

372. Ключков В. В. Эволюция системы политического представительства в Великобритании конца XVII – начала XIX в. / В. В. Ключков // Тамбов: Грамота. – 2015. - № 6 (56). – Ч. 2. – С. 82-86.
373. Кривоногова, С. А. Восприятие опыта британского парламентаризма в русской либеральной публицистике конца XIX- начала XX века / С. А. Кривоногова // Вестник ЮУрГУ. – 2007. - №8 (80). - С. 22-26.
374. Лабутина, Т. Л. Политические партии Англии в эпоху раннего просвещения (1688-1714 гг.) / Т. Л. Лабутина // Вопросы всеобщей истории: Сборник науч. трудов, отв. ред. Г. К. Селезнев. - Рязань: РГПУ, 1997. – С. 8-22.
375. Левин, Г. Р. Рабочий класс Англии в борьбе за парламентскую реформу в 1830-32 гг. / Г. Р. Левин // Проблемы истории классовой борьбы в странах Западной Европы и Америки и международных отношений в XIX - XX вв. – Л., 1977. - С. 121-134.
376. Медушевский, А. Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия / А. Н. Медушевский // Вопросы истории. – 1996. - № 9. – С. 3-22.
377. Медушевский, А. Н. Реформы в России XIX –XX веков: западные модели и русский опыт / А. Н. Медушевский // Отечественная история. - 1996. - № 2. - С. 202-207.
378. Минаев, А. И. Британский внутривнутриполитический опыт и развитие российской государственности во второй половине XVIII – начале XIX века / А. И. Минаев // Вестник Рязанского государственного университета. – 2011. - № 30. - С. 62-78.
379. Минаев, А. И. Британский парламентаризм и радикальная политическая мысль России середины XIX века / А. И. Минаев // Вестник Рязанского государственного университета. – 2012. - № 36. – С. 88-110.
380. Минаев, А. И. Восприятие британского парламентаризма в России. Конец XVIII – середина XIX века / А. И. Минаев // Вопросы истории. – 2008. - № 12. – С. 99-108.

381. Минаев, А. И. Политические партии Великобритании в оценке общественно-политической мысли России XIX – начала XX в. / А. И. Минаев // Новая и новейшая история Запада и Востока: новые подходы в исследовании: межвузовский сборник научных трудов. – Рязань, 2008. С. 149-158.
382. Минаев, А. И. Российские консерваторы XIX в. о специфике британского парламентаризма и перспективах российской государственности / А. И. Минаев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. - 2008. - № 62. – С. 157-163.
383. Молчанов, В. Борис Чичерин Наше настоящее положение / В. Молчанов // Родина. – 1992. - № 11-12. – С. 48, 50.
384. Насибуллин, Р. А. Б. Н. Чичерин о классификации политических партий в конституционном государстве / Р. А. Насибуллин // Вестник Удмурдского ун-та. Экономика и право. - 2008. - № 2. - С. 153-156.
385. Орлов А. А. Иностранцы – это вред или польза? Рецензия на книгу: Тихонова А. В. «Надлежаще смотреть...». Надзор за иностранцами в Российской империи (1801-1861) / А. А. Орлов // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. – 2014. - № 2 (14). - С. 112-119.
386. Орлов А. А. Россия и Великобритания в 1805-1815 гг.: борьба за новый европейский порядок / А. А. Орлов // Российская история. – 2013. - № 6. - С. 43-51.
387. Потапов, И. В. Роль электоральных реформ в преобразовании Великобритании в парламентскую монархию в XIX в. / И. В. Потапов // Управленческое консультирование. - 2008. - № 4. - С. 184-193.
388. Романов, Р.М. Понятие и сущность парламентаризма / Р.М. Романов // Социально-политический журнал. - 1998. - №4.- С. 123-126.
389. Романова, М. И. Борьба за парламентскую реформу в английском обществе конца XVIII столетия / М. И. Романова // Вопросы истории. – 2004. - № 5. - С. 135-139.
390. Романова, М. И. Парламентская реформа 1832 г. в Англии и ее последствия / М. И. Романова // Новая и новейшая история. – 2005. - № 4. – С. 58-68.

391. Селезнев, Ф. А. Либералы и социалисты – предшественники кадетской партии / Ф.А. Селезнев // Преподавание истории в школе. – 2003. - № 3. – С. 22-34.
392. Семенов, С. Б. Уильям Питт-младший и парламентская реформа в Англии / С. Б. Семенов // История и историография зарубежного мира в лицах. – Самара, 1999. - С. 71-82.
393. Согрин, В. В. История партийно-политической системы в Великобритании, анализ немарксистских концепций / В. В. Согрин // Новая и новейшая история. – 1988. – № 5. - С.23-30.
394. Соколов А.Б. XVIII век в Англии: споры историков / А. Б. Соколов // // Вопросы всеобщей истории: сборник научных трудов.- Рязань: Изд-во РГПУ, 1997. – С. 81-96.
395. Сокольская, Н. Б. Консерватизм: идея или метод. / Н. Б. Сокольская // Полис 1998. - №5. - С.48-58.
396. Тимошенко, И. Г. Парламентский контроль в Великобритании / И. Г. Тимошенко // Журнал российского права. - 2000. - № 9. С. 130-137.
397. Трухановский, В. Г. Бенджамин Дизраэли и королева Виктория / В. Г. Трухановский // Новая и новейшая история. - 1990. - № 4, 5.
398. Филиппова, Т.А. Российское реформаторство второй половины XIX века: проблема либерально-консервативного синтеза / Т.А. Филиппова // Преподавание истории в школе. - 1995. - № 1. - С. 2-6.
399. Чапурина, О. А. Проблема становления личности в либеральной концепции К. Д. Кавелина / О. А. Чапурина // Вестник АГТУ. - 2007. - №2 (37). - С. 259-263.
400. Чибикеев, С. М. Баланс консерватизма и модернизма: опыт реформ М. М. Сперанского / С. М. Чибикеев // Вестник Моск. ун-та. - Сер.12. - Политические науки. - 2009. - №2. - С. 103-109.
401. Шелохаев, В. В. Либеральная альтернатива общественного развития России в начале XX века / В.В. Шелохаев // Преподавание истории в школе. - 1991. - № 4. - С. 55-59.

402. Шутов, А. Ю. Политические дискуссии о земской избирательной системе в России (60-90-е годы XIX в.) / А. Ю. Шутов // Вестник Московского университета. Политические науки. - Серия 12. - 1998. - № 5. - С. 103-119.
403. Юровский, В. Е. Газета либеральной интеллигенции «Русские ведомости» / В. Е. Юровский // Вопросы истории. - 1997. - № 1. - С. 149-154.
404. Briggs, A. Middle Class Consciousness in English Politics, 1780—1846 / A. Briggs // Past and Present. - 1956. - № 9. - P. 66-68.
405. Hill, B. W. Executive Monarchy and the Challenge of Parties, 1689-1832: Two Concepts of Government and Two Historiographical Interpretations / B. W. Hill // The Historical Journal. - 1970. - Vol. 13. - № 3. - P. 379-401
406. Hume, D. Of the Parties of Great Britain / D. Hume // Essays. — L.: John Long Ltd, 1923. - P. 90-97.
407. Orlov A.A. Russia and Britain in International Relations in 1807-1812 [Электронный ресурс] / A. A. Orlov // LSE IDEAS. Research Programmes. Russia and Napoleonic Wars. - Mezotnes, Latvia. - 15-19 May 2014. - Режим доступа: <https://www.lse.ac.uk/IDEAS/internal/RussiaNapoleonicWars/Orlov.pdf>

ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

408. Аронов, Д. В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной Думе: 1906-1917 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. / Аронов Дмитрий Владимирович. – Орел, 2005. – 489 с.
409. Айзенштат, М. П. Британский парламент и общество 1815-1849 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03. / Марина Павловна Айзенштат. – М., 1999 - 440 с.
410. Богданов, С. В. Национальный и зарубежный опыт в формировании и функционировании Государственной Думы и Государственного Совета в начале XX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Богданов Сергей Викторович. – М., 2003. – 240 с.
411. Бодров, О. В. М. М. Ковалевский - историк английской общественной и политической мысли нового времени : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Бодров Олег Вячеславович. – Казань, 2002. - 331 с.

412. Борискин, В. В. Викторианская Англия в оценках российских либералов и демократов 50-60-х годов XIX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Борискин Владимир Владимирович. – Орел, 2006. – 221 с.
413. Гелла, Т. Н. Империалистическое течение в английской либеральной партии в конце XIX – начале XX в. (1895-1905 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Тамара Николаевна Гелла. – М., 1984. - 215 с.
414. Голубев, Н. Р. Общественно-политическая мысль о переустройстве России (Конец XIX- начало XX вв.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. / Голубев Николай Романович. – Пермь, 2004. – 538 с.
415. Золотницкий, Е. П. Политический либерализм (историко и теоретико-правовые аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Золотницкий Евгений Павлович. – СПб., 2000. – 170 с.
416. Зулъкарнаева, Е.З. Второй кабинет Солсбери и проблемы внутренней политики британских консерваторов: 1886-1892гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Зулъкарнаева, Елена Зулъфаровна. – Уфа, 2005. – 255 с.
417. Клочков, В.В. Кризис партии тори и формирование политической стратегии британского консерватизма, 1828-1835 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Клочков Виктор Викторович. – Ростов-на-Дону, 1999. – 261 с.
418. Лафитский, Д. В. Избирательное право Великобритании: институты и тенденции развития : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Лафитский Дмитрий Владимирович. – М., 2006. – 234 с.
419. Минаев, А. И. Британский парламентаризм и его влияние на развитие государственно-правовых институтов России. Конец XVIII – начало XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / Минаев Андрей Иванович. – М., 2009. – 480 с.
420. Минаев, А. И. Развитие британского парламентаризма и общественно-политическая мысль России второй половины XIX - начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Минаев Андрей Иванович. – М., 1998. – 21 с.
421. Молчанов, Д. В. Российский либерализм на рубеже XX- XXI вв. (традиции и современность) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Молчанов Денис Владимирович. – М., 2004. – 515 с.

422. Науменкова, Е. О. Партийно-политическая борьба вокруг третьей парламентской реформы в Великобритании (1883-1886 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Науменкова Екатерина Олеговна. - Екатеринбург, 2010. – 177 с.
423. Новиков, А. В. Российские консерваторы М. Н. Катков, Д. А. Толстой, К. П. Победоносцев и самодержавие, середина XIX - начало XX в.в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Новиков Александр Валентинович. – М., 2001. – 219 с.
424. Онишко, Н. В. Идеи и институты парламентаризма в политико-правовой мысли дореволюционной России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Онишко Наталия Вадимовна. – СПб., 2003. – 322 с.
425. Орлов А. А. Англо-русские взаимоотношения в годы наполеоновских войн, 1805-1814 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Александр Анатольевич Орлов. – М., 1997. - 293 с.
426. Подсумкова, А. А. Государственная дума и периодическая печать России в начале XX века (взаимоотношение и взаимовлияние): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Подсумкова Анна Александровна. – М., 1996. – 170 с.
427. Полунов, П. А. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Полунов Александр Юрьевич. - М., 2010. – 501с.
428. Репинецкий, С. А. Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856-1860 годов : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Репинецкий Станислав Александрович. – М., 2009. - 327 с.
429. Степанюк, С. И. Концепция политической партии в теоретическом наследии М. Я. Острогорского : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Степанюк Светлана Ивановна. – СПб., 2003. – 135 с.
430. Украинский, В. Н. Политические партии в двухпартийной системе Великобритании 70-80-х годов XIX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Украинский Вадим Николаевич. – Саратов, 1994. – 190 с.

431. Чибикеев, С. М. Политические идеи и проекты М.М. Сперанского в контексте истории российских реформ : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Чибикеев Сергей Михайлович. – М., 2009. – 172 с.
432. Шепель, М. О. Историсофия А.И. Герцена: у истоков критики парадигмы истории XIX столетия : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Шепель Михаил Олегович. – Томск, 2009. – 215 с.
433. Школьников, И. А. Суфражизм и политические партии Великобритании : 1867-1918 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Школьников Игорь Александрович. – Иваново, 2002. – 186 с.
434. Юдина, И. В. Духовная атмосфера Великобритании 1898-1914 гг. в освещении русских общественно-политических журналов : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Юдина Ирина Владимировна. – Иваново, 2004. – 208 с.